

ДРУЖИННИК.

Эта скульптура работы А. Зеленского установлена у входа на станцию метро «Красная Пресня».

П И О Н

ПИОНЕР
№12 1955г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

ДЕКАБРЬ 1955

В ЭТОМ НОМЕРЕ

В этом номере мы расскажем о жизни и творчестве великого русского поэта Александра Пушкина. Мы познакомим вас с его детством, с его любовью к природе и к родному языку. Мы расскажем о его поездках за границу и о его участии в общественной жизни России. Мы расскажем о его любви к музыке и о его дружбе с великими русскими писателями. Мы расскажем о его любви к своей родине и о его преданности своему народу.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ДРУЖИНЫ

И. В. СТАЛИН.

работы А. Зелениного установлены у входа
на станцию метро «Красная Пресня».

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№12 ДЕКАБРЬ 1955

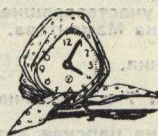
В этом номере:

По следам истории.— Письма пионеров о 1905 году на Красной Пресне	5
Я стал большим парнем.— Повесть Никуца Тэнасе. Окончание. Перевели с румынского Л. Каменская и В. Файнберг. Рисунки В. Таубера	12
«Марь Иванна».— Рассказ Юрия Сотника. Рисунки Ф. Лемкуля	26
Героический 1905 год	32
Как была покорена Джомолунгма.— Я. Аркин	34
На высочайшей вершине мира (Из записок путешественников).— Тенсинг Норки	35
Первые рисунки. Улыбка.— Стихи Валентина Берестова. Рисунки О. Зотова	40
На неуправляемом воздушном шаре (Из воспоминаний).— А. Бруштейн. Рисунки Н. Гришина	42
Атомная станция.— Очерк Г. Остроумова. Фото Н. Хорунжего	47
Экзамен Ани Супрун (Рассказы о смелых людях).— Игорь Голосовский	53
Народные сказки.— Рисунки Ю. Кискачи и А. Брея	58
Почему и отчего	62
Король лыж.— Очерк В. Викторова	64
Баллада о закрытии пионерского лагеря.— Стихи Юрия Ряшенцева	66
Кляксы	67
В мире книг	70
Могусам.— Н. Андреев. Рисунки Е. Ведерникова	73
Занимательная лаборатория.— Ф. Рабиза	75
К новогоднему вечеру.— Т. Харьковская	77
В часы досуга	78
Содержание журнала «Пионер» за 1955 год	79

На обложке:

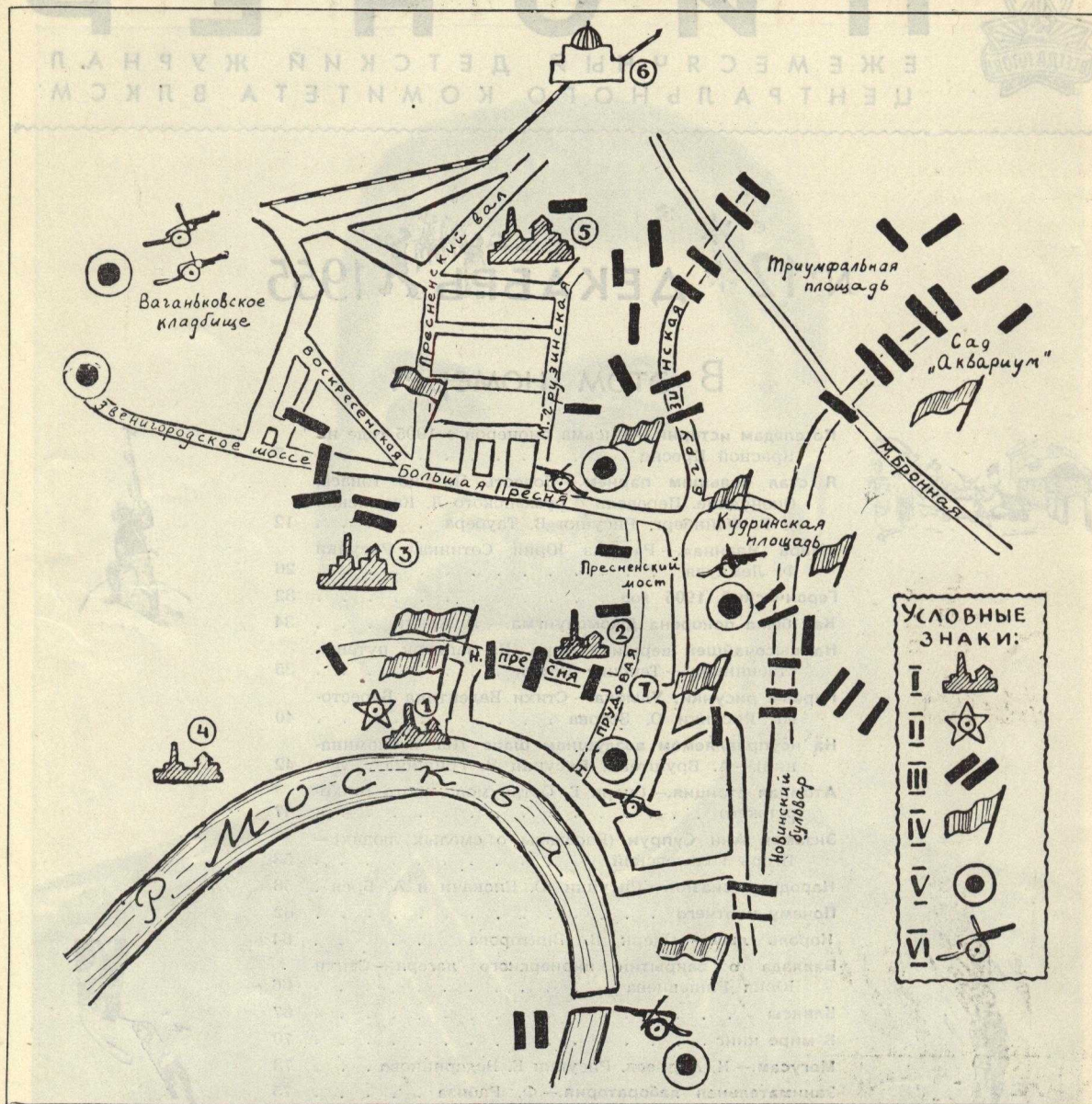
«Ледяная карусель»,

рисунки В. Андриевича, И. Бруни.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

О ЧЁМ РАССКАЗЫВАЕТ КАРТА

В музее «Красная Пресня» есть карта Московского вооружённого восстания 1905 года. Чтобы лучше разобраться в событиях на Пресне, мы нарисовали себе такую же карту — план, только не всей Москвы, а нашего района.

На карте обозначены основные баррикады, места боёв, видно, откуда наступали на рабочих царские войска. Названия улиц даны старые. Многие из этих улиц сейчас переименованы и названы в честь революционных событий на Пресне в 1905 году. Так, например, улица Большая Пресня теперь называется Красной Пресней, Нижняя Прудовая улица — Дружинниковской, Воскресенская — улицей 1905 года. Кудринская площадь переименована в площадь Восстания.

Для простоты мы нарисовали не все улицы района, а только те, на которых развёртывались важнейшие события.

Условные знаки на нашей карте:

- I. Фабрики, заводы, мастерские, участвовавшие в восстании: 1. Прохоровская мануфактура. 2. Фабрика Шмита. 3. Фабрика Мамонтова. 4. Сахарный завод. 5. Завод Грачёва.
6. Брестский вокзал (Белорусский).
- II. Революционный штаб восстания.
- III. Уличные баррикады.
- IV. Места главных боёв. (Цифрой 7 в кружочке обозначен Горбатый мост.)
- V. Царские войска.
- VI. Места, где была сосредоточена царская артиллерия.

Марк Гольдберг и Валентин Хавроничев,
ученики 7-го класса «Б».

ПО СЛЕДАМ ИСТОРИИ

Этой осенью на улицах Краснопресненского района столицы можно было видеть пионеров и пионерок, вооружённых фотоаппаратами, альбомами или просто блокнотами. То довольно большими группами, то по три — пять человек заходили они в музеи, на заводы и фабрики района, подолгу осматривали на первый взгляд ничем не примечательные дома, дворы, улицы и переулки.

Дело в том, что краснопресненские пионеры задумали провести общерайонный сбор, посвящённый первой русской революции 1905 года. Подготовкой к этому сбору с увлечением занялись и ребята из 110-й школы.

Ровно полвека назад на Красной Пресне происходили замечательные события. В декабре 1905 года здесь шли ожесточённые бои между рабочими дружинами и царскими войсками. По книгам, по памятникам, по названиям улиц и, что самое интересное, по рассказам очевидцев и участников боёв ребята принялись изучать историю героической борьбы пролетариата с самодержавием в своём родном районе. Особенно интересно было им узнать то, что ещё не описано в книгах.

О том, как они вели свои изыскания и что узнали, ребята рассказывают сами.

Баррикады

Мы узнали, что в Краснопресненском районе живёт один из участников декабрьского восстания — старый рабочий Василий Антонович Емельянов. Мы созвонились с Василием Антоновичем и поехали к нему.

В просторной, светлой квартире Емельянова много вещей сделано руками хозяина. Когда-то он был искусным мастером. Теперь руки плохо слушаются Василия Антоновича: сказались годы тяжёлой работы, голодная юность... Даже писать Василию Антоновичу трудно, но он охотно беседовал с нами и, когда говорил, словно помолодел.

Вот что он нам рассказал:

«Седьмого декабря 1905 года в Москве началась всеобщая забастовка. Люди бросили работу и вышли на улицы. Восьмого декабря состоялось историческое собрание московского актива в здании театра «Аквариум» (возле Триумфальной площади, теперешней площади Маяковского). На этом собрании обсуждали вопрос о постройке баррикад, план перехода от всеобщей стачки к восстанию. Решали, должен ли работать водопровод, телефон, телеграф в дни восстания.

Вдруг кто-то крикнул, что казаки окружают «Аквариум». Люди стали спешно расходиться.

Казаки хватали кого попало, обыскивали, избивали. Тогда толпа стала напирать на казаков. Те растерялись, не зная, кого хватать, пустили в ход нагайки, приклады, но за это время все участники митинга сумели благополучно прорваться на улицу.

Девятого декабря на улицах начали строить баррикады. Стаскивали бочки, ящики, телеги, фонарные столбы, несли дрова, волокли

Баррикада.

Рисунок Гриши Гурова, ученика 7-го класса «Б».

снятые с петель тяжёлые ворота и вывески, подпиливали и валили телеграфные столбы.

Топорами и лопатами разрывали мостовые, вынимали булыжники и сваливали их в кучу.

Баррикады строили для того, чтобы не пропустить на площадь или на улицу казаков. Устраивали баррикады и вокруг тюрем. Окружив кольцом баррикад тюрьму, где сидело много бойцов революции, восставшие открывали ворота тюрьмы и выпускали товарищей на волю.

Баррикадами были окружены боевой штаб и типография рабочих. Строили баррикады на всех улицах, ведущих к центру, откуда двигались на Пресню царские войска.

В первый же день восстания была пролита кровь рабочих. Это произошло во время демонстрации на Тверской (улица Горького). В толпу безоружных демонстрантов стали стрелять драгуны. В тот же день драгунами было разгромлено реальное училище Фидлера. В этом училище сначала помещался штаб Московского комитета большевиков, но накануне восстания большевики ушли отсюда.

Расстрел мирных демонстрантов и разгром фидлеровского училища только усилили гнев народа. Возглавляемое большевиками, восстание стало шириться, охватило всю Москву.

Центром, крепостью Московского восстания стала наша Пресня; она держалась дольше всех районов Москвы.

Я с товарищами защищал баррикады на Горбатом мосту (теперь Мост 1905 года). На баррикадах мы часто видели фигуру человека, по одежде не похожего на рабочего. Он назвал себя Александром Поповым. Потом мы узнали, что это был писатель Александр Серафимович Серафимович.

Рассказ Василия Антоновича мы постарались записать как можно подробнее. Ведь это интересно всем ребятам.

*Гриша Гуров, Саша Александров,
ученики 7-го класса «Б».*

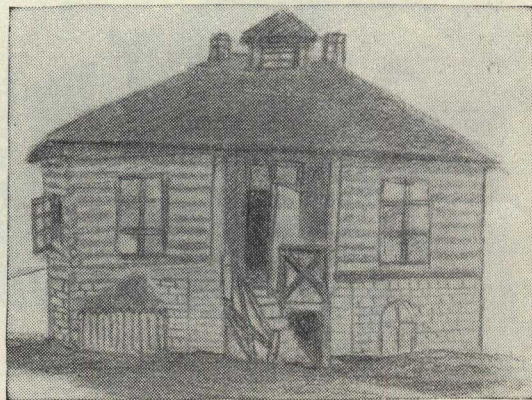
И з и с т о р и и «Трёхгорки»

Наш отряд занялся изучением истории Трёхгорного текстильного комбината имени Ф. Э. Дзержинского. Этот комбинат раньше назывался Прохоровской мануфактурой, или «Трёхгоркой», потому что располагался он на трёх горах.

Во всех книгах и статьях, посвящённых революции 1905 года, мы встречались с упоминанием о «Прохоровке» — Прохоровской мануфактуре. «Прохоровка», — читали мы, — стала центром восстания на Пресне, здесь находился революционный комитет и штаб дружин».

Мы внимательно осмотрели все исторические места «Трёхгорки». В небольшом деревянном домике — малой кухне — во время восстания находился штаб боевых дружин. Рядом, в большой кухне, была столовая для рабочих, здесь они собирались на митинги.

В большой кухне не раз выступал Ленин. Сейчас на этом месте стоит здание театра,

Малая кухня.

Рисунок Лёни Розова,
ученика 5-го класса «А».

который носит имя Владимира Ильича Ленина.

Были мы и на территории комбината Трёхгорной мануфактуры.

Там встретились со старым дружинником, рабочим Дмитрием Константиновичем Власовым. Он провёл нас по цехам комбината, а потом показал место у стены ткацкого корпуса, где расстреливали рабочих, когда декабрьское восстание было подавлено. На стене установлена мраморная мемориальная доска.

«Спите, дорогие товарищи, мы за вас отомстим.

Вы впервые подняли знамя восстания. Мы донесли его до диктатуры пролетариата. Клянёмся донести до торжества мирового коммунизма», — прочитали мы на мемориальной доске.

— Хорошо бы поговорить ещё с кем-нибудь из старых прохоровцев! — мечтали мы.

И вот от вожатой Зинаиды Александровны мы узнали адрес бывшего дружинника, старого рабочего «Прохоровки» Архипа Фёдоровича Гришина. Отряд поручил нам троим встретиться с ним и поговорить.

Мы отправились на Красную Пресню.

В квартире Архипа Фёдоровича все стены увешаны картинами. Здесь копии с картин Репина и Шишкина, красивые пейзажи, и всё это, как выяснилось, писал сам Архип Фёдорович.

— Люблю живопись, — улыбаясь, сказал он нам, — да вот не пришлось в юности заниматься любимым делом: не то время было.

Архип Фёдорович высокий, прямой, седой. У него замечательная память. Мы слушали его и всё время удивлялись, как хорошо он помнит все подробности и даты.

Он рассказал нам, как трудно жилось рабочим на прохоровской фабрике. Начальство придиралось к малейшей погрешности, за

Ребята попросили Дмитрия Константиновича Власова стать почётным пионером их дружины.

всё брали штрафы и даже выгоняли с фабрики.

Рабочий день длился одиннадцать с половиной часов.

Фабрикант Прохоров держал своих рабочих в общих бараках, которые Архип Фёдорович Гришин и его товарищи запомнили на всю жизнь. Представьте себе большое мрачное здание. Внутри — сплошные нары в три ряда, на них рабочие спали, сидели, ели: лавок и столов не было. Холод, темнота, теснота, грязь...

Трудно было сносить такую жизнь. И на «Прохоровке» часто вспыхивали забастовки. Одна из таких забастовок началась 24 мая

1895 года. В ней участвовало более четырёхсот ткачей.

Рабочие требовали, чтобы им повысили заработную плату, чтобы соблюдались установленные праздничные дни, чтобы улучшили бытовые условия. Администрация фабрики попыталась расколоть стачку, договорившись с наиболее квалифицированными рабочими, с теми, чей труд лучше оплачивался. Но рабочие не поддались на такую

удочку. Эту забастовку царь подавил военной силой. Но рабочие «Трёхгорки» не сдавались, они продолжали борьбу.

В декабре 1905 года дружина прохоровской фабрики сражалась с казаками и другими царскими войсками. Прохоровская фабрика — самая большая на Пресне — стала центром восстания в этом районе.

*Вероника Попова, Люся Иванченко,
Наташа Зосимова, ученицы 7-го класса «А».*

ШМИТОВСКИЙ ПРОЕЗД

Наше звено заинтересовалось, почему Шестая Звенигородская переименована в Шмитовский проезд. Кто такой был Шмит?

От очевидцев и из книг мы узнали, что на месте, где сейчас детский парк имени Павлика Морозова, до 1905 года стояла мебельная фабрика Шмита.

Так, значит, улицу назвали в честь фабриканта?! Узнав это, мы ещё больше удивились. Но оказалось, что этот фабрикант был настоящим революционером, отважным борцом за счастье рабочих.

Боевая дружина шмитовцев в декабрьские дни была вооружена лучше всех, у дружинников были винтовки и маузеры.

Мы побывали у бывшего начальника шмитовской боевой дружины Михаила Ивано-

вича Николаева, и он рассказал нам, как готовились шмитовцы к боям, как учились стрелять, изучали тактику уличных сражений, как охраняли они революционные митинги от нападения чёрной сотни, как участвовали в похоронах злодейски убитого революционера Н. Э. Баумана. Рассказал Михаил Иванович и о фабриканте-революционере Шмите.

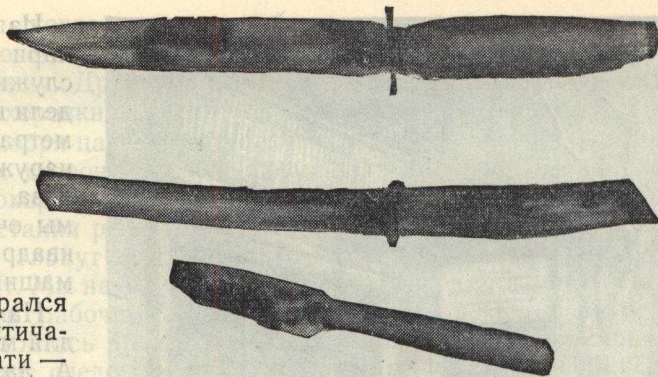
С его слов и по книгам я написал краткую биографию Николая Павловича Шмита. Это был очень честный и мужественный человек.

Пресненская мебельная фабрика досталась Николаю Павловичу Шмиту в наследство от отца. В то время Николай Шмит был студентом-естественником. Он мечтал посвятить себя науке.

Его очень тяготило положение фабриканта. Вступив во владение фабрикой, он стал

В гостях у Михаила Ивановича Николаева, руководителя шмитовской дружины.

знакомиться с жизнью рабочих, старался облегчить их положение. Он ввёл девятичасовой рабочий день вместо одиннадцати — двенадцатичасового, повысил заработную плату...

По указанию Н. П. Шмита на фабрике открыли столовую для рабочих, оборудовали амбулаторию и даже организовали библиотеку из марксистской литературы.

Этими нововведениями Николай Павлович навёл панику на других фабрикантов Москвы. Он стал получать от них анонимные письма с угрозами.

Дружина шмитовского завода сыграла важную роль в декабрьском восстании. На фабрике заготовили холодное оружие, отточили напильники, превратив их в кинжалы. Когда началось восстание, шмитовцы, захватив топоры и пилы, стали строить баррикады. Фабрика Шмита стояла на очень важном в сражении месте — против Горбатого моста, который связывал Пресню с городом. Здесь шли самые ожесточённые бои. Дружинники фабрики храбро сражались с казаками, громили полицейские участки. Всё это делалось с ведома и с помощью хозяина фабрики.

Семнадцатого декабря, в четыре часа ночи, Николай Павлович Шмит был арестован у себя на квартире. Его увезли, не дав даже проститься с родными. Через два часа раздался первый пушечный залп, и вскоре тём-

Оружие дружинников.

Рисунок Юры Тимофеева, ученика 6-го класса «А».

ное небо осветилось заревом пожара. Начался разгром Пресни.

Пресня горела. Лёд на реке покрылся трупами. Шла расправа над рабочими.

Шмита посадили в Таганскую тюрьму. От него требовали, чтобы он уговорил рабочих сложить оружие. Он отказался. Его фабрику разрушили артиллерийским огнём.

Четырнадцать месяцев Шмит провёл в тюрьме. Над ним всячески издевались. Ему грозили расстрелом, поместили в одиночную камеру. Тринадцатого февраля 1907 года Николай Павлович Шмит был предательски убит тюремщиками. Ему тогда было всего двадцать три года.

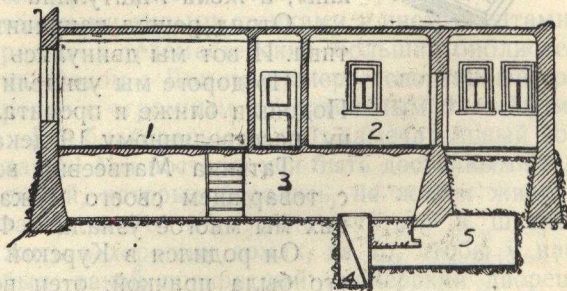
Шестнадцатого февраля состоялись похороны Н. П. Шмита. Несмотря на то, что по городу были выставлены усиленные наряды полиции, похороны вылились в демонстрацию рабочих и студентов. На венках было написано: «Товарищу по идее», «Самоотверженному борцу за свободу — товарищу Шмиту».

Валерий Гофман, ученик 7-го класса «Б».

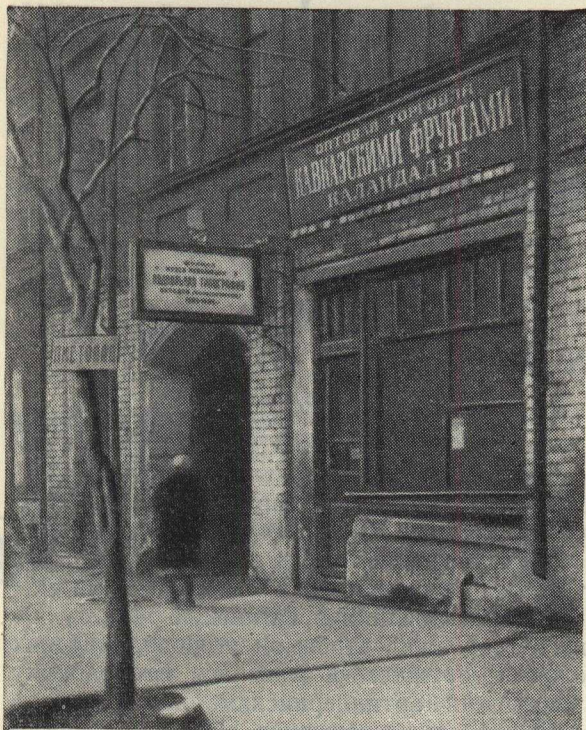
Подпольная типография

У многих, кто ездит или ходит по Лесной улице, вызывает удивление вывеска, которая действительно выглядит очень странно в наше время. На ней написано: «Оптовая торговля кавказскими фруктами Каландадзе». Вывеску этого частного магазина сохранили потому, что здесь, в лавке Каландадзе, находилась подпольная типография, хорошо замаскированная. Сейчас в доме музей. В нём всё сохранилось так, как было до революции. В этом музее мы побывали.

План подпольной типографии на Лесной улице: 1. Магазин. 2. Квартира хозяина. 3. Подвал-склад. 4. Люк. 5. Типография.

Музей «Подпольная типография» на Лесной улице в Москве.

Сотрудники музея рассказывали нам, что в лавке фактически никакой торговли не было. Открыли её специально для того, чтобы устроить здесь подпольную типографию. Большевик С. Кобидзе считался управляющим в лавке, а на самом деле он руководил работами в типографии.

Из магазина, где и сейчас сохранились лари для фруктов, мы спустились в подвал, служивший когда-то складом. Там мы увидели колодец якобы для стока воды глубиной метра в два. Мы спустились в колодец и обнаружили в стене прорезь — начало узкого лаза. Ползком пробравшись по этому лазу, мы очутились в комнатке площадью в пять квадратных метров, где и стояла печатная машина.

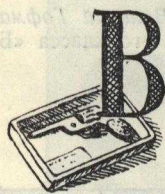
Нам рассказали, что на дно колодца для маскировки выливалось ведра два воды. А лаз был закрыт ящиком, наполненным землёй (чтобы нельзя было обнаружить лаз при простукивании), одна сторона ящика была сделана так, что совершенно сливалась со стенками колодца.

Работать в типографии было тяжело. В потолке, правда, есть вытяжная труба, но она действовала плохо, почти не очищала воздух, и тот, кто работал в типографии больше двух часов, рисковал потерять сознание. К тому же в типографии, находившейся в глубоком подвале, было очень сыро.

Типография на Лесной улице начала свою работу в августе 1905 года. Там печаталась газета «Рабочий». По поводу выхода первого номера этой газеты Ленин писал: «...Прекрасный боевой дух. Одним словом, от души могу поздравить с успехом и пожелать дальнейших...». Надо ещё сказать, что организовал эту типографию большевик Л. Б. Красин.

*Наташа Макарова, Саша Бескоровайный,
Лена Дубова, ученики 6-го класса «Б».*

П о с л е д н и е д н и

В нашем районе есть Мантулинская улица. Мы знали, что она названа по имени рабочего Фёдора Михайловича Мантулина. Нас заинтересовало, не живёт ли в Москве кто-нибудь из близких Мантулина. Фёдор Михайлович работал на Сахарном заводе. Позвонили туда. И что же? Оказалось, что на территории завода живёт не «кто-нибудь из близких», а жена Мантулина — Татьяна Матвеевна.

Отряд решил направить к ней нескольких ребят из пионерского актива. И вот мы двинулись в путь.

По дороге мы увидели за оградой одного из домов высокий обелиск. Подошли ближе и прочитали надпись: «Борцу за рабочее дело Мантулину, расстрелянному 19 декабря 1905 года».

Татьяна Матвеевна встретила нас очень приветливо, познакомила с товарищем своего мужа, Дмитрием Андреевичем Мелезниковым. От них мы многое узнали о Фёдоре Михайловиче Мантулине.

Он родился в Курской губернии, в бедной крестьянской семье. Мать его была прачкой, отец всё время болел. В детстве Фёдор пас телят. В 1900 году он переехал в Москву и стал работать на Сахарном заводе. Постепенно он всё больше сближался с партийной организацией.

Седьмого декабря, когда началась забастовка, которая потом перешла в вооружённое восстание, Фёдор Михайлович достал оружие и организовал боевую дружину. Дружина Сахарного завода действовала вместе с дружиной «Прохоровки».

Семнадцатого декабря царские войска начали штурм Пресни. Пресню обстреливали со всех сторон... Семёновцы захватили Кудринскую площадь, окружили «Прохоровку» и Сахарный завод.

Боевой штаб восстания решил прекратить борьбу.

«...Дети рабочих гибнут под копытами лошадей и под сапогами пьяных царских солдат. Мы начали. Мы кончаем,— говорилось в воззвании штаба, обращённом к рабочим Пресни.— В субботу ночью разобрать баррикады и всем разойтись далеко! Враг нам не простит позора. Кровь, насилие и смерть будут следовать по пятам нашим! Но это ничего. Будущее за рабочим классом. Поколение за поколением. Во всех странах на опыте Пресни будут учиться упорству».

Фёдор Михайлович мог выехать из Москвы, но он не хотел покинуть завод и товарищей в трудный час.

Девятнадцатого декабря, в шесть часов утра, гвардейцы окружили Сахарный завод и подтащили к нему пушки. Без всякого суда расстреляли дружинника Родина. Фёдора Михайловича Мантулина арестовали и привезли в контору завода.

Мантулина и ещё одного рабочего, Волкова, приговорили к расстрелу. Их вывели на крыльцо, и там на морозе в лёгкой одежде они простояли до вечера. Когда наступили сумерки, их привели к общежитию и расстреляли. Трупы расстрелянных пролежали в сарае три дня; жандармы никому не разрешали подходить к ним.

Восстание было подавлено. Пала крепость — Пресня, «единственный уголок на всём земном шаре, где царствовал рабочий класс», как говорилось в воззвании. Но врагам не удалось сломить революцию. Прошло двенадцать лет, и революция одержала великую окончательную победу.

Записали члены совета отряда 5-го класса «А»: *Гарик Воробьёв, Ирина Сударева, Ваня Щербаков, Алёша Глушановский, Лёня Розов, Витя Вревский.*

Наша Пресня

Идёшь по нашей Пресне, и всё здесь напоминает о славном революционном прошлом района.

У входа на станцию метро «Краснопресненская» стоит огромная статуя дружинника.

Внизу, в зале метро, барельефы рассказывают о баррикадных боях на улицах Пресни в 1905 году, о стачке железнодорожников, ткачей, о героических, бесстрашных подвигах женщин, подростков.

Названия улиц: Баррикадная, Дружинниковская, улица 1905 года, улица Заморёнова, площадь Восстания, проезд Шмита, улица Красная Пресня — тоже рассказывают о событиях тех дней, о замечательных людях — героях-революционерах.

Недалеко от знаменитого Горбатого моста,

на месте, где раньше стояла фабрика Шмита, недавно построен новый Дом пионеров. Это подарок нам, ребятам Красной Пресни, от рабочих района к пятидесятилетию первой русской революции.

В нашем новом Доме пионеров есть всё: слесарно-механическая мастерская с замечательными, новыми станками и инструментами, радио- и телемастерские, большая библиотека. Рядом с Домом пионеров спортивный городок с огромным плавательным бассейном.

Мы благодарны за этот замечательный подарок! Мы постараемся быть достойными тех людей, которые боролись, не жалея жизни, за то, чтобы мы могли учиться в школе, жить в хороших домах, за то, чтобы у нас был такой прекрасный пионерский дворец.

Ира Стрелкова,
ученица 6-го класса «А».

я стал большим парнем

Повесть Никуцэ Тэнасе

Рисунки В. Таубера.

Перевели с румынского Л. Каменская и В. Файнберг.

(ОКОНЧАНИЕ)

«Чтоб не сглазить...»

Кинь утром камушек вот в эту лужу — и увидишь: к вечеру всё предместье будет знать, что ты кинул камень в лужу. А история с отцом, думаешь, не облетела всех? Спусти два часа все уже знали. Узнал и Врэбете, что я остался один. И какой добрый человек этот Врэбете! Он пришёл узнать, как я себя чувствую. Говорит:

- Слушай, Трайян, идём ко мне.
- Что мне делать у вас, дядя Врэбете?
- Слушай, я приму тебя учеником в магазин.
- А к Ризою вы не пошлёте меня со списком, дядя Врэбете?
- С каким списком?

— С этим, в котором вы записали тех, кто хочет утопить богачей.

Я говорил нарочно громко, чтобы не только он слышал. Слышали и соседи, которые собрались около нас. Соседи мне советовали:

- У господина Врэбете тебе будет хорошо.
- Ты будешь сыт.
- Господин Врэбете даст тебе одежду.
- В магазине господина Врэбете ты не будешь стоять в этих отрепьях.

Всё предместье советовало мне согласиться. Как будто у меня есть другой выход!

По дороге Врэбете принялся меня наставлять:

— Слушай, Трайян, не вздумай воровать, как твой отец! Мне в доме жулик не нужен.

Господи, господи, какие картины в доме Врэбете! Все стены увешаны ими. Христос, короли: Карол, Фердинанд, ещё Карол, воевода Михай. Если хочешь видеть осла, есть и осёл. Он нарисован на шерстяном одеяле, висящем на стене под воеводой Михаем. Можешь исколесить наше предместье вдоль и поперёк, всё равно не найдёшь второй такой дом, как у Врэбете.

— Что ты таращишь глаза, эй, ты? Для этого ты пришёл ко мне? Таращить глаза? Еда стоит денег. Займись делом! — раскричался Врэбете.

Что я делаю у Врэбете?

Насчёт этого беспокоиться не приходится. В таком доме и в таком магазине, как у Врэбете, работы хватает. Мне некогда зря сидеть. Еда стоит денег... Выбиваю ковры палкой. Таскаю воду. Когда маленькая девочка начинает хныкать, я должен катать её в коляске перед магазином. Эта работа по сравнению с другими — игра. Совсем нетрудно. Я бы толкал коляску весь день.

— Слушай, что ты делаешь, Трайян? Ты нянька? — спрашивают соседи, проходя мимо меня.

— Чтоб не сглазить, я ученик в магазине.

Говорить на каждом шагу «чтоб не сглазить» я научился от Султаны — жены Врэбете. Слушаешь иногда, как она разговаривает с какой-нибудь женщиной:

— Чтоб не сглазить, я совершаю благодеяние для этого мальчика (это для меня). Он послушный, чтоб не сглазить.

И когда она зла на меня, тоже орёт:

— Ты, дьявол! Чтоб не сглазить, не слышишь, что ли, что девочка плачет?

— Трайян, нет воды в ведре, чтоб не сглазить!

Сэндуку, их сын, — мой ровесник. Ему купили большой велосипед, а он не умеет ездить на нём; приходится мне держать велосипед за седло, когда он катается.

Однажды я плохо держал велосипед. Сэндуку упал и испачкал костюм.

— Ты почему не держал велосипед как следует, несчастный?... — И он залепил мне пощёчину.

У тебя стерпело бы сердце? Ты бы стоял сложа руки?

— Ты ещё дерёшься, урод?!. — И я ему тоже в ответ.

Ух, как он заорал! И стрелой к матери:

— Мама, этот несчастный избил меня!

— Он тебя бил? Ну-ка, позови его сюда!

Пришлось пойти, что я мог сделать?

— Ты бьёшь ребёнка, чтоб не сглазить!.. Я об тебя изломаю жердь, ты, жулик!

— Он меня тоже бил.

— Если он бьёт тебя, то и ты должен его бить?!. А завтра, послезавтра, чтоб не сглазить, ты будешь и нас бить?

Бегу куда глаза глядят!

Нет, не буду я жить у Врзбете! Предложите мне всё наше предместье: «На, Трайян, только оставайся», — всё равно откажусь наотрез. Как только стемнело, я убежал. В конце концов на этой огромной земле, кроме нашего предместья, есть ещё и город. Невелика трудность добраться до города. Отсюда близко до большого моста. Проходишь через мост и направляешься к трамваю. А уж трамвайная линия прямо ведёт к центру.

Я шёл, пока не добрался до вокзала. Во всём нашем предместье не наберётся столько народу. Люди лежат на полу и на скамейках. Некоторые сидят на чемоданах и ждут поездов. Другие, как я, бегут куда глаза глядят. Думаешь, у них нет своих Мотороев или Врзбете? Не беспокойся!

Я сел возле парнишки чуть постарше меня. Одежда на нём тоже неважная, мы с ним одинаковые оборванцы. Посмотрев на меня, он сплюнул сквозь зубы и спросил:

— Пришёл поезд из Галаца? — И ещё раз сплюнул сквозь зубы.

— Не знаю, — ответил я.

— Ты сбежал из дому?

— Я убежал от Врзбете.

Он понятия не имеет, кто такой Врзбете. Я объяснил, кто это и почему я сбежал. Парнишка рассказал о себе.

— Пойдём со мной, — говорит.

— Куда?

— Пойдём, увидишь.

Мы пробираемся сквозь толпу. Он идёт впереди, я держусь сзади. У выхода он останавливается перед большим плакатом, на котором написано: «Прибытие поездов на Северный вокзал».

— У тебя есть «ловеле»? Если нет, запомни расписание. Выучишь, и у тебя будут.

«Ловеле»? Он говорит что-то непонятное.

— «Ловеле» — это деньги.

— На каком языке?

Он ещё раз сплёвывает, плевков летит через лестницу.

— На блатном. Ты должен быть жуликом. Если не будешь жуликом, помрёшь с голоду. Надо уметь выкручиваться.

Я крутился, когда был маленьким. Схватчу за руку Рету — девочку дяди Бадя, сапожника, и кручусь с ней, пока голова не закружится. Поди

знай, что «выкручиваться» означает совсем другое.

— Как же ты зарабатываешь деньги расписанием поездов?

— Легко. Надо там околачиваться. Поезд прибывает из Галаца в 23.50. Это значит, в двенадцать без десяти. Ровно в двенадцать без десяти ты должен быть на перроне — заработаешь деньги. Да, как тебя зовут?

— Трайян.

— Меня Бурзя, Бурзя Никулае.

— Трайян Андроне.

— Пойдём на перрон.

Перрон — это куда прибывают поезда. На перроне масса народу. Красивый перрон! Флаги, цветы... Солдаты, женщины, дети. Дети, плохо одетые и разутые. Красиво одетые и обутые. Этих меньше. Больше плохо одетых и разутых. Есть и взрослые люди разутые и женщины разутые. Есть и офицеры, но неразутые. Разутых офицеров никто не видел. Нельзя, чтоб офицер был разут или в стоптанных сапогах. Солдаты — это одно, а офицеры — другое.

— Подают поезд, Трайян, пошли!

Ух, что делается на этом поезде! Даже на крышах вагонов люди. Где тут зарабатываешь деньги? У кого? Все такие несчастные.

— Да, у этих денег нет, бежим к вагонам первого класса.

Мамочка! Там сплошной бархат! Ты таких диванов в жизни не видал!

— Помочь с багажом? — спросил Бурзя одного барина.

Вот это барин! Ты себе представить не можешь, как он был одет! Какие очки у него! Из золота. Да, из золота!

— Возьмите, — сказал барин.

Мы вдвоём взялись за чемодан. Донесли до трамвая. Там барин дал нам пять лей.

— Ты есть хочешь?

— Так себе.

— Я знаю место, где есть хорошее молоко.

Пьём хорошее молоко и снова возвращаемся на вокзал.

Потом спать. Завтра утром за работу. Будем встречать поезда по очереди.

Зарабатываем деньги!

Я бродяга

Знаешь, что такое бродяга? Взгляни на меня — увидишь бродягу... Меня теперь никто не называет по имени. «Этот маленький бродяжка», — так все зовут меня на вокзале.

Послушай полицейского:

— Ты опять здесь, бродяжка? Если я и завтра увижу тебя на вокзале, отведу в тюрьму.

— У вас не такое сердце, дядя Ионицэ.

— Вот увидишь.

Не отведёт меня дядя Ионицэ в тюрьму. У него доброе сердце. Он так говорит, чтобы начальство думало, что он сердитый. Иначе до чего бы он дошёл? Жил бы на вокзале, как мы, или под мостом Дэмбовице...

У меня накопилось страшно много денег — восемьдесят лей. На эти деньги я могу купить две тенниски и берет. Когда Бурзя слышит, что я хочу сделать с деньгами, он косится на меня, говорит:

— Ты ненормальный.

Перрон — это куда прибывают поезда. На перроне много людей.

- Почему, Бурзя?
- Хочешь транжирить деньги?
- Не транжирить. Я куплю тенниски.
- Ты сегодня не видел дядю Ионице?
- Не видел.
- Лопнуло наше дело. Комиссар говорит, что вокзал выглядит не как столичный вокзал, а как ночлежка. Дядя Ионице велел нам удирать. Комиссар вызвал всех полицейских и приказал им гнать нас отсюда.
- Что же теперь делать, Бурзя?
- Станем торговцами.
- Торговцами? Без товара? Что будем продавать? Вокзал, поезд?
- Ты балда... Сколько у тебя денег?
- Четыре пола¹.
- Хорошо, с моими тремя у нас получается капитал! Накупим газет.

¹ Один пол равен двадцати леям.

Чтоб не сглазить, хорошо быть торговцем. Никто на тебя не кричит, не ругают тебя полицейские, комиссары... Этим ремеслом проживешь, оно лёгкое... У тебя должен быть капитал в шестьдесят — восемьдесят лея, крепкие ноги, задатки хорошего попугая (то есть надо уметь громко орать одно и то же) — и готово, ты торговец.

Газеты продаются в центре. Там мы и даём жару.

Господи, как мы радуемся, когда совершается преступление в высшем обществе! Высшее общество — это люди, у которых есть всё и которые говорят на иностранных языках. У нас тоже есть один такой. Он продаёт газеты, как мы, и знает много языков. Правда, он не из высшего общества. Ты посмотрел бы, как продаются газеты, когда совершается преступление в высшем обществе! Нарасхват! Ты бы только послушал:

— Специально! Специальный выпуск! Преступление! Преступление! Страшное преступление на такой-то улице! Специально-о-о... Специальный выпуск! Полиция идёт по следам преступников!.. Специальный выпуск!..

Продаю по двести, триста газет. Когда какой-нибудь молодой человек кончает жизнь самоубийством из ревности или когда меняется правительство, продаю и больше. Когда меняется правительство, газеты покупают даже в предместьях. Народ хочет знать, в чьи руки он попал. Но разве те, что при-

ходят к власти, менее жирны, чем те, которые уходят? Ни те, ни другие не тощие. Все хорошо одеты. Ты посмотрел бы на их фотографии в газетах!

Дай бог здоровья высшему обществу за то, что оно о нас беспокоится. Там совершают самоубийства от удовольствия. Там заливают друг другу глаза серной кислотой. Всё это должно быть описано в газетах, потому что это про высшее общество. Мы такие газеты называем «бомбами».

«Бомбой» называется также комната, где мы спим. «Бомба», или «гостиница-рогожка». Комната эта не такая уж большая — шесть метров в ширину и метров пять в длину. Кругом стоят кровати из досок, без соломы. Они покрыты рогожками. Поэтому и называется «гостиница-рогожка». Спит здесь около шестнадцати бродяг. Одеты они один хуже другого. И все умеют играть на мандолине. Ты подумаешь, что у нас здесь целый оркестр? Ерунда! Нет у нас ни од-

ной мандолины. Это мы, когда чешемся, так говорим: «Играем на мандолине».

Бурзя мне рассказал всю свою жизнь. Он из деревни Мусчел. У него шесть братьев, все маленькие. Он сбежал из дому тринадцати лет. Шёл пешком до Бухареста. Здесь он всё перепробовал и вот наконец стал торговцем.

Большое дело — быть торговцем.

— Почему ты сбежал из дому? — спросил я его.

— Мне не нравилась вода.

— То есть как не нравилась вода?

— Надоело хлебать одну воду.

И не подумаешь, что он из деревни. Ещё больший прохода, чем какой-нибудь столичный.

Есть среди нас и Философ.

Про него рассказывают, что он избил мастера на работе и попал в «чёрный список». Интересно, что такое «чёрный список»? Вечером, после торговли, Философ разваливается на кровати и читает. Читает всё, что попадает в руки. Потому и дали ему кличку «Философ».

Это Дипломат дал ему такую кличку. Вначале я и понятия не имел, что значит философ или дипломат. Теперь я знаю. У нас есть свой философ, есть и дипломат. Он тоже продаёт газеты. Знаешь, какой он умный! Ого! На трёх языках разговаривает!.. Соображаешь? Никто не знает, как его зовут на самом деле. Все зовут его Дипломатом, и все его любят. Эту кличку ему дали вот за что.

Згымбой, или Святой, как мы его прозвали, — хозяин газетного предприятия — задумал однажды срезать нам заработок. То есть чтоб мы не зарабатывали пятнадцать с сотни, а только десять.

Один бродяга вскочил:

— Только попробуй, и ты окосеешь!

Философ тоже заорал:

— Уничтожим твою лавочку, эксплуататор!

Святой дал им высказаться, а когда поступили газеты, крикнул:

— Кого устраивает продавать по десять с сотни, пусть берёт, кого нет, — не надо! Никого не обязываю.

Философ схватил стул и бросился к нему. Тот, что разговаривает на трёх языках, разнял их. Он вызвал всех бродяг на улицу и сказал:

— Так ничего не добьётесь. Его отвезут в больницу, вы же попадёте в тюрьму, а другие будут продавать газеты так, как выгодно хозяину. К нему поступило больше тридцати тысяч газет. Давайте не возьмём ни одной. Невыгодно ему терять столько газет. Будем дипломатами. Что скажете?

Некоторые из наших бродяг не согласились и пошли за газетами. Философ сказал:

— Поколочу, если возьмёте.

Ни один не посмел.

Святой до сих пор даёт нам газеты попрежнему. Не вышло у него. С тех пор мы и называем этого, что говорит на трёх языках, Дипломатом.

Большое удовольствие беседовать с ним. Он нам рассказал про луну и про звёзды. Это от него мы узнали, что земля вертится вокруг солнца, что человек происходит от обезьяны и что в нашей стране много природных богатств.

Ты бы послушал, что он говорит про богатства нашей страны! Так и хочется стукнуть себя кулаком по башке, когда слышишь. Он говорит, что все эти богатства в руках подлецов.

Держу пари, что ты и понятия не имеешь, кого он называет подлецами. Знаешь кого? Тех, кто в правительстве. Он говорит, что все богачи — подлецы. Он нам рассказывал, что в России давно произошла революция и что ему хотелось бы, чтобы такая же революция была и у нас. Эх, и досталось бы кое-кому! Была бы только революция!

Просто в голове не укладывается, что в России рабочие взяли в руки оружие и пошли против помещиков! Теперь рабочие руководят там и фабриками и всем. Говорят, что и государством руководят рабочие.

Дипломат говорит, что и в нашей стране нужно поступить так же, но что сделаешь с полицией? Разве она дремлет?

Я понял, откуда Дипломат знает так много. Он студент, утром он ходит «на факультет», а вечером продаёт газеты, чтоб выручить деньги. Иначе на что ему жить? Он ведь должен и за обучение платить, и книги покупать, и, сверх всего, ещё кормиться. В книгах, которые Дипломат изучает «на факультете», ничего такого не написано, о чём он нам рассказывает. Он читает ещё и другие книги, такие, которые нельзя открыто читать. Он их прячет. Говорит, что если его поймут, арестуют. Какая она голодная, эта тюрьма! Пожирает столько людей и никак не насытится.

Я больше не бродяга

Чёрт понёс меня вечером в ресторан «Два лея». Подумать только! Это было как раз в день полочки, как раз, когда люди пошли топигь своё горе. У меня оставалось несколько газет для продажи. Знаешь, кого я там встретил? Дядю Албэстрою. Ты его помнишь? Наш сосед. Мигом поворачиваю налево кругом. Но дядя Албэстрою за мной.

— Трайян!

Я молчу.

— Трайян, не слышишь?

Он хватает меня за руку.

— Что с тобой, Трайян?

Некуда деваться.

— Ничего, дядя Албэстроуле!.. Живу.

— Живёшь? Разве это жизнь? До чего же ты грязный! Продаёшь газеты?

— Продаю газеты.

— Ну-ка, идём сюда!

Иду с ним к столику.

— Это сын Григоре Андроне, о котором я вам говорил. Глядите, до чего он дошёл.

— Освободили его отца? — спросил один.

— Нет, — ответил другой.

— Почему ты сбежал от Врэбете, Трайян? — спросил дядя Албэстрою.

— А как было не сбежать?

Дядя Албэстрою покачал головой.

— Я не знал, что с тобой, Трайян. И Григоре озабочен. Ещё не хватало, чтоб ты сбежал! Я всюду тебя искал.

— Откуда вы знаете, дядя Албэстроуле, что отец озабочен?

— Я был у него в «Вккерешти».

— Что он там делает, дядя Албэстроуле?

— Хвораёт, его будут судить. — Он повернулся к своим знакомым. — Из-за копейки держат человека столько времени, а судить будут те, кто ворует миллионы!

— Что делать, Албэстроуле?

— До каких пор?
— До каких пор? — спрашиваю и я, чтобы участвовать в разговоре.
— Конечно, Трайян, с этой твоей жизнью! — говорит дядя Албэстроу. — Попрощайся с ней. Пойдёшь ко мне.

Всю дорогу дядя Албэстроу учил меня. Он говорил насчёт ремесла, про новую жизнь и ещё что-то. Я не слышал. Я думал о том, что больше не увижу Философа, Дипломата, Бурзу и всех остальных.

* * *

...Думаешь, что-нибудь изменилось в нашем предместье? Как бы не так!.. Глядишь — тут и там новые подпорки, какой-нибудь разрушенный дом. Те же собаки, которых я оставил, да прибавились ещё новые, прибежавшие из других предместий, где нет мусорной ямы. Мусорная яма — богатство нашего предместья — стала ещё полнее.

Проходим мимо нашего дома.

— Кто живёт в нашем доме?

— Никто. Моторой хочет сломать его и построить новый.

Молчу. Думаю.

— Дядя Албэстроуле!

— Что, Трайян?

— Почему наши рабочие такие глупые?

Дядя Албэстроу таращит на меня глаза. Стоило посмотреть на него!

— Как это они глупые? Что это тебе вдруг ударило в голову?

Смотрю на него пристально.

— Вы знаете, что произошло в России лет двадцать тому назад?

— Что произошло?

Я говорю:

— Революция.

— Откуда ты это знаешь?

— Вот знаю...

— А что ты ещё знаешь?

— Что земля вертится, что мы происходим от обезьяны, что наша страна богата...

Но вот мы уже дома, у дяди Албэстроу. Тётя Аурика — жена дяди Албэстроу — едва узнала меня.

— Кого я вижу! Где ты его нашёл, Тудорикэ?

Дядя Тудорикэ Албэстроу снимает пиджак и рассказывает, где он меня нашёл. Тётя Аурика согревает воду в котле. Моюсь. Господи, как хорошо после бани! Она дала мне старую одежду дяди Албэстроу. Разговариваем долго, до полуночи. Теперь и я серьёзный человек. Я поступаю в ученики.

Ложусь спать на кровати с матрацем. Давно я не спал на кровати с матрацем! Мне снятся красивые сны. Жить можно!

Дипломат говорит, что и в нашей стране надо совершить революцию.

На следующий день жена дяди Албэстроу пошла в город и купила мне на деньги, накопленные мною, и на те, которые она ещё добавила, костюм и пару новых рубашек. Парикмахер Ангел из нашего предместья постриг меня. Жаль, что ты меня не видел!

Я прошёлся по пустырю. Тряпичный мяч даже ногой не задел. Что я, дурак, рвать ботинки?

Как удивились ребята, когда они меня увидели!

— Смотрите: Трайян!

— У него новый костюм.

— Руки в карманах — важный человек.

— Где ты был, Трайян, до сих пор?

Разве они могут сравниться со мной? У них нет новых костюмов. Они не знают того, что узнал я: про землю, про богатства — про всё. Стелю платок и усаживаюсь на него. Ребята собираются вокруг.

— Вы слышали про Россию и что там давно произошло?

— Нет, — шепчет таинственно Митике Вэдулеску.

Я говорю тоже шёпотом:

— Рабочие восстали. Они взяли в руки оружие и свалили правительство.

— А полиция?

— Полиции у них нет.

— Правда?

— Умереть, если вру!

— Даже короля?

— Даже!

— Даже помещиков?

— Даже!

— А что они с ними сделали?

— Заставили работать. Стоят с дубинками возле них и, если они начинают бездельничать, им поддадут...

— Помещикам?

— Помещикам.

— Ладно врать-то!

Пожимаю плечами.

— Говорят, что там рабочие не нуждаются. Они одеты и сыты, и это ещё не всё.

— А кто управляет страной, если там нет короля, как у нас?

— Разве я вам не говорил? Рабочие!

— И они умеют?

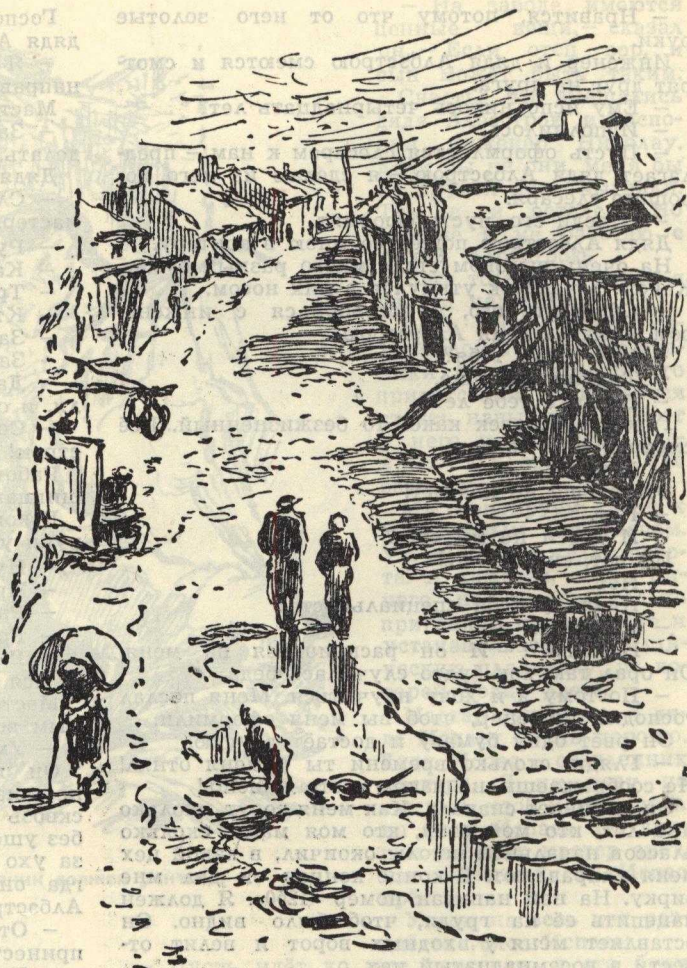
— Как им не уметь! Да всё, что вы видите в нашей стране, чьими руками сделано? Не рабочими, что ли? И я буду рабочим.

Я спросил про здоровье Врэбете. Мне ответили, что его чёрт не берёт. Ну, он его возьмёт, если у нас будет такая же революция, как в России!

Иду домой. Пришёл и дядя Албэстроу с работы. Он говорит, что завтра утром поведёт меня в цех. Он договорился с начальником. Я буду учеником.

Кто может сравниться со мной, — я ученик!

Дядя Албэстроу знает кого-то в отделе найма. Он берёт меня с собой. Разговаривает с человеком в белом хаате. Дядя Албэстроу называет

Думаешь, что-нибудь изменилось в нашем предместье?

его «господин инженер Николау». Инженеры — люди умные. Они выучили много книг. У родителей было много денег, чтобы учить их в школе. И Врэбете с женой говорили между собой, что они Сэндуку — сына своего — выучат на инженера.

Я много раз слышал, как дядя Албэстроу разговаривает с тётей Аурикой, своей женой, про инженера Николау. Оказывается, его родители не имели денег; он, наверное, тоже продавал газеты, как Дипломат, или таскал багаж на вокзале.

Инженер Николау — человек маленького роста, с почти белыми волосами, но совсем не старый. Говорят, что волосы седеют от больших переживаний. Я не верю. У моего отца волосы чёрные, как перья у ворона.

Итак, дядя Албэстроу повёл меня к инженеру Николау.

— Это тот мальчик, о котором я вам говорил, господин инженер.

Инженер подошёл ко мне.

— Хочешь изучить ремесло?

— Хочу, господин инженер.

— Тебе нравится это дело?

— Нравится, потому что от него золотые руки.

Инженер и дядя Албэстрою смеются и смотрят друг на друга.

— Ему исполнилось четырнадцать лет?

— Исполнилось.

— Пусть оформляется слесарем к нам, — предлагает дядя Албэстрою, — я сделаю из него хорошего слесаря.

— Отведи его, пусть оформят.

Дядя Албэстрою пошёл со мною в контору.

На очень высоком столе много разных бумаг. Какой-то человек уткнулся в них носом.

— Оформите его, я договорился с инженером, — сказал дядя Албэстрою.

— Как зовут тебя?

— Трайян Андроне.

— Сколько тебе лет?

Говорю. Человек какой-то безжизненный. Всё смотрит в бумаги.

— Женат?

Этого ещё не хватает!

— Нет.

— И детей не имеешь?

Ну вот, ещё хлеще!

— Нет.

— Какая у тебя специальность?

— Никакой.

— Никакой?! — И он раскричался на меня. Он орал так, как будто случилась беда.

— Поэтому я и хочу научиться. Меня послал господин инженер, чтоб вы меня оформили.

Он рвёт одну бумагу и достаёт другую.

— Гляди, сколько времени ты у меня отнял! Не соображаешь, на каком свете живёшь!

Он начинает сначала. Как меня зовут, сколько мне лет, кто мой отец, кто моя мама, сколько классов начальной школы окончил, в какой цех меня направляют. В конце концов он дал мне бирку. На ней написан номер «1250». Я должен нацепить её на груди, чтоб было видно. Он оставляет меня у входных ворот и велит отвести в восемнадцатый цех.

О, какой огромный завод!

— Пошли, — говорит мой провожатый.

Я бы хотел долго всё рассматривать. Смотришь — и не верится. Машины разобраны на мелкие части. После ремонта их снова соберут. Проходим через токарный цех.

Про токарные станки я слышал, но видеть — не видел. Да нет, вру, видел однажды на вокзале в товарном поезде, но они были упакованы в деревянные ящики.

Здесь много токарных станков. Мне нравится токарное ремесло. Это самая хорошая специальность на свете. Но и слесарное дело тоже красивое. Дядя Албэстрою говорит, что оно сложнее, чем токарное. Токарь, изучив токарное дело, не понимает в слесарном, а хороший слесарь понимает и в токарном. Так что слесарное дело всё же лучше.

Наконец мы дошли до слесарной. Слесарная — это большой цех. Вижу трамвайные прицепы. Их здесь ремонтируют. Кругом расставлены скамейки, столы, к которым прикреплены тиски. Слесарь зажимает тисками кусок железа и делает из него всё, что ему вздумается. Здесь такой шум! Приходится кричать, чтоб тебя услышали.

Мы остановились перед человеком, одетым в синий халат.

— Я привёл к вам ученика, господин мастер, он оформлен.

Господин мастер смотрит на меня. Подходит дядя Албэстрою.

— Я говорил с господином инженером. Он направил его в мою бригаду.

Мастер кричит на дядю Албэстрою:

— Займись своим делом, я сам знаю, что мне делать, в няньках не нуждаюсь!

Дядя Албэстрою берётся за работу.

— Слушай, ты румын? — спрашивает меня мастер.

— Румын.

— Как тебя зовут?

— Трайян Андроне.

— Кто твой отец?

— Заклѹченный.

— Заклѹченный?! — удивился мастер.

— Да, он работал в магазине, ему не заплатили, и он сам взял плату.

— Собственно говоря, вор... Марш к Албэстрою!

Работаю с дядей Албэстрою. Держу железо щипцами, подаю ему инструмент.

В конце дня ко мне подходит мастер. Лицо и руки у него вымазаны.

— Ну, бездельник, нравится тебе ремесло?

— Нравится, господин мастер.

— Работа грязная?

— Грязная!

— Я принесу тебе тёплой воды, чтоб ты вымылся.

Мастер берёт ведро и уходит. Приходит с полным ведром воды.

— Умывайтесь, господин ученик.

Он издевается надо мной. Опускаю глаза, не знаю, что делать. Я готов провалиться сквозь землю. Вот если бы ученики рождались без ушей! Но бог дал им уши. Мастер взял меня за ухо и выругался. Как раз в тот момент, когда он выкручивал мне ухо, подошёл дядя Албэстрою:

— Откуда парень может знать, что он должен принести вам воды?

— Ты что вмешиваешься? Тебя кто просит быть его заступником?

А ухо всё не отпускает.

— Вы издеваетесь над людьми!

— Это не человек. Он ученик. Ученик должен учиться.

— Он должен учиться ремеслу!

Они смотрят друг на друга со злостью.

Мастер уходит мыть руки. Мы с дядей Албэстрою собираем инструмент и уходим.

Вечером в нашем предместье люди выходят к воротам. Сидят у канавы на скамейках или маленьких стульчиках. Жгут тряпки, чтоб разогнать комаров. Комары улетают от запаха горящих тряпок. Люди говорят между собой о разном. О том, что нужен был бы большой огонь, чтобы сгорели те, кто этого заслуживает. А может, лучше было бы наводнение, чтоб утонул весь свет. Те, которых бог оставит в живых, построили бы корабль. На корабль не брать диких зверей и богатых.

— А где разложить этот огонь? — спрашивает одна женщина.

Я прохожу мимо и здороваюсь. На меня смотрят пристально, но не узнают. Я весь испачкан — и нос и лицо, — одни глаза сверкают.

— Это Трайян! — узнаёт меня дядя Никулае, грузчик.

— Я, дядя Никулае.

— Что с тобой?

— Ничего особенного, — говорю, — я ученик.

— Это не человек. Это ученик. Ученик должен учиться.

Все проклинают богачей.

— Терпи, Трайян, — утешает меня дядя Никулае. — Так оно и бывает, пока выучишь ремесло. Помню, когда я поступил учеником, меня вначале избили, а уж только потом я дотронулся до инструмента. Ты получил хоть один подзатыльник?

— Получил, дядя Никулае.

— Значит, выучишь ремесло. Что делать, Трайян!.. Ты видел отца после того, как его арестовали? Был у него?

— Я не был. Дядя Албэстрою был.

— Как он поживает?

— Очень хорошо.

Снова проклятья...

— Ты скучаешь?

— Скучаю.

Все смотрят на меня. У женщин выступают слёзы.

— Погоди, его выпустят, — говорит дядя Никулае, — и тогда всё будет хорошо.

Будет хорошо. Раз люди говорят, что будет хорошо, — значит, будет.

* * *

Меня чуть не выгнали с завода. Как раз на следующий день после оформления мастер пришёл в дирекцию и поинтересовался, как это приняли на завод сына осуждённого за воровство.

— На заводе имеются ценные вещи, — сказал он. — Если отец вор, и сын может быть таким.

Счастье, что вмешались дядя Албэстрою и господин инженер Николау. Если бы не они, меня бы на другой день выгнали. Так я и остался. Но больше я не работаю с дядей Албэстрою.

Чего только не узнал я за эти недели!

Дядя Георге Испас самый злой в цехе. Все ученики боятся его. В его присутствии приходится стоять навтыжку. И рот у него целый день раскрыт. Так орёт, аж эхо раздаётся.

Мы монтируем двери к трамвайным прицепах. Ух, до чего тяжёлая работа! А кажется, почти ничего не делаем, только пригоняем их на место и устанавливаем металлическую пластинку, на которой ходит дверь.

Мастер относится к дяде Испасу очень хорошо. Дядя Испас — ставленник мастера. Я ни разу не слышал, чтоб мастер орал на дядю Испаса. На других рабочих мастер орёт, как бешеный. И Испас орёт.

Утром на весь цех раздаётся голос Испаса:

— Пусть идёт ко мне венгерец, я его буду бить.

У нас в цехе есть и венгры. Испас говорит, что венгры не румыны, так что нечего им искать в румынской стране.

Сколько побоев получил я из-за рабочих-венгров! Однажды дядя Испас дал мне гвозди и молоток и велел забить ящики, в которых венгры держат инструменты, чтоб они не могли их достать оттуда. Я молоток взял, но когда соорудил, в чём дело, не стал забивать ящики. Представляешь, как мне досталось на следующий день!

Не знаю, что ему нужно от этих венгров. Если б он мог, он бы их съел. И дядю Албэстрою съел бы. Испас узнал, что я живу у дяди Албэстрою. Однажды он спросил меня:

— Слушай, Трайян, кто к вам ходит домой?

— Поп. Он каждый день приходит к нам святить дом.

— Ты смеёшься надо мной?

— Правда, дядя Испас, он приходит каждый день и святой водой опрыскивает стены.

— Ну, а не приходит ли кто-нибудь другой?

— Приходит сборщик налогов. За деньгами.

— Какие книги читает Албэстрою?

Всё хочет знать Испас. Пусть знает.

— Читает про усение святой богоматери.

У нас в цехе поговаривают, что Испаса назначают помощником мастера. Дирекция считает его «способным». Тогда горе нам. Если он те-

Георге Испас самый злой в цехе. Все ученики боятся его.

перь так орёт, что же будет, когда его назначат помощником мастера!

Но в особенности много горя хлебнул я из-за самого мастера. Рабочие называют его «часовым». Целый день он разгуливает по цеху с заложенными за спину руками. Как только увидит, что рабочий стоит, начинает лаяться. Ему полагается лаять, он за это получает жалованье. Разве можно даром получать деньги? Даже собаки даром не едят, они тоже лают. И он лает, лает, как собака. Если собака слишком много лает, можно её ударить; мастера ударить нельзя.

Стою возле прицепа и думаю о собаках.

— О чём думаешь, Трайян?

— О собаках, дядя Албэстроуле.

— О каких собаках думаешь ты, Трайян? Ведь собаки разные бывают.

— О таких собаках, которые ещё страшнее собак.

Дядя Албэстроу смотрит на меня и хлопает по плечу.

— Накинем на них намордники, Трайян!

Мастер ходит взад и вперёд по цеху. Он смотрит на нас.

— Всё болтаете?

Дядя Албэстроу молчит. Курит папиросу.

— Что стоишь, Албэстроуле?

— Я показываю ему, как монтируют дверь.

— Где Испас? — спрашивает мастер.

— Не знаю, — говорю я.

Дядя Албэстроу уходит. Мастер хватается меня за ухо. Спрашивает, почему я не знаю. Ученик обязан знать всё. Наконец он уходит.

Приходит Испас.

— Почему он тебя драл за ухо?

— Потому что я не знал, где вы.

— Почему ты не знал?

— Вы мне не говорили, дядя Испас.

Испас залепил мне пощёчину. Почему бы и ему не ударить меня? Разве он не имеет права? Ведь я ученик.

Сегодня я увижу отца

У меня сегодня большой праздник: сегодня я увижу отца.

— Ты готов, Трайян?

— Готов, дядя Албэстроуле!

Несмотря на нищету, дядя Албэстроу купил хлеб и закуску. Тётя Аурика приготовила кое-какую еду. Я всё сложил в пакет. Пакет тащу я. На свои деньги я купил три коробки папирос «Националь». Их когда-то курил отец.

Сегодня воскресенье. Из трамвая видно, как народ глязет на витрины. Некоторые идут в кино. Другие выводят собак на прогулку. Только собаки не такие, как наши.

— Вылезай, Трайян, мы приехали!

Здесь тюрьма. Читаю: «Исправительная тюрьма Вэкерешти». Поднимаемся на гору. Надзиратель останавливает нас и спрашивает, кого мы ищем. Говорим ему. Он спрашивает документы. Показываем. Развёртываем и пакет. Надзиратель тщательно проверяет содержимое. Хлеб он разрезает на куски. Они, наверное, боятся, как бы мы туда не спрятали пушку.

— Проходите в комнату свиданий.

Это большой зал. Посредине стоят решётки в два ряда. Между решётками прогуливается другой надзиратель. Он гуляет из конца в конец. Есть ещё и другие люди, они тоже ждут свидания. Женщина разговаривает с мужчиной, который стоит за решёткой. Женщина плачет.

— Отец!

— Трайян!

Плачу от жалости. Не узнаю его.

— Когда ты был маленьким, ты не плакал, Трайян.

Хочу поцеловать отца.

— Нельзя, — говорит надзиратель.

— Как дела, отец?

— Всё в порядке, Трайян.

Смотрю на него. Он небритый. Одежда на нём — одни лохмотья.

— Когда будут тебя судить, Григоре? — интересуется дядя Албэстроу.

Отец пожимает плечами. Он снова смотрит на меня. У него на глазах слёзы.

— Где ты был, Трайян? Я слышал, что ты сбежал.

— Ходил по миру, отец.

— Теперь что ты делаешь?

— Я ученик.

— Позаботься о Трайяне, Албэстроуле.

Надзиратель, прогуливающийся между решётками, говорит:

— Прошло пять минут.

Больше пяти минут нельзя разговаривать.

— Почему тебя не судят, Григоре?

— Им некогда, слишком много таких...

Надзиратель орёт:

— Конечно, конечно!

Он уводит отца. Мне хочется сломать решётку, бежать за ним, но я бессилен.

— Может, пригласить для тебя адвоката? — кричит дядя Албэстроу.

Отец не отвечает. Он ушёл. Я вытираю глаза рукавом. Что зря плакать!

Я спросил дядю Албэстроу:

— После суда освободят отца?

Дядя Албэстроу подумал:

— Конечно, освободят. Он ведь не убил.

Но дядя Албэстроу сам не верит своим словам. В городе я видел кинокартину, в которой

показывали человека, стащившего булку; он был посажен в тюрьму, не знаю на сколько лет. Ему удалось бежать, но его снова поймали. Отец украл хлеб и одежду для меня. Неизвестно, сколько ещё его продержат.

«Привет»

Я давно мечтал вступить в клуб «Юных защитников родины». Теперь моя мечта сбылась. Большое дело — быть юным защитником. Когда идёшь на парад, тебе выдаётся форма, потом, правда, её отбирают обратно. И какая форма! Белая рубашка, синие брюки и берет. Если ты старший среди защитников, тебе выдаётся ещё и свисток. У каждого защитника есть записная книжка, и если он совершает какой-нибудь благородный поступок, он отмечает его в ней.

У нашего коменданта тоже есть такая записная книжка. Упаси тебя бог быть отмеченным в записной книжке коменданта! Я уже был отмечен, и что пережил, только мне одному известно.

Каждое воскресенье ты обязан являться в комендатуру. Если ты не пришёл, — значит, дело плохо.

В прошлое воскресенье я не пришёл — ходил к отцу. Только захожу в цех, слышу:

— Трайян Андроне.

— Здесь! — кричу я.

Ко мне подошёл ученик постарше, его зовут Кирвасе.

— Ты Трайян Андроне?

— Я.

— Лучше бы тебе не быть им.

— Почему?

— Ты вчера был в комендатуре?

— Не был.

— Тебе достанется. Комендант отметил тебя в записной книжке.

— Ну и что?

— Пойдём к нему. Он ждёт тебя, там ещё человек пять.

Наш комендант — начальник монтажного цеха. Там же его контора. Я представился ему.

— Здравствуйте, господин комендант. Я юный защитник Андроне Трайян из группы...

— Почему ты вчера не пришёл?

— Я был занят.

— А родина?

Молчу.

— Ты защитник румынской родины. Румынская родина превыше всего.

— Я не мог придти, потому...

— Запиши ему пять.

Букуреску, его помощник, верзила-парень, вывел в списке против моей фамилии цифру «пять».

Комендант вызвал другого.

— Ты почему не пришёл? Как тебя зовут?

— Ганя Ион. Я ездил с отцом в деревню за кукурузой, у нас нечего есть...

— За кукурузой!.. Запиши ему десять, чтоб научился уму-разуму, чтоб не ездил за кукурузой, когда его призывает родина...

— У нас нечего есть, господин комендант.

— Родина превыше всего...

— А ты?

— Лауренциу Стелян.

— Почему ты отсутствовал?

— Я был разут, мои ботинки были у сапожника.

— Когда тебя родина призывает, хоть обут, хоть разут, ты обязан явиться. Пять!

Букуреску записывает пять.

Он всех опросил, почему не явились. Каждому он назначил по пять, по десять, как кому повезло.

После опроса нас погнали в котельную. Какой шум в этой котельной! Страшно! Здесь стоит огромный двигатель, который снабжает энергией все цеха.

Комендант:

— Трайян Андроне!

— Здесь.

— Сколько тебе?

— Пятнадцать лет.

Комендант покосился на меня. Остальные прислули.

— Я спрашиваю, сколько тебе назначили?

— Пять.

Комендант снял пиджак, засучил рукава, достал из вытяжной трубы плётку, сделанную специально для внушения чувства патриотизма, и подошёл ко мне.

Первый и второй удары я чувствовал. Остальные нет. Первые были страшными. У меня хлынули слёзы. Я хотел выть, хотел ударить кого-нибудь, хоть кого-нибудь ударить. Но как? Я ученик. Ученик должен всё терпеть, потому что он ученик. Я искусал губы, ушёл, хромая, хлопнул дверью.

— Трайян Андроне! — услышал я голос коменданта.

Иду дальше.

— Трайян Андроне, иди сюда!

Возвращаюсь.

— Так уходят от коменданта? Почему ты не приветствуешь меня?

Комендант достал из вытяжной трубы плётку.

Мне дурно. Я уставился глазами на трость в руках коменданта. На ней вырезано: «Привет». Поднимаю руку и как могу кричу:

— Привет!..

— Привет! — отвечает ухмыляющийся комендант.

* * *

Однажды конторский служащий повесил на дверях объявление. Все рабочие собрались и начали шептаться. И я прочёл. Там было написано: «Начиная с сегодняшнего дня — 12 февраля 1940 года — все цеха будут работать по шесть часов в день».

Рабочие ворчали:

— Это — издевательство!

— Пойдём к ним...

— Не дадим себя топтать ногами...

Пришёл дядя Албэстроу. Он прочёл объявление и закричал:

— Братья! Бросайте работу! Бросайте инструменты! Никто не должен работать!

Помнишь, как в «Бомбе», когда ни один из нас не захотел продавать газеты?

Все собрались. Дядя Албэстроу забрался на скамейку.

— Братья, не дадим себя обманывать! Хозяева хотят, чтоб мы подошли с голоду. До каких пор будем затягивать ремень на брюхе?

Пришёл мастер, раскричался:

— Приступайте к работе!

Рабочие его освистали.

Мастер испугался. Побежал в контору.

Дядя Албэстроу сказал:

— Пойдёмте к директору. Мы не соглашаемся. Все вышли за дядей Албэстроу. Со всех цехов собрались рабочие. Все расстроены, ругаются. Мы дошли до конторы. Директор узнал обо всём и вышел к нам.

— Что с вами? — раскричался он.

О! Что за директор! У него борода и лакированные туфли со скрипом.

— Мы требуем восьмичасового рабочего дня! — крикнул дядя Албэстроу.

— Выберите делегацию в шесть человек и приходите ко мне в контору, там обсудим. Остальные приступайте к работе.

— Не будем избирать никакой делегации! — кричат рабочие. — Требуем восьми часов! Нам не хватает на жизнь и при восьмичасовом рабочем дне! Никто не приступит к работе!

— Господа, приступайте к работе!

— Не приступим! — кричат рабочие.

И я тоже кричу:

— Не приступим!..

Директор разглаживает бородку. Стою близко от него. Пахнет приятно, духами.

— Хорошо, господа. Пусть будет по-вашему. Приступайте к работе.

Дядя Албэстроу залез на ящик, кричит:

— Братья, не расходитесь! Чем мы гарантированы, что будем работать по восемь часов?

Я думаю: «Чем плохо работать только шесть часов?» Потом вспоминаю слова дяди Боуриану: «Нам не хватает на жизнь и при восьмичасовом рабочем дне».

После все направились на работу. Плакаты сорвали. А что, если спустя неделю дирекция снова захочет ввести шестичасовой рабочий день?..

Дядя Петрикэ опасный

Я изучаю и сварочное дело. Это хорошая специальность. Я хожу к дяде Петрикэ. Он даёт мне аппарат, и я при нём свариваю. Слесарь должен всё уметь делать, иначе он халтурщик, а не слесарь.

— Албэстроуле, зайди в дирекцию.

Дядя Албэстроу уходит с мастером. Я думаю: зачем он понадобился дирекции?

Спустя некоторое время пришёл мастер с одним хорошо одетым типом. Он меня спросил:

— Где шкаф с одеждой Албэстроу?

Я удивлённо смотрю на него. Все рабочие смотрят.

— Ты не слышишь? Где шкаф Албэстроу?

Покажу я или не покажу — всё равно найдут.

— Этот.

— Дай мне молоток и стамеску.

Он выдернул замок с кольцами. Перерыл весь шкаф... Что он ищет?! Захватил с собой в контору одежду...

И я пошёл за ним. Перед конторой стоит машина. Спустя полчаса вышел дядя Албэстроу, с ним двое чужих. Они втолкнули его в машину... Машина проехала мимо меня. Куда они его увозят? Плакать нельзя. Я скоро буду подмастерьем. Подмастерья не плачут...

Возвращаюсь в цех. Все смотрят на меня. Пришёл и дядя Петрикэ.

— Если они тебя вызовут и спросят что-нибудь, — сказал дядя Петрикэ, — притворись дурачком.

Ничего не понимаю. Кто меня вызовет? Что будет с дядей Албэстроу?

— Трайян! — слышу голос мастера. — Иди за мной!

Направляемся в контору. Думаю о дяде Петрикэ. Мне страшно, но не очень. Заходим в контору.

— Садись сюда, — приглашает меня хорошо одетый тип, который приходил за вещами дяди Албэстроу. — Садитесь и вы, мастер. Садись, бездельник... Как тебя зовут?

— Трайян Андроне.

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцатый пошёл.

— Живи до ста! Какую специальность приобретаешь?

— Спасибо, — отвечаю и я дипломатично, — слесарную.

Он задаёт мне вопросы, а сам всё время вертит пальцем связку ключей.

Мастер достал папиросу. Тип тоже закуривает.

— Тебе нравится специальность?

— Нравится.

— Отец твой где работает?

— Он нигде не работает.

— Что он, капиталист?

Мастер говорит что-то на ухо типу.

— В тюрьме? А что он сделал?

— Он украл хлеб и одежду для меня!

Тип вертит связку ключей...

— Ну-ка, скажи, Трайян: Албэстроу разговаривал с тобой?

— Разговаривал. Конечно, разговаривал.

— И... что он тебе говорил?

— Чтоб я приносил инструменты: стамеску, молоток... — всё, что нужно было.

— Ещё что? — спросил тот нетерпеливо.

— Он рассказывал мне обо всём, что должен знать хороший слесарь.

— К нему приходил кто-нибудь?

— Приходил.

— Кто?

— Очень часто приходил...

Тип вытарашил глаза. И мастер тоже вытарашил глаза.

— Кто приходил очень часто?

— Часто приходил господин мастер. — Я показываю на мастера.

Тип начинает нервно прохаживаться по комнате взад и вперёд.

— Никто больше не приходил?

— Каждый день приходил тот, что стоит в воротах.

— Он каждый день разговаривал с Албэстрою?

— Каждый день.

— Так! Не знаешь, как его зовут?

— Мне кажется, дядя Илие.

— Илие... — Он повернул голову к мастеру. — Знаешь его, господин мастер?

— Какой Илие, Трайян? Это табельщик?

— Да.

— Хорошо. И ты никогда не подслушивал, что он говорил?

— Он разговаривал громко.

— Что он говорил?

— Чтоб дядя Албэстрою шёл к воротам, потому что пришла жена с обедом.

Тип косится на меня. Косится и мастер.

— Кроме Илие, кто ещё приходил?

— Многие приходили из цехов за инструментом, за...

— Петрикэ, тот, что в сварочном, не припомнишь, не приходил? — вмешался мастер.

Теперь мне страшно по-настоящему. Я вспоминаю слова дяди Петрикэ: «Притворяйся дурачком». Вот в чём дело!

— Приходил.

— Часто?

— Не очень часто.

— Он долго просиживал?

— Не очень долго.

— Зачем приходил?

— Он разговаривал с дядей Албэстрою.

— И что он говорил?

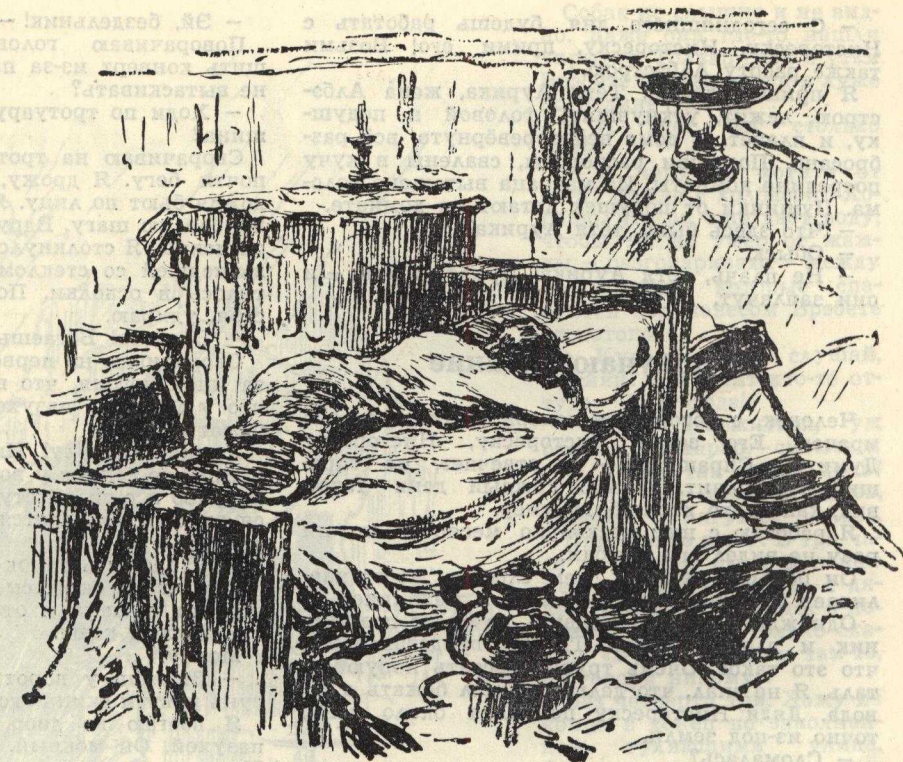
— Однажды дядя Петрикэ сказал, что они обыкновенные бандиты и что если б у него была сила, он всех посадил бы в тюрьму, что он сам, своими руками удавил бы их. И дядя Албэстрою тоже говорил, что и он схватил бы их за горло.

— Кого?

— Как кого?

— Кого они схватили бы за глотку?

— Лавочников, потому что они прибавляют к счёту. Дядя Петрикэ сказал, что он набрал в долг у лавочника на сто пятьдесят лей, а лавочник сказал, что тот должен сто девяносто.

Тётя Аурика, жена Албэстрою, лежит, уткнувшись в подушку, и плачет.

Тип снова уселся на стул.

— А насчёт коммунистов, насчёт России ты ни разу не слышал от них?

— Нет.

— И от других ты не слышал никогда про коммунистов? Ну-ка, попробуй вспомнить.

— Да, я слышал от мастера. Вот от него. Он орает на одного, что тот коммунист.

Шпик в замешательстве смотрит на меня.

— Уходи!

Дойдя до двери, я услышал голос мастера:

— И всё же Петрикэ опасный человек.

— Сделаем у него обыск.

Хлопаю дверь. «Сделаем обыск! Он опасный!» Иду в цех.

— Зачем тебя звали? — спросили рабочие.

— Чтоб я сдал экзамен. Они хотят перевести меня в подмастерья, — говорю я. А сам всё думаю, как сообщить дяде Петрикэ. Беру инструмент, ломаю суппорт и иду с ним в сварочный.

— Дядя Петрикэ, меня вызывал один тип и спрашивал про вас.

— Что он хотел?

— Он интересовался, о чём вы разговаривали с дядей Албэстрою.

— И ты ему сказал?

— Что я, с ума сошёл!.. Знаете, они собираются сделать у вас обыск!

— Пусть делают. Они только этим и занимаются... Хорошо, Трайян! — И вдруг как стукнет меня по затылку. — Как это ты сломал суппорт? Почему ты такой невнимательный? Давай проходи, я его сварю! — орёт дядя Петрикэ на меня.

Только теперь я заметил, что к нам кто-то подошёл. Я сварил суппорт и вернулся в цех. Пришёл и мастер.

— С сегодняшнего дня будешь работать с Нистореску. Нистореску, прими его! Возьми также работу Албэстроу.

Я пришёл домой. Тётя Аурика, жена Албэстроу, лежит, уткнувшись головой в подушку, и плачет. В доме всё перевернуто, всё разбросано. Подушки распороты, свалены в кучу посредине комнаты. Из матраца вытащена солома. Пушинки от подушек летают по комнате.

— Что здесь было, тётя Аурика?

— Обыск.

— Не плачь, тётя Аурика! Придёт время — и они заплачут.

Я получаю задание

Человек, с которым я теперь работаю, всегда мрачен. Его зовут Нистореску, Нистореску Думитру. Спрашиваю — он отвечает, не спрашиваю — молчит. У него каждый день такой вид, как будто кто-нибудь умер.

Я работаю с ним несколько месяцев, но ни разу не видел его улыбки.

Он больше механик, чем слесарь, восстанавливает машины. Учусь у него и механике.

Однажды я хотел поставить на место подшипник и сломал деталь. Ты не представляешь, что это такое. Очень трудно достать новую деталь. Я не знал, что делать. Думал бежать с завода. Дядя Нистореску появился около меня, точно из-под земли.

— Сломалась?

— Я сжался, ожидая удара...

— Нечего расстраиваться, для того детали и сделаны, чтобы им ломаться. Если мастер спросит, скажи, что деталь поступила сломанной со сборки. Пусть машина стоит на верстаке, пока найдут другую.

Это был единственный случай, когда он поговорил со мной.

С дядей Петрике встречаюсь всё чаще. Его ещё не арестовали. Сегодня он приходил к нам в цех и сказал, чтоб я его подождал у ворот. Потом он прошёл мимо и прошептал, чтоб я следовал за ним.

Я постоял немного, после пошёл. На следующей улице он говорит:

— Пойдёшь на Пискулу, номер шесть. Этот конверт должен быть обязательно доставлен туда.

Он достал из внутреннего кармана конверт, сложенный вчетверо.

— Будь осторожен! В крайнем случае проглоти его. Слышишь, как дойдёшь туда, оглянись кругом как следует, постучи три раза в окно, подожди немного и спроси: «У вас есть замок для ремонта?» Если тебе ответят: «Нужен ключ», — отдашь конверт. Улица Пискулу, шесть. Понял?

— Пискулу, шесть.

— На, спрячь как следует.

Он хлопает меня по спине и провожает глазами, пока я не скрываюсь. Я часто оглядываюсь, чтоб видеть, не идёт ли кто за мной. Мысленно повторяю: «Пискулу, шесть!» «У вас есть замок для ремонта?» «Нужен ключ»...

Что за клад ташу я на улицу Пискулу?! Выходит, я, Трайян Андоне, несусь с собой конверт, который в случае чего нужно проглотить. Большое дело! Когда я прохожу мимо полицейского, у меня сердце подпрыгивает. Я сжимаю кулаки. Чтобы обойти, иду посредине улицы.

— Эй, бездельник! — слышу голос.

Поворачиваю голову — полицейский! Вытащить конверт из-за пазухи и проглотить? Или не вытаскивать?

— Ходи по тротуару, как люди. Разве ты машина?

Сворачиваю на тротуар и прибавляю шаг, почти бегу. Я дрожу, но мне жарко. Брызги дождя бьют по лицу. Я натягиваю берет на лоб, прибавляю шаг. Вдруг у меня из глаз сыплются искры. Я столкнулся нос к носу с женщиной, вышедшей со стеклом в руках. Стекло превратилось в осколки. Пока женщина приходит в себя, удираю.

— Бродяга! Бегаешь, как ненормальный!

Сворачиваю на первом углу. Мне кажется, что за мной погоня, что все кричат и спрашивают, что у меня за пазухой. Уже не хватает сил бежать.

Улица Пискулу! Ищу шестой номер. Стою несколько секунд у ворот, смотрю налево, потом направо и с силой стучу три раза. Распахивается окно, и появляется седая голова. Кричу, задыхаясь:

— У вас есть замок для ремонта?

Тот, что в окне, смотрит мгновение на меня, моргает глазами и отвечает:

— Нужен ключ.

Молчу.

— Видишь у ворот внутренний крючок? Засунь руку и скинь его.

Я вбегаю во двор, нащупываю конверт за пазухой. Он мокрый. Вытираю ноги и захожу. Как ты думаешь, кто ждёт меня в комнате? Дядя Албэстроу. От радости кричу:

— Дядя Албэстроуле! Дядя Албэстроуле!..

— Здравствуй, Трайян. Ты принёс конверт?

Я подаю конверт.

— Это для вас?

— Да!

Он берёт конверт, распечатывает, достаёт из него клочок бумаги.

Я вытянул шею, на бумаге ничего не написано. Белая бумага, чистая. Я вспомнил, что и на конверте тоже ничего не написано. Дядя Албэстроу рвёт в клочки бумагу и конверт и бросает в огонь. Он хлопает меня по плечу и говорит:

— Ну вот, Трайян, тебе было дано первое задание.

Мне дано задание?! Какое же это задание? Принести кусок белой бумаги, который сожгли? Сколько я пережил, какой страх испытал, когда разбил стекло у бедной женщины, как обрадовался, когда услышал «нужен ключ»!.. И всё это потому, что я нёс листок белой бумаги!

— Как идут дела, Трайян? С кем работаешь?

— С дядей Нистореску.

— Хороший парень! Что нового в мастерской? Взяли ещё кого-нибудь? Что слышно дома?

— Взяли. Дома хорошо.

— Плачет ещё Аурика?

— Плачет.

Спрашиваю и я:

— Как это получилось, что вы на свободе, дядя Албэстроуле?

Дядя Албэстроу не отвечает, он притянул меня к себе и обнял за плечи.

— Ну, теперь уходи. Никому, кроме Аурики, ничего не говори. А про конверт и ей не говори. Отныне ты взрослый человек, Трайян. Желаю удачи!

Дождь идёт сильнее. Ветер ещё яростнее

Прибавляю шаг. В три часа я должен быть в одном месте... Речь идёт о новом задании.

бьёт в стены и окна домов. Иду тихо. Снимаю берет с головы. Думаю: зачем надо было нести клочок бумаги?..

* * *

Тучи сталкиваются, и оттуда, сверху, ливень — творец грязи — бьёт по нашему предместью. Я надеваю ботинки, надеваю пальто и поднимаю воротник.

Собак не слышно и не видно. Даже они где-то нашли укрытие. Только гуси и утки Врзбете бултыхаются в луже посредине улицы.

— И даёт бог столько воды!..

— А чего вы хотите от бога? Дожда с колбасой? Хорошо, что он ещё даёт воду, чтобы ты не умер от жажды, — разговаривают между собой люди, которые спасаются под навесом Врзбете от потопа.

— Куда ты идёшь, слушай, Трайян? — кричит кто-то оттуда. — Иди сюда!

— Хочу освежиться, уж очень у нас жарко, — смеюсь я.

— У вас так много дров?

— У нас столько дров, сколько у лягушек волос...

Прибавляю шаг. В три часа я должен быть в одном месте. У меня встреча с дядей Петрикэ. Речь идёт о новом задании. Он только сказал: «В три будешь там-то, не говори никому».

Без четверти три. Хожу из конца в конец по заполненной гуляющими улице. Стрелки показывают три. Как из-под земли, появляется дядя Петрикэ. Он ведёт меня по кривым улочкам. Я слушаю, что говорит дядя Петрикэ. Он говорит, что страна находится на пороге войны, что Гитлер и фашисты нашей страны хотят объединиться в войне против Советского Союза. Говорит, что мой отец арестован, что дядя Албэстроу скрывается, что у тёти Аурики и у меня нет дров и хлеба. Я и сам всё это знаю.

— Пойдём с нами, Трайян? Ты понял, как это нелегко?

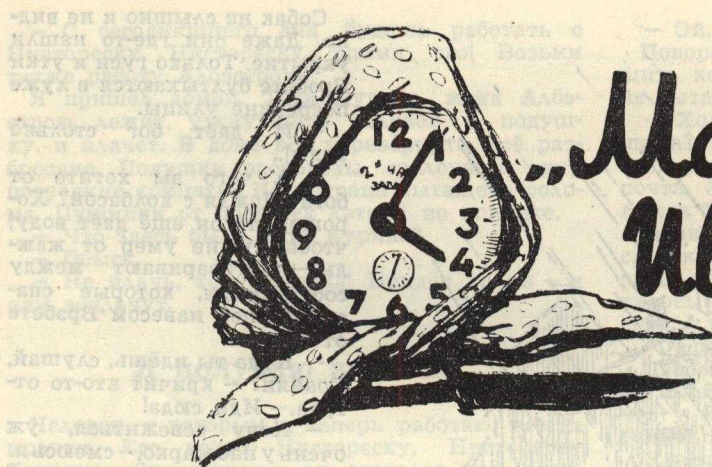
У меня звенит в голове. Я вспоминаю слова дяди Албэстроу: «Пойдут к чертям все эти Ризю и Моторои. Будешь учиться в школе и станешь умным парнем...»

Вот видите, отец и дядя Албэстроуле, и без школы можно стать умным парнем!

— Иду, дядя Петрикэ.

Дядя Петрикэ берёт меня за руку. Выходим на улицу Гривицэ. Он говорит мне, куда я должен пойти и с кем встретиться. Он называет пароль.

Я стал большим парнем, дядя Албэстроуле!

„Марь Иванна“

Рассказ Юрия Сотника

Рисунки Ф. Лемкуля.

Уже больше часа я шёл по степному посёлку. Кругом от горизонта до горизонта не было ни деревца, ни кустика, только сжатые поля, покрытые бурой стерней. Южное солнце, хоть и клонилось к западу, палило так, что казалось, стерня вот-вот задымится. Раскалённый воздух был пропитан пылью. Пыль туманила небо, клубами выбивалась из-под ног. При каждом порыве горячего ветерка десятки маленьких смерчей начинали бесшумно бегать по дороге.

Здесь, в степи, развёртывалось строительство огромного водохранилища и целой сети каналов, по которым вода придёт на страдающие от засухи поля. Сейчас в степи было много пунктов, где работали изыскатели, ведя исследование грунта. Вот к таким изыскателям я и шёл.

Это были пятеро студентов из Москвы и Ленинграда. Приехав сюда на практику, они два месяца проработали в инженерно-геологической партии в качестве коллекторов, жили в голой степи, где от страшного солнца негде спрятаться. Когда же срок практики окончился и появилась возможность уехать, отдохнуть от этого пекла, они узнали, что людей в партии не хватает, и остались работать до самого начала учебного года, пожертвовав студенческим отпуском.

Редакция областной газеты поручила мне их сфотографировать за работой, что я и сделал третьего дня. Однако, вернувшись в село, где была моя временная квартира, и проявив плёнку, я увидел, что некоторые снимки не удались. Пришлось снова тащиться по жаре.

Я совершенно измучился от жары, от жажды, от пыли, пока не увидел наконец в стороне от дороги маленькую зелёную палатку и кучу земли, вынутой из шурфов. Это и был «куст опытных работ» инженерно-гео-

логической партии. Я свернул с дороги и направился к нему по жёсткой стерне.

До «куста» было метров двести. Я не прошёл и четверти пути, как с удовольствием заметил, что его обитатели высыпали мне навстречу, машут руками, что-то кричат. Я тоже помахал им. Ещё не различая лиц, я узнавал каждого из них: Лидочку — по полосатым пижамным брюкам, Аню — по выгоревшему сарафану и сверкающим на солнце очкам... На юношах ничего не было, кроме трусов, но долговязый Кузя был на голову выше такого же худощавого, но маленького Димы. Узнали наконец и они меня, узнали и перестали кричать, махать руками. Когда я приблизился к ним, лица у всех были кислые, разочарованные.

— Здравствуйте! — протянула Лидочка. — А мы думали, что это Василий...

— Мы с... утра его ждём, — немного заикаясь, добавил Кузя.

Я сказал, что мне надо их переснять, и предложил заняться этим, не дожидаясь вазиного возвращения, но все наотрез отказались сниматься без него.

— Как же так! — сказала Лидочка. — Вместе мучились, мучились, а в газете напечатают только нас четверых... Как же так!

Пришлось задержаться и ждать Васю.

Коллекторы занялись своими делами. Я сунулся было в палатку, чтобы спрятаться в ней от солнца, но там оказалось немногим прохладнее, чем в русской печке. Выбравшись оттуда, я стал слоняться по «кусту», от нечего делать заглядывая в шурфы.

Чтобы строители не наделали впоследствии непоправимых ошибок, изыскателям нужно было точно узнать, какие условия встретит здесь вода, когда она придёт сюда по каналам будущей оросительной системы.

В один из шурфов было налито несколько бочек воды, и коллекторы следили, с какой скоростью разрушаются его стенки. Если это происходит быстро,— значит, быстро будут разрушаться берега каналов, следовательно, надо заранее подумать, как их укрепить. На дне других шурфов стояли специальные приборы, в которых вода постепенно впитывалась в грунт. Эти приборы помогали определить, хорошо ли будет держаться вода в оросительной системе или она большими массами станет уходить в землю. Каждый день коллекторам на машине за несколько километров привозили для опытов две — три тонны воды. Эти тонны воды были как бы разведчиками огромной водяной армии, которая придёт сюда года через два. День и ночь, пока велись опыты на «кусте», у шурфов дежурил коллектор. На площадке, окружённой шурфами, стоял его столик. Точно через час спускался дежурный в шурф и записывал, сколько убыло за это время воды из прибора. Так как шурфов было несколько, дежурному приходилось спускаться под землю каждые двенадцать — пятнадцать минут.

В прошлое моё посещение «куста» на столике дежурного лежали карманные часы «Молния», теперь же здесь стоял будильник 2-го часового завода, который произвёл на меня довольно странное впечатление. Он был повязан красной в белую горошинку косынкой и походил на голову «матрёшки» с циферблатом вместо лица. Слоняясь по «кусту», я заметил, что будильник этот пользуется у коллекторов каким-то необычным, слишком уж подчеркнутым вниманием.

Вот из шурфа выбралась Лидочка. Она остановилась около столика и с минуту глядела на часы, склоняя то вправо, то влево голову с голубой тряпицей на рыжих волосах. Потом она обтёрла ладони о полосатые штаны и, бережно, обеими руками взяв будильник, поднесла его к уху.

Аня сидела на корточках и что-то готовила. Взглянув на Лидочку сквозь круглые очки, она проговорила негромко и ровно:

— Лидочка, оставь в покое «Марь Иванову». Лида, поставь на место часы.

Лидочка обернулась к ней, не отрывая будильника от уха.

— Аня, я ведь только послушать...

— Лидочка, оставь в покое часы,— повторила Аня таким монотонным голосом, каким повторяют что-нибудь в сотый раз.

Лидочка поставила будильник на место и удалилась. Скоро за столик присел отдохнуть старший коллектор Дима, который до

этого вместе с Кузей разливал по ведрам воду из бочек. Посидев немного неподвижно, он тоже принялся за будильник: стал подвизывать на нём косынку так, чтобы она закрывала часы не только сзади и с боков, но и снизу. Снова послышался ровный голос Ани:

— Дмитрий, ты маленький, да?

Дима послушно отошёл от стола.

— Ладно, виноват! Не прикоснусь!

А через полчаса я услышал всполошённый крик того же Димы:

— Эй! Часы! Где часы?

На этот крик Аня бегом прибежала от костра. Лидочка выскочила из шурфа, как пробка. Только долговязый Кузя остался спокоен. Он протянул худую руку, показывая ею под стол, и проговорил:

— Н-не видишь? Я их в тень по-поставил. От солнца.

Дима нагнулся, увидел будильник, стоящий под столом на кусочке фанеры, и с сердцем плюнул.

— Дуришь, да? На чёрта ты это сделал?

— Не дурю, а у-утверждаю, что высокая температура для м-механизма вредна,— ответил Кузя, тыча пальцем в сторону часов.— Я у-утверждаю, что часы...

Дима со злым лицом подошёл к столу, быстро водворил будильник на прежнее место и постучал пальцем себе по лбу.

— А пыль с земли не вредна? У тебя в голове что-нибудь есть? Профессор!

Меня заинтересовала вся эта возня с будильником. Я спросил коллекторов, почему все они так носятся с ним. Вместо ответа старший коллектор сказал:

— Слушайте, а у вас с собой часов нет?

Я ответил, что нет.

— Мы прямо себе все нервы испортили с этими часами,— вздохнула Лидочка.

Возбуждённо прохаживаясь взад и вперёд, Дима принялся мне объяснять:

— Вы понимаете, что такое для нас часы? Станут часы — все опыты к чёрту полетят, придётся новые шурфы копать. Ну и вот: дали нам в партии всего одни часы — «Молнию». Завхоз дал. Присядкин этот самый...

— Бю-бюрократ толсторожий,— вставил Кузя.

— Ага,— кивнул Дима. — Мы ему и говорили и писали, и сам наш руководитель говорил, что у нас своих часов нет, что нам нужны запасные... Хоть бы что! Завтра да завтра! Вот и доигрались: вчера вдруг «Молния» стала. Хорошо, мы неделю назад этот будильник про запас выпросили у кол-

хозника одного. Вот теперь и дрожим над ним. Василия на базу в район послали за новыми часами, а сами работаем и дрожим.

— Почему же дрожите?

— Ой, вы бы только посмотрели, что это за будильник! — воскликнула Лидочка. — Он внутри прямо чёрный весь от старости. И потом пыль! У него сзади много дырочек всяких, куда ключи вставляются, а тут знаете, какая пыль!

— Косынкой от пыли, значит, повязали.

— Ага, — сказал Кузя. — М-мы его Марь Ивановой в шутку зовём. И у-ухаживаем, как за любимой девушкой.

— И доухаживаетесь до того, что ваша «любимая девушка» прикажет долго жить, — негромко проговорила Аня.

Посланный за часами Вася в тот день не вернулся. Мне пришлось заночевать у коллекторов.

На земле расстелили большой брезент, в центре его постлали скатерть и сели вокруг неё ужинать. Солнце, большое, красное, коснулось горизонта, и степь, покрытая стерней, загорелась, как медь, по которой прошлись грубым напильником. Потом быстро, как в хорошо оборудованном театре, наступила смена декораций: мы съели по миске пшенной каши с салом и только принялись за арбуз, а на почерневшем небе уже выпали яркие звёзды.

За ужином коллекторы долго гадали, куда мог запропасться Вася, ругали завхоза Присядкина. Потом стали укладываться спать. Мне постелили в палатке, сами же изыскатели предпочитали ночевать под открытым небом. Мужская и женская «спальни» были расположены в разных сторонах от площадки и представляли собой кучи соломы, на которых укладывались матрацы.

Скоро «куст» затих. Но я, как ни старался, не смог уснуть. В палатке было душно. Под брезентовым полом шныряли полевые мыши, пугая меня неожиданным шорохом. Проворочавшись больше часа, я выбрался из палатки.

Степь, днём казавшаяся совершенно безлюдной, теперь выглядела куда оживлённей. Звенели цикады, и к их звону примешивался отдалённый стрекот тракторов. Две пары лучей от их фар медленно ползли далеко на востоке; одна пара, казавшаяся совершенно неподвижной, маячила у самого горизонта на западе. На юге стояло зарево, видны были клубы красного дыма и вереница огней, то вспыхивающих, то затухающих. Там колхозники жгли стерню и оставленную в поле солому.

Столик дежурного был освещён «летучей мышью». За ним сидела Лидочка в накинутом на плечи жакетике.

— Не спится? — спросила она.

— Не спится. — Я придвинул к столу какой-то ящик и сел на него.

— А я как спать хочу!.. Просто ужас! — Лидочка взглянула на часы и добавила удовлетворённо: — Десять минут мне осталось: в двенадцать Кузьку будить.

Она придвинула к себе лист миллиметровой бумаги и стала вычерчивать какой-то график, но через минуту оставила его и снова посмотрела на «Марь Иванну» большими серьёзными глазами. Потом навалилась грудью на стол, приблизила к будильнику ухо, откинула прядь волос и прислушалась.

— Скажите... Вы ничего не замечаете? — обратилась она ко мне.

— А именно?

— Вы не замечаете... вам не кажется, что они как-то странно тикают?

— Как это странно?

— С прихромкой какой-то... Вроде как прихрамывают... Слышите?

Я ничего не смыслил в часах. К тому же стрекот цикад, напоминавший тиканье сотен пар часов, сливался с тиканьем будильника. Послушав с минуту, я только плечами пожал.

— Не знаю. Боюсь вам что-нибудь сказать.

Лидочка взяла будильник и прижала его к уху.

— Ну, да! Он раньше совсем не так тикал... А теперь прямо как будто спотыкается... Это всё пыль, наверное. — Она приподняла косынку, дунула в одно из отверстий на задней стенке будильника и снова прижала его к уху.

— Ой, что же это будет!.. — прошептала Лидочка и вдруг, вскочив, удалилась в темноту.

Скоро я услышал её приглушённый голос:

— Кузя! Кузя, вставай!

— Угу!

— Кузя, вставай, слышишь! Двенадцать часов!

— При чём тут кошка? Пар-радокс!

Лидочка повысила голос:

— Кузя, проснись, слышишь! У нас с часами что-то...

— А! Что с часами? Какие часы?

— Кузя, будильник как-то странно тикает. Я боюсь, что он засорился. Вставай!

— А? Иди! Я сейчас.

Лидочка вернулась к столу, а через минуту явился Кузя в брюках и в стареньком пид-

жаке. Жмурясь, помаргивая, громко сопя, он сел на лидочкино место и поднёс будильник к уху.

— П-почему ты думаешь, что он з-засорился?

— Кузя, они всё время равномерно так тикали, а сейчас с прихромкой какой-то...

Кузя встряхнул «Марь Иванну», послушал её, снова встряхнул и опять послушал.

— Гм! Де-действительно. — Он протянул будильник мне. — К-как вы думаете, а?

Не знаю почему, но на этот раз мне показалось, что часы и в самом деле тикают не так, как им полагается тикать. Я пробормотал:

— Да... Как будто что-то есть... Вроде перебоев каких-то.

Кузя посмотрел на Лиду:

— П-признайся, ты в них ковырялась?

— Ну что ты, Кузя, «ковырялась»? Спроси у товарища, я их почти не трогала.

— Гм! — Кузя положил «Марь Иванну» циферблатом вниз, отвинтил ключи, снял крышку. — П-посвети. Вот сюда.

Лидочка приподняла фонарь. Низко нагнувшись, почти касаясь подбородком стола, Кузя со всех сторон заглядывал в механизм.

— Т-так и есть!.. Соринка. — Он слегка дунул в механизм и снова припал к нему правым глазом. — Соломинку к-какую-нибудь найди. Потоньше.

Лидочка отошла от стола и тут же вернулась с целым пучком соломинок. Выбрав одну из них, Кузя тщательно обтёр её двумя пальцами и очень осторожно погрузил во внутренности «Марь Ивановны».

Лидочка следила за его манипуляциями, приоткрыв рот, чуть дыша.

— Ч-чёрт! Ушла, — сказал через минуту Кузя, выпрямившись и вытирая рукавом взмокший лоб.

— Кто «ушла»? Кузька, куда ушла?

— С-соринка ушла. Вглубь куда-то. — Кузя опять наклонился и снова стал осторожно ковырять в механизме соломинкой, но уже с другой стороны.

«Марь Иванна» внезапно перестала тикать. Кузя поспешно вынул соломинку и встряхнул будильник. Безрезультатно! Испуганно взглянув на меня, на Лиду, Кузя тронул пальцами колёсико со спиральным волосиком...

«Марь Иванна» тикнула раза два и снова умолкла.

Всё так же звенели цикады, всё так же доносился отдалённый стрекот тракторов, но у меня было такое чувство, словно абсолютная, мёртвая тишина воцарилась в степи.

Лидочка прижала ладони к вискам и широко открыла глаза.

— Ку-у-зя! — еле слышным шёпотом проговорила она.

— Ты... ты не п-паникуй. Т-ты, главное, без па-а-паники, — дрожащими губами пролепетал Кузя. — снова встряхнул будильник, снова суетливо потыкал в него соломинкой... — Разобрать надо... Я сейчас ра-разберу.

Но Лида уже не слушала его. Сложив ладони рупором, она кричала:

— Ребята! Дима! Ой, ребята, скорее, часы...

Дальше всё пошло с невероятной быстротой. Вздрыгнутый, в рубашке, кое-как заправленной в брюки, выскочил из темноты Дима, прибежала Аня с одеялом на плечах. Все замерли в первый момент, глядя на раскрытый будильник, на вставшего со стула жалко моргавшего Кузю. Я ждал, что сейчас начнётся суматоха, подымутся крики, перебранка. Ничего этого не произошло. Старший коллектор вдруг запрыгал на одной ноге, поправляя тапочку на другой, и заговорил негромко, но быстро:

— Лидочка! В колхоз! Бегом!.. Кузьма, ты старайся исправить будильник... Аня, за шурфами следи. Считай секунды! Вслух отсчитывай. А мы за Лидой, на подставу. Эстафетой часы понесём.

Последнее относилось ко мне.

Лидочка сбросила жакетик и тут же, не сказав ни слова, исчезла в темноте. Мы с

Димой вышли следом за ней. Уже пробираясь к дороге по неровному полю, мы услышали голос Кузи:

— Аня! Яблоко дай. П-побольше.

— Дурак! Яблочка в такую минуту захотел, — проворчал на ходу Дима.

Выбравшись на просёлок, мы пустились к колхозу, откуда я пришёл. Мы то быстро шли, то бежали. Было темно. Мягко хлопала пыль под ногами.

— Почему вы именно Лиду послали? — спросил я.

— Спортсменка. Бегунья, — коротко ответил Дима.

Пройдя километра два, он замедлил шаги.

— Ждите здесь. Я дальше пойду. Приму у Лидки часы и бегом к вам. А вы бегом на «куст». Простите, что эксплуатируем, но... сами понимаете.

Дима побежал дальше, и скоро звук его шагов растаял в звоне ночной степи. Я остался один.

Прохаживаясь взад и вперёд по дороге, я думал о разных вещах. Я думал о том, что вот будут построены водохранилище и оросительная система и газеты расскажут о гигантских механизмах, работавших на стройке, о десятках тысяч кубометров земли, вырытой сверх плана, но никто не упомянет о случае со смешным будильником, повязанным косынкой. Ведь это лишь микроскопический эпизод в истории стройки. Я думал о том, что сейчас на «кусте» с бьющимся сердцем разбирает будильник Кузя и беспрерывно шепчет, отсчитывая секунды, Аня, что где-то далеко в потёмках, тяжело дыша, бежит Лидочка. И я думал о том, что за тридцать километров отсюда, в районном центре, сладко спит завхоз Присядкин. Мне он представлялся гладколицым, розовым человечком с маленькими глазками и вздёрнутым носиком.

А время шло. Настал момент, когда при всех поправках на моё нетерпение можно было сказать, что час наверняка прошёл. Димы всё не было. Я понимал, что чем дольше считает Аня, тем больше растёт ошибка во времени, с которой она записывает показания приборов. Я, правда, не знал, при какой неточности опыт придётся ставить заново, но мне было ясно, что дело плохо.

Прошло ещё с полчаса. Я окончательно встревожился и хотел уже идти навстречу Диме, как вдруг из тьмы донёсся какой-то новый, еле уловимый звук. Я замер. Звук постепенно становился ясней. Это был топот лошади, скачущей галопом. Топот прибли-

жался, нарастал... Вот он слышался совсем близко... Вот я увидел тень, быстро приближающуюся ко мне, шагнул в сторону, и в ту же секунду мимо меня во весь опор пронеслась чёрная лошадь с чёрным всадником на спине. Внезапно топот оборвался, и всадник, уже невидимый в потёмках, взволнованным мальчишеским голосом прокричал:

— Эй, где тут эти... которые геологи?

— Часы везёшь?

— Ага!

— Езжай дальше, скорей! Слева на поле фонарь увидишь!

Всадник усккал, а я, обрадованный, пошёл на «куст». Но через несколько минут снова слышался топот.

— Дяденька! Я скакал, скакал аж километра два, а никакого фонарика нет.

— Чепуха! Ты просто не заметил. Идём! — Я затрусил рядом с лошадью. — Который час?

— Сейчас не видать. Когда седлали, двенадцать минут второго было. Вашу дивчину к фельдшеру отвели... Ногу подвернула. Говорит, с километр на одной ноге прыгала.

То бегом, то шагом я прошёл изрядное расстояние, но фонаря всё не было видно. Вдруг я услышал из темноты смех. Я остановился и сердито крикнул:

— Кузя!

— Д-да?

— Где вы там?

Вспыхнул свет карманного фонарика.

— Идите сюда! П-принесли?

— Принесли. Почему фонарь потушили? Вас найти не могли. Из-за этого задержались.

— Н-наплевать, — ответил Кузя каким-то подчёркнуто-легкомысленным тоном.

Мне показалось при этом, что он улыбается.

— Вы что, починили будильник?

— Н-нет, — сказал Кузя.

— А как же опыты?

— В п-полном порядке.

— Можно выходить? — слышался голос Ани.

— П-погоди! Я т-тебя продемонстрирую.

Тут я только заметил, что фонарь хоть очень слабо, но всё же просвечивает сквозь плотную ткань палатки. Когда мы подошли, Кузя отдернул полотнище над её входом.

— П-пожалуйста.

Парнишка прыгнул с лошади, мы троём заглянули в палатку. Фонарь стоял на небольшой стопке книг, освещающая лежащую на животе Аню. Перед ней на довольно длин-

ной нитке, привязанной к брезенту, качалось яблоко розмарин.

— П-пожалуйста! Хронометр системы Кузьмы Дергунова. П-принцип вам ясен?

Я ничего не понимал. Я только плечами пожал.

— Физику знаете? М-маятник с нитью определённой длины совершает одно колебание всегда за один и тот же п-промежуток времени. Н-независимо от размаха колебания. М-маятник длиной в девяносто девять и пять десятых сантиметра совершает колебание за одну секунду. П-перед вами именно такой маятник.

Кузя показал на Аню:

— А эт-то счётный механизм. По очереди считали. — Перед Аней лежала тетрадка, в которой она цифрами записывала минуты.

— Вы давно это придумали?

— Сразу же после вашего ухода, — ответил «счётный механизм», выбираясь из палатки.

Подошёл Дима. Ему тоже показали «хронометр» и тут же проверили его точность по привезённым парнишкой «бригадировым часам». За две минуты он отставал на пять секунд, а допустимая погрешность в опытах равнялась пяти минутам в час.

Мы уселись на брезент и в честь изобретателя съели самый большой арбуз. Парнишка, сидя рядом со мной, указывал глазами на Кузю и шёпотом повторял:

— Во, башка-то! Вот это башка!

Потом он простился и усккал, а мы принялись за дыню, продолжая восхвалять кузину гениальность.

— Вот что удивительно, товарищи, — неторопливо рассуждала Аня, — каждый из нас проходил в своё время правила маятника. И я проходила, и ты, Димка, проходил, и вы, товарищ, проходили...

— Ага! — подхватил старший коллектор. — Каждый проходил, каждый знает... Но почему никто не вспомнил о нём, а Кузя вспомнил? Вот ведь чёрт! Ну почему?

— Я за это п-правило в своё время двойку п-получил и по-о-поругался с физиком, — скромно объяснил изобретатель.

* * *

Спать мы легли под утро. Часов в девять приехал на машине Вася с новыми часами, а с ним Лидочка с забинтованной лодыжкой.

Сфотографировав коллекторов, я попросился с ними и вскоре опять зашагал по просёлку среди бурой степи.

ГЕРОИЧЕСКИЙ 1905 ГОД

Багровое пламя озаряет небо и ветхие деревянные домишки. Заснеженную мостовую грозно преграждает баррикада. Красные отблески пожара играют на снегу, и очень похож на язык пламени красный флаг, который реет над баррикадой. Вспыхивают выстрелы. Видимо, только что отбита атака. Об этом говорят следы на снегу и офицерская фуражка, потерянная, должно быть, во время бегства...

Картина художника А. Интезарова переносит нас на пятьдесят лет назад, в 1905 год, год первой революции в России, когда народ, доведённый до отчаяния тяжёлой жизнью, нищетой и угнетением, поднялся на борьбу.

Этот год был революционным с самого своего начала и до конца — с января по декабрь. О многих событиях, происходивших тогда, вы, наверное, знаете. Наверное, все вы слышали и читали о «Кровавом воскресеньи» 9 января. В этот день царь приказал расстрелять безоружных людей, пришедших к нему просить милости и защиты. Страшная весть о кровавом злодеянии разнеслась повсюду и всюду вызвала гнев народный, ненависть к царю и капиталистам.

Весь 1905 год продолжались стачки. Они возникали то в одном, то в другом городе: в Москве, Петербурге, Баку, Риге, Лодзи, Иваново-Вознесенске. Бастовали рабочие, крестьяне жгли помещичьи усадьбы, бунтовали студенты. В июне вспыхнуло восстание в царском флоте на броненосце «Потёмкин». В октябре произошла Всероссийская политическая стачка. Замерла вся жизнь страны. Остановились фабрики и заводы, стали поезда. Революция нарастала с огромной силой.

В декабре в Москве вспыхнуло вооружённое восстание рабочих. Во главе его стояли большевики.

...«Вставайте, товарищи! — призывал Московский комитет большевиков. — Бросайте работы, вооружайтесь, кто чем может! Бейте подлцов, которые вас бьют и ваших братьев, стреляйте в тех, кто в вас стреляет, истребляйте их всех беспощадно, без жалости и сострадания!.. Долой самодержавие! Да здравствует стачка! Да здравствует вооружённое восстание измученного народа!»

Эти дни полны замечательных событий, каждый из них вошёл в историю. 5 декабря общегородская Московская конференция большевиков вынесла решение о всеобщей стачке и вооружённом восстании. 7-го началась забастовка. 9 декабря в Москве появились первые баррикады.

Баррикады выросли у Триумфальных ворот, на Садово-Кудринской, у Тверской заставы, на Красной площади, на Большой Никитской. На следующий день они появились в Замоскворечье, в Симоновской слободе, на Шаболовке и в других рабочих районах. Но центром московского восстания, его пылающим очагом, его могучей крепостью стала Пресня. Вот эту Пресню, грозную Пресню, где бесстрашно сражались с хорошо вооружённым врагом русские рабочие, и изобразил на своей картине художник Интезаров.

ПРЕСНЯ В 1905 ГОДУ.

А. Интезаров.

БОЙ У ГОРБАТОГО МОСТА.

Г. Савицкий.

В течение десяти дней рабочие Прохоровской мануфактуры, фабрики Шмита, завода Грачева, фабрики Мамонтова, Брестских железнодорожных мастерских с оружием в руках показывали чудеса храбрости. Искусно и бесстрашно сражались они с многочисленными отрядами драгун и казаков, и даже враг вынужден был признать, что борьба с «упорными и стойкими мятежниками» была трудным делом.

Боевые дружины Пресни продолжали держаться и тогда, когда во всех других районах Москвы восстание было подавлено.

«...Пресня окопалась. Ей одной выпало на долю ещё стоять лицом к врагу,— говорилось об этих днях в воззвании боевого штаба.— ...Мы одни на весь мир. Весь мир смотрит на нас. Одни — с проклятьем, другие — с глубоким сочувствием...»

Царские войска окружали Пресню. Подвезли пушки, решив уничтожить Пресню артиллерийским огнём. Но Пресня не сдавалась. Один из героических эпизодов того времени — бой на Горбатом мосту — изобразил на своей картине художник Г. Савицкий.

Горбатый мост защищала самая сильная и стойкая боевая дружина — дружина фабрики Шмита. Вглядитесь в картину. Царские войска уже совсем близко, но дружинники мужественно сопротивляются. Они стреляют не только из-за баррикады, но с крыш домов и из окон. Гордо реет на баррикаде красное знамя революции. Дружинники не сдаются.

В дни московского восстания рабочие учились не только воевать. Впервые в истории русского рабочего класса они обучались организации, руководству... Совет рабочих депутатов Пресни установил в районе революционный порядок. По распоряжению Совета была открыта столовая для дружинников. Были созданы также санитарные отряды из сестёр и врачей... На картине вы видите, как члены такого отряда оказывают помощь раненому дружиннику.

...Враг был слишком силен. Из Петербурга в Москву прибыл Семёновский полк. Пресня пылала в огне. Дальнейшее сопротивление пресненских храбрецов стало бессмысленным.

16 декабря боевой штаб обратился к рабочим Пресни с воззванием. Дружинникам предлагали разобрать баррикады и разойтись.

«Дружинник — стало великим словом,— говорится в этом воззвании,— и всюду, где будет революция, там будет и оно, это слово,— плюс Пресня, которая есть нам великий памятник».

Не смирение, а горделивая сила звучит в этом воззвании. И разве не замечательно, что этот документ, призывавший временно прекратить борьбу, кончается словами: «Да здравствует борьба!»!

Московское восстание было подавлено. Революционная волна пошла на убыль. Царизму удалось одержать временную победу. Но революция до основания потрясла царский самодержавный строй. Ещё недавно забытые и бесправные люди почувствовали, что право и справедливость на их стороне, что с оружием в руках они могут завоевать победу. Опыт, приобретённый в революции 1905 года, помог нашему народу победить в октябре 1917 года. «Без «генеральной репетиции» 1905 года,— писал Ленин,— победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна».

КАК БЫЛА ПОКОРЕНА ДЖОМОЛУНГМА

На юге Азиатского материка расположена величайшая горная система земного шара — Гималаи, что значит «Родина снегов». Почти на две тысячи пятьсот километров простирается она с запада на восток, отделяя суровое плоскогорье Тибета от цветущих долин северной Индии. Ширина этого мощного хребта — свыше двухсот километров.

Ледники Гималаев питают гигантские реки Индийского полуострова — Ганг, Инд и Брахмапутру. Здесь находятся высочайшие вершины мира. Они поднимаются выше восьми тысяч метров над уровнем моря. И среди них самая высокая вершина земли — Джомолунгма, или Эверест. Джомолунгма, что по-индийски значит «Мать богов», расположена в центре главного Гималайского хребта, на территории государства Непал. Высота её — 8882 метра над уровнем моря.

Подступы к вершине преграждают бурные реки, непроходимые ущелья, многокилометровые ледники. Более двухсот километров отделяют её от ближайшего железнодорожного пункта — города Дарджилинга.

Люди давно мечтали о покорении Джомолунгмы. Первую экспедицию организовали англичане в 1921 году. Но им удалось преодолеть лишь подходы к вершине и наметить путь для восхождения. С тех пор альпинисты не раз стремились подняться на недоступную вершину. И все попытки кончались неудачей. Не один отважный альпинист поплатился жизнью за попытку покорить Джомолунгму.

Экспедиция на Джомолунгму очень сложна. Только для того, чтобы подойти к подножью вершины, расположенной в самом центре труднодоступного горного района, приходится преодолеть тысячи препятствий.

Но основные трудности начинаются, когда альпинисты вступают на склоны вершины. Нужно быть очень сильным, умелым и выносливым, чтобы преодолеть громадные ледники, перерезанные колоссальными трещинами, и крутые скальные стены.

С такой сложной задачей может справиться только хорошо подготовленная большая экспедиция.

Во всех экспедициях самую тяжёлую и ответственную работу — переноску грузов, заброску снаряжения и продовольствия на промежуточные базы — выполняют в основном носильщики. В газетных заметках и книгах западных альпинистов о них редко упоминают, хотя многие из носильщиков, участвующих в восхождении на Джомолунгму, достигали высоты свыше восьми тысяч метров.

Большинство этих носильщиков принадлежит к горному племени шерпов. Они выросли в суровых условиях высокогорья. Многие шерпы

Индийский альпинист Тенсинг Норки — покоритель высочайшей вершины мира — Джомолунгмы (Эвереста). Горцы называют его «Тигром Гималаев».

по несколько раз участвовали в экспедициях и стали опытными и сильными альпинистами.

В 1954 году Джомолунгма была наконец завоевана. Двое участников английской экспедиции впервые вступили на её вершину. Одним из этих людей был житель города Дарджилинга, шерп Тенсинг Норки, вторым — новозеландский альпинист Эдмунд Хиллари.

Тенсинг семь раз участвовал в экспедициях на Джомолунгму. Это один из самых выдающихся альпинистов мира. И лишь стремление к личной славе, к сенсационному рекорду, свойственное буржуазному спорту, могло породить нелепый спор, возникший вскоре после восхождения, о том, кто первым ступил на вершину Джомолунгмы, — Хиллари или Тенсинг. Совершенно ясно, что два альпиниста, связанные одной верёвкой, с равным правом могут считаться победителями вершины, если даже один из них взойдёт на неё на шаг позади другого.

Читая простой и скромный рассказ покорителя Джомолунгмы, нельзя не восхищаться мужеством и волей людей, принесших человечеству новую славную победу.

Мастер спорта Я. Аркин

НА ВЫСОЧАЙШЕЙ ВЕРШИНЕ МИРА

Тенсинг Норки

Шёл 1953 год. Однажды я получил письмо от полковника Ханта. Он приглашал меня принять участие в экспедиции на Эверест и предлагал мне пост сардара — начальника группы шерпов.

Мы выбрали двадцать носильщиков. Почти все они были ветеранами Эвереста.

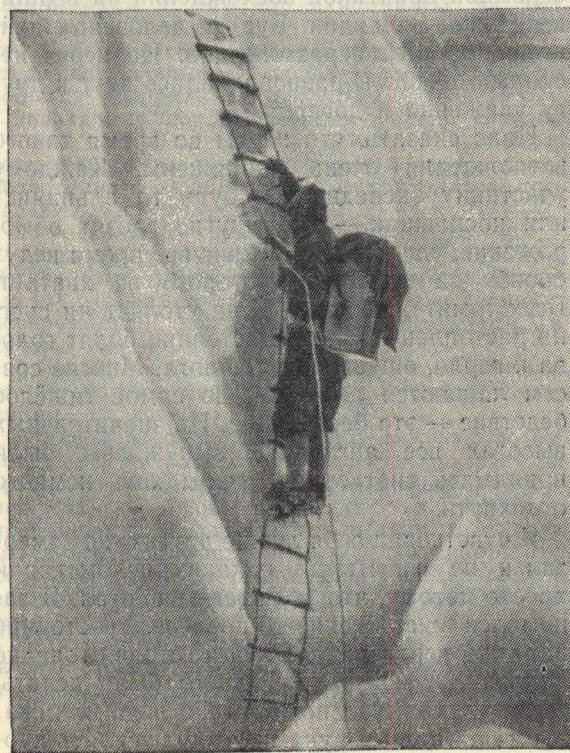
Я был ответственным за носильщиков, а кроме того, сам был и носильщиком и участником штурма. Как всегда перед каждым значительным походом, я старался достигнуть хорошего физического состояния. Я рано вставал, нагружал камнями рюкзак и уходил в далёкие прогулки по взгорьям, окружающим Дарджилинг, не курил и не пил. Это был мой седьмой поход на Эверест. Мне было тридцать девять лет. Я решил на этот раз овладеть Эверестом или погибнуть.

В тот день, когда мы выступали из Дарджилинга, один из моих друзей принёс мне маленький индийский флажок и попросил оставить его на вершине. Моя младшая дочь, Нима, притащила кусок красно-синего карандаша и попросила о том же. Я пообещал выполнить их просьбу.

Когда в базовом лагере после медицинского осмотра врачи признали меня по физическому состоянию самым крепким из всего состава экспедиции, было решено, что мне предоставят возможность вместе с новозеландцем Эдмундом Хиллари совершить последнее восхождение на вершину. Помимо нас, попытку восхождения на вершину должна была совершить также другая «двойка» — Чарльз Эванс и Томас Бурдильон. Хиллари, с которым мы теперь не расставались, был великолепным альпинистом с огромной практикой восхождения на вершины Новой Зеландии. Будучи человеком действия, он был неразговорчив. Но через несколько дней мы преисполнились друг к другу уважения и доверия.

Надо сказать, что нервы во время такого восхождения очень напряжены. Каждому участнику экспедиции — будь то альпинист или носильщик — ежеминутно грозят обморожение, упадок сил. Лёгкие всё время ведут борьбу за кислород, которого не хватает. Всех томит жажда, и её не утоляет ни снег, ни растопленный лёд. Постоянно болят голова и горло, ощущается тошнота. Многие совсем лишаются аппетита, но самое тяжёлое бедствие — это бессонница. На значительных высотах все англичане вынуждены были принимать снотворное, чтобы хоть немного отдохнуть.

Я чувствовал себя лучше других: не замерзал и не испытывал никаких недомоганий просто потому, что всё время работал. Я занимался снаряжением, проверял состояние палаток, перетапливал лёд и готовил горячие напитки. А когда уже нечего было делать, просто откалывал ногой куски льда или скалы и бил по ним руками, чтобы усилить кро-

воображение. У меня ни разу не было головной боли или тошноты, и я ни разу не принял снотворного.

Без особых приключений мы достигли пункта, откуда начиналось восхождение на вершину. У Южного Седла был разбит восьмой лагерь, и Бурдильон с Эвансом должны были покинуть его через день утром. До вершины им оставалось 3 300 футов — около 1 000 метров. Если они не достигнут вершины, вслед за ними попытаем счастья мы с Хиллари. Для нас должны были разбить девятый лагерь ещё выше, и уже оттуда мы совершили бы свою последнюю попытку. Таким образом, у нас с самого начала было значительно больше шансов на успех.

23 мая Бурдильон и Эванс начали восхождение. Через день и мы двинулись по их следам.

Первую ночь мы провели в седьмом лагере, где нас ожидало несколько товарищей. Достигнув восьмого лагеря, мы застали там шерпа, которого мы звали «Балу» — «Медведь». Он и ещё один шерп шли вместе с полковником Хантом. Но в это утро Балу почувствовал себя плохо и не смог подниматься выше. Полковник Хант и второй шерп тронулись дальше, неся очень тяжёлую поклажу.

Мы продолжали восхождение и через некоторое время увидели спускавшихся вниз полковника Ханта и шерпа Да Намгиала. Оба были совершенно обессилены. Ханту стало плохо. Я приготовил ему горячий напиток из лимонного сока и уложил в палатке. Когда Хант немного отошёл, он сказал нам, что они достигли высоты в 27 350 футов и там оставили снаряжение для нашего лагеря. Они оставили для нас и кислородные приборы, которыми пользовались при восхождении. Отсутствие кислорода при спуске и вызвало у них такую слабость.

Мы стали ожидать возвращения Бурдильона и Эванса. Ждём, ждём, то и дело поглядываем вверх. Наконец на белом фоне снега появились две маленькие фигурки. Мы поспешили навстречу, понимая уже, что Бурдильон и Эванс не достигли вершины, так как возвращались слишком рано. Они были так измучены, что не могли вымолвить ни слова. Наконец они рассказали, что добрались только до Южного Пика — самой высокой точки на земном шаре, которой достигал человек, но до вершины не дошли.

На верхнем снимке вы видите, как альпинисты, пользуясь складными дюралевыми лестницами, переправляются через трещину, пересекающую ледник. Внизу — подъём на ледопад Кумбу.

В эту ночь мы все спали в трёх маленьких палатках. Ветер выл, как помешанный, а на рассвете начал рычать, словно тысяча тигров. Не могло быть и речи о выходе в такой бурян. Весь день мы пролежали в палатках, в огромных количествах поглощая чай, кофе, суп и лимонный сок. Вторая ночь была столь же бурной, как и первая. Я лежал, прислушиваясь к вою ветра. Около восьми утра внезапно наступила тишина. Мы с Хиллари взглянули друг на друга. Да, теперь мы попытаемся!

За несколько минут до девяти часов Джордж Лоу, Альфред Грегори и шерп Анг Нима тронулись в путь. Каждый из них нёс поклажу около шестнадцати килограммов весом и кислородную маску. Часом позднее выступили и мы с Хиллари, неся на себе по двадцать килограммов. Шедшие впереди вырубали для нас ступеньки во льду. И мы шли за ними, не слишком растрачивая силы. Около полудня мы их догнали. Мы находились как раз у того места, до которого дошёл полковник Хант и где он оставил нам провиант и кислород. Теперь нам предстояло присоединить эту поклажу к своей и нести дальше по двадцать четыре килограмма.

Подъём становился всё круче, а наши шаги всё замедлялись. К двум часам дня мы уже были страшно измучены. Мы выбрали место для лагеря у высокой скалы. Трое наших товарищей покинули нас и стали спускаться вниз, прощаясь кратким пожеланием:

— Счастья и удачи!

Мы с Хиллари остались одни на высоте 27 900 футов, в самом высоком из лагерей, основанном когда-либо человеком. До темноты мы работали, вырубая лёд, выравнивая почву. В конце концов мы вынуждены были сдаться и поставить палатку на совершенно невыровненной поверхности. Потом начались мучения с верёвками и колышками. Это продолжалось в пять раз дольше обычного. Наконец палатка была укреплена, и мы, протиснувшись внутрь, с облегчением вздохнули.

Ночью мы лежали в пуховых спальниках мешках, натянув на себя все свитеры. Было 29 мая. Мы проснулись около четырёх часов утра. Ветра не было слышно. Я вскипятил воду и приготовил горячий лимонный сок. Мы откинули полог палатки. Погода обещала быть прекрасной. Нас охватила радость. Но тут случилась беда. Хиллари снял на ночь ботинки и положил их под голову. Когда он вытащил их, оказалось, что они замёрзли. В течение часа мы держали их над огнём примуса, мяли, колотили... Наконец Хиллари смог обуться, и мы вылезли из палатки. Было половина седьмого утра. Воздух прозрачный, кругом тишина. Мы натянули на руки по три пары перчаток: сначала шёлковые, потом шерстяные, а поверх них брезентовые. На ноги надели кошки, а на спины — кислородные приборы, висевшие шестнадцать килограммов. На ледоруб я туго намотал четыре флага: Непала, Индии, Объединённых Наций и Великобритании. В кармане куртки лежал маленький об-

Вид с Южного Седла на вершину Нуп-Тзе. Справа видны остатки лагеря швейцарской экспедиции 1952 года. Эта фотография сделана 25 мая в исключительно тихий день.

Юго-восточный гребень Джомолунгмы.

грызанный кусок цветного карандаша моей дочки.

— Вы готовы? — спросил меня Хиллари.

Ботинки Хиллари всё ещё были одеревеневшими, и он попросил меня идти впереди. Потом мы регулярно менялись: впереди шёл то один, то другой. Сразу же у Южной вершины перед нами встала настоящая снежная стена. Самым скверным было то, что снег оказался рыхлым и сыпался из-под ног. Мы то и дело соскальзывали, и в какую-то минуту мне показалось, что вот сейчас я покачусь вниз, до подножия гигантской горы. Это был самый трудный кусок пути. Даже теперь, когда я вспоминаю о нём, у меня по спине ползут мурашки.

Наконец в девять часов мы добрались до Южной вершины. Теперь перед нами оставался небольшой участок пути — 300 футов. Слева и справа — пропасти глубиной в 8 000 футов. А между ними узенький гребень.

Медленно-медленно дошли мы до последней преграды. Это была огромная скала, выступающая пря-

мо из гребня. Хиллари, охраняемый мною, пошёл впереди. С большим трудом вскарабкался он на скалу. Теперь уже он держал верёвку, а я лез за ним. На скале мы немного отдохнули. Перед нами была вершина, совсем уже близкая.

Мы продолжали идти, преодолевая небольшие снежные надувы, каждый раз думая: «Может быть, это уже последний?». Наконец мы достигли места, откуда был виден только один сугроб, а за ним — ничего, кроме голубого неба...

...В нескольких шагах от вершины мы с Хиллари задержались. Взглянув вверх, мы двинулись дальше. Верёвка, которая связывала нас, была в тридцать футов длиной, но я держал её в правой руке почти полностью свёрнутой, так что расстояние между нами составляло только шесть футов. Мы шли вперёд медленно, но ритмично: Хиллари — первым, я — вторым. Мне даже в голову не приходило стараться быть первым... И вдруг мы очутились на вершине. Хиллари сделал первый шаг, я шагнул сразу же за ним...

Тенсинг на вершине Джомолунгмы.

...Позднее на эту тему было много глупых разговоров и сплетен, и, чтобы положить им конец, мы с Хиллари написали совместное заявление, в котором подтвердили, что «вступили на вершину почти одновременно». Но тогда начали цепляться к слову «почти». Настоящие альпинисты знают, что такой спор не имеет смысла: когда два товарища связаны одной верёвкой, они вместе в полном смысле этого слова... И если то, что я оказался на один-единственный шаг позади Хиллари, для меня постыдно, что ж, я готов жить с этим стыдом и дальше.

Когда мы оказались на вершине, мы сделали то, что делают в таких случаях все альпинисты. Пожали друг другу руки, потом я обнял Хиллари, потом мы, как сумасшедшие, хлопали друг друга по плечам до тех пор, пока не начали дышать, как паровозы, несмотря на кислородные маски. Было 11.30 утра. Мы осмотрелись. Небо было голубым, как никогда. От Тибета веяло нежным ветерком, а полоса снежной пыли, всегда реющей над Эверестом, казалась совсем лёгкой.

Вокруг нас со всех сторон вздымались могучие Гималаи. Чтобы увидеть знаменитые вершины, теперь нужно было просто смотреть вниз. Это было зрелище, никогда не виданное мною до того: страшное, дикое и величественное одновременно. Но я не боялся.

Хиллари вытащил фотоаппарат и начал снимать всё вокруг. Я развернул четыре флага. Тогда Хиллари сфотографировал меня. Я тоже хотел сфотографировать Хиллари, но он только махнул рукой и не дал себя снять. Выкопав в снегу ямку, я положил в неё карандаш Нимы и кулёчек конфет. При этом я подумал, что преподнёс Эвересту сладости, как преподносят их у нас дома близким в знак симпатии.

Мы провели на вершине всего пятнадцать минут. Надо было возвращаться. Но хотя мы очень спешили вернуться, спускаться следовало осторожно. Большинство несчастных случаев происходит в горах при спуске. Мы медленно шли по глубокому снегу, стараясь использовать ступеньки, высеченные нами при восхождении. Когда мы добрались до восьмого лагеря, нас встретил там Лоу. Он накормил, напоил нас и уложил спать. Мы были измучены и счастливы.

Ещё два дня спуска, и мы очутились в лагере-базе. «Теперь я свободен, — думал я, — свободен от гнёта Эвереста».

Тенсинг (справа) и Хиллари на обратном пути к базе. Эта фотография, так же, как и все остальные, сделана участниками экспедиции полковника Ханта.

...Когда мы проезжали через Непал, всюду собирались огромные толпы. «Да здравствует Тенсинг!» — кричали все. Меня осыпали ласками, стремились дотронуться до меня, подсовывали какие-то бумаги для автографов...

В королевском дворце король Непала Грибубан наградил меня высшим орденом Непала и отдал в моё распоряжение свой личный самолёт. Вместе с семьёй я вылетел в Нью-Дели. Там меня снова всё время окружали толпы людей. Премьер Индии Неру принял меня и уделил мне много внимания. Он уговорил меня поехать в Лондон, где мы с женой провели шестнадцать дней и были представлены королеве.

Вернувшись на родину, я вскоре снова испытал огромную радость: индийское правительство основало в Дарджилинге первую в Индии школу высокогорного альпинизма и доверило мне руководство ею.

Перевела З. Шаталова.

СТИХИ

Валентина Берестова

ПЕРВЫЕ РИСУНКИ

На дикий мир дышали непогодой
Безмерные пространства ледника,
Совсем иными были и природа
И человек в те давние века.

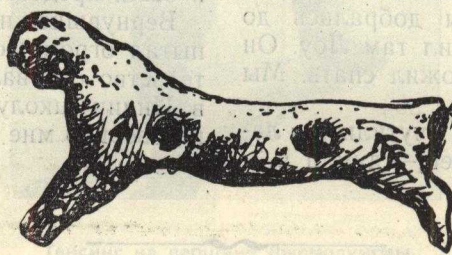
Он с птицами беседовал по-птичьи,
Гонясь за зверем, зверя брал в пример,
И у костров плясал в его обличье,
И прятался под сводами пещер.

И до сих пор в его глухой пещере
Толпой теней стремительно-живой
Летят по стенам яростные звери,
Свиристые соперники его.

Глаз мамонта испуганно косится,
Бежит олень, погоней окрылён,
Упал, и, умирая, шевелится,
И кровь глотает раненый бизон.

Пусть предок жизнью жил полузвериной,
Но мы его наследьем дорожим.
Он не умел слепить горшка из глины,
Боялся духов, выдуманных им.

Но у суровой матери-природы
Осколком кремня, пламенем костров
В борьбе и в муках вырвал он свободу
Для рук, и глаз, и мысли мастеров.

УЛЫБКА

Среди развалин, в глине и в пыли,
Улыбку археологи нашли.
Из черепков, разбросанных вокруг,
Прекрасное лицо сложилось вдруг.

Улыбкою живой озарено,
Чудесно отличается оно
От безупречных, но бездушных лиц
Напыщенных богинь или цариц.

...Взошла луна, и долго при луне
Стояли мы на крепостной стене.

Ушедший мир лежал у наших ног,
Но я чужим назвать его не мог.

Ведь в этой древней глине и в пыли
Улыбку археологи нашли.

НА НЕУПРАВЛЯЕМОМ ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

А. Бруштейн

Рисунки Н. Гришина.

Древницкий!.. Древницкий!.. Древницкий!.. Это имя, никому до того неведомое, выкрикивали все объявления, расклеенные на афишных киосках, тумбах и даже просто на стенах домов.

Люди подходили к афишам. Что за Древницкий? Люди читали афиши, шевелили губами, словно спотыкаясь о непривычные, непонятные слова...

Афиши гласили, что такого-то числа 1892 года — впервые! небывало! ново! — известный воздухоплаватель Древницкий совершит в нашем городе полёт на воздушном шаре и спустится на землю при помощи парашюта. Взлёт состоится в городском Ботаническом саду. Вход на взлётную площадку платный.

На афишах было изображено нечто вроде гигантской груши, парящей в воздухе хвостиком вниз и словно одетой в сетку для мячика. Это воздушный шар. Под ним к узкому концу груши подвешена плетёная корзинка, а в ней стоит крохотный по сравнению с размерами воздушного шара человек, поднявший руки вверх, как для приветствия. Тут же рядом, на афише, изображён человек, летящий по воздуху под огромным раскрытым зонтиком. Это парашют.

Воздушный шар, парашют, воздухоплаватель — сколько непонятных, никогда ранее не встречавшихся слов!

В общем, можно было понять, что этот Древницкий — так по крайней мере уверяла афиша — будет летать по воздуху!

В то далёкое время — более шестидесяти лет тому назад — мало кто из обыкновенных людей представлял себе, чтобы человек мог летать. Летали только герои в сказках. Ну, те вообще жили с такими удобствами, каких не знали простые смертные: с коврами-самолётами, скатертями-самобранками, волшебными лампами Алладина. Но в обыкновенной жизни летать было невозможно: считалось, что до этого «человек ещё не дошёл».

Основным и главным способом передвижения в нашем городе, как почти во всех российских городах, были в то время собственные ноги. Век был пешеходный. Об автомобилях ещё не мечтали тогда и короли. У людей со средствами были собственные лошади и коляски. За деньги можно было ездить и на извозчиках — «ваньках». У них были пролётки с высоченными ступеньками и узким, всегда запылённым сиденьем для двоих. В эти пролётки были впряжены утомлённые жизнью клячи. Они неторопливо переступали старчески-мохнатыми ногами, похожими на обомшелые лесные коряги. В самом

вознице — извозчике — главную часть веса составляла его «упаковка»: тяжёлый длиннополый кучерской армяк с устрашающим тумбообразным нагромождением толстых складок на задку. Иной извозчик в таком армяке был похож только что не на Илью Муромца, а когда снимал армяк, то словно с громадного, толстокожего апельсина сняли кожу и внутри оказался крохотный апельсинчик: маленький, щуплый человечек!

Ехали «ваньки» медленно. Порою извозчик делал вид, будто он сейчас ка-ак подхлестнёт свою коняку! Коняка при этом тоже притворялась, будто она сейчас ка-ак понесётся вскачь! Но это была невинная комедия, никого не обманывавшая. Несколько оживлялся извозчик лишь тогда, когда въезжал в какую-нибудь особенно извилистую червеобразную старинную улочку: ведь, въезжая в неё, он не видел, что происходит в противоположном её конце! Поэтому, въезжая в такую улочку, извозчик оглушительно орал и гикал, чтобы предотвратить одновременный въезд в неё другого извозчика, с противоположного конца. Иногда столкновения всё-таки происходили, и это было почти катастрофой! Разъехаться в этих узеньких старинных улицах нашего города столкнувшиеся извозчики не могли, уступить дорогу, попятившись назад, ни один из них не соглашался; оба долго препирались, неистово ругаясь. Для тех седоков, которые торопились, например, на вокзал, к поезду, это было настоящим бедствием!

Так передвигались в то время в нашем городе, да, вероятно, и почти во всех городах страны: десятки — в собственных экипажах, сотни — на извозчиках, тысячи и десятки тысяч горожан — «на своих на двоих», пешком.

И вдруг какой-то Древницкий собирается лететь! Лететь по воздуху!

— Папа! — спрашиваю я. — Разве человек может лететь по воздуху? Как птица?

— Ну, не совсем ещё, как птица... — говорит папа. — Птица летит, куда хочет; птица может остановиться, когда хочет; может, если хочет, прервать свой полёт и снова спуститься на землю...

— А человек?

— Человек может только подняться в воздух на шаре. Шар летит не по воле человека, а по воле ветра, а спускается человек с парашютом. Видела, на афише нарисован жёлтый зонтик? Это и есть парашют.

— А как же... каким образом он летит, этот воздушный шар? — спрашиваю я растерянно.

— А как летают игрушечные резиновые шарики? Помнишь, тебе как-то купили на ярмарке такой шарик, а ты его упустила, и он улетел вверх, в облака... Если бы ты привязала к шару бумажную куколку, он бы с куколкой полетел, и летел бы до тех пор, пока не выдохся. Ну, тогда он бы упал на землю вместе с куколкой.

— Так то куколка! — сомневаюсь я.

— А ведь Древницкий полетит не на маленьком, игрушечном шарике, а на огромном шаре, наполненном нагретым воздухом! Когда воздуха в шаре останется уже мало — он ведь будет вытекать через открытую горловину, — тогда Древницкий спустится на землю с парашютом.

— И как только он это может! — вздыхаю я.

— Может! — уверенно говорит папа. — Человек всё может! Человек такое может, чего нам с тобой, пуговка, и во сне не снится! Вот воздух завоевывает, и завоеует! Люди будут садиться в воздушный шар, как на извозчика!

Возвещённый афишами полёт Древницкого взбудоражил весь город. Кто может, покупает билет в

Ботанический сад, чтобы видеть самый взлёт воздушного шара с воздухоплавателем. Те, у кого нет денег на билет, взбираются на деревья, на крыши близлежащих домов, на колокольни.

В Ботаническом саду — на большом кругу, где летом ездят на велосипедах, а зимой устраивается каток, — разожжён гигантский костёр. Над костром тихо покачивается громадный матерчатый шар; он медленно наполняется нагретым воздухом, как спелая ягода наливается соком. С шара спускаются канатные лямки-стропы, и за эти лямки солдаты удерживают шар руками и ногами, чтобы он не улетел.

А рядом с костром, из которого шар набирает нагретый воздух, стоит сам воздухоплаватель Древницкий... Только взглянуть на него — и сразу видно: смелый, бесстрашный человек, герой! У Древницкого мужественное лицо, зоркие, внимательные глаза под низко надвинутым широким козырьком фуражки. Невозможно представить себе, чтобы Древницкий мог растеряться, заметаться, поблуднеть от страха, придти в отчаяние: «Ах, ах, что мне делать?» И, конечно, так воспринимаю Древницкого не только я одна, но и все дети в этой огромной толпе. Почти для всех нас Древницкий — первый живой герой, увиденный нами в жизни! Мы смотрим на него с восторгом; мы уже любим этого незнакомого человека; мы верим, что он совершит невозможное: он полетит! И все мы самозабвенно желаем ему удачи.

Но вот уже шар наполнился нагретым воздухом, стал упругим, как мяч великана. Древницкий с улыбкой снимает фуражку, раскланиваясь с толпой людей, не сводящих с него глаз, и легко прыгает в корзинку, привязанную к шару (она называется гондолой). Кто-то бросает Древницкому белую розу, он подхватывает её на лету и вдевает в петлицу. Затем он отдаёт солдатам команду: отпустить те канатные лямки-стропы, которые они удерживают руками и ногами. Солдаты отпускают стропы, шар вздрагивает, и, как созревшая ягода, отделяющаяся от стебелька, шар откатывается от костра и взмывает ввысь.

Люди теперь привыкли к тому, что летать по воздуху — самое обыкновенное, будничное дело: они садятся в самолёт если не «как на извозчика», по предсказанию моего папы, то как в большой междугородный автобус. И потому людям, живущим сегодня, уже трудно представить себе то чувство, с каким шестьдесят с лишним лет тому назад мы смотрели первые полёты на неуправляемых воздушных шарах. Ведь миллионы лет человечество жило, не отрываясь от земли! А тут вдруг отдельные смельчаки, герои, — может быть, безумцы! — опрокидывают все принятые понятия и летят, летят, как птицы, только без надёжных птичьих крыльев и хвостов, летят, рискуя жизнью. Я уверена, что все те немногие, теперь уже очень старые люди, которые это видели, как и я, навсегда запомнили чувство, возникшее у них в первую минуту, когда на их глазах шар отделился от земли и плыл в воздухе, — чувство чуда!

Шар с Древницким взвивается всё выше. Вся толпа единой грудью кричит: «Ур-р-ра!» Кричат не только зрители в Ботаническом саду — кричит весь город, люди на деревьях, на колокольнях, на крышах и даже просто идущие по улицам: ведь шар летит высоко, он виден во всём городе!

Но ещё не отгремели крики и аплодисменты, как становится ясно: случилось страшное несчастье! На одном из канатов-лямок, за которые солдаты удерживали шар на земле перед взлётом, висит человек!

Тотчас же по толпе бежит догадка: один из солдат не успел выпростать ноги и руки из канатной лямки, и его подняло вместе с шаром. На фоне светлого летнего неба шар поднимается всё выше и выше, унося двоих: один стоит в гондole шара, другой висит на канатной лямке.

Только что было шумно, радостно, люди кричали, аплодировали... Сейчас словно громадной крышкой накрыло весь круг, на котором стоит толпа, и всё замолкло. Люди стоят молчаливые, растерянные, словно оглушённые неожиданностью несчастья.

Что будет?

Затем сразу вспыхивают догадки, споры, предположения. Все разговаривают друг с другом, как знакомые. Каждый хочет услышать от другого что-нибудь ободряющее, утешительное.

— Папа... — шепчу я. — Древницкий не может вернуться с шаром обратно?

— Не может. Шар-то ведь неуправляемый...

— Ничего с Древницким не случится! — очень уверенно и громко говорит рядом с нами какой-то господин в элегантной шляпе-котелке, надетой чуть-чуть набекрень.

Немедленно вокруг него собираются люди.

— По-вашему, всё кончится благополучно?

— Для Древницкого? Конечно! Сейчас он спустится с парашютом, и всё будет отлично!

— Вы думаете, Древницкий спустится с парашютом?

— А как же иначе? — даже удивляется человек в котелке. — Ведь он не хуже нас с вами понимает, что не воспользоваться парашютом — это почти верная гибель. Нет, конечно, он спустится с парашютом!

— А солдат? — спрашивает папа, крепко сжимая мою руку, и я чувствую, как он взволнован.

— Ну, солдату, конечно, амины! — спокойно заявляет шляпа-котелок. — Древницкий спустится с парашютом, из шара вытечет последний воздух — и

солдат загремит на землю... С такой высоты, представляете?

— Правильно! — говорит ещё какой-то незнакомый человек в мягкой шляпе. — Правильно рассуждаете. Спасти солдата Древницкий всё равно не может, а себя спасти может, если спустится с парашютом. Он это и сделает... Своя, знаете, рубашка ближе к телу! Слыхали такую поговорку?

Тут папа говорит, ни к кому не обращаясь:

— Есть две отвратительные поговорки: «Моя хата с краю» и «Своя рубашка ближе к телу». Если бы все так думали, люди до сих пор жили бы в пещерах, одевались в звериные шкуры и грызли бы друг другу глотки...

— Правильно, доктор! — И кто-то пожимает папе руку.

— А в Древницкого я верю! — продолжает папа. — Он не бросит солдата... Да вон, смотрите! Шар ещё виден, маленький-маленький, как булавоочная головка, а парашют? Вы его видите? Нет, никто с парашютом не спускается!

Проходит ещё минута — другая. Булавочная головка совсем исчезает из виду... Древницкий с парашютом не спустился! Он солдата не покинул!

Однако толпа не расходится. Все ждут... А вдруг придут вести о Древницком и солдате?

Проходит несколько часов.

Ожидание тянется томительно. От времени до времени происходит ложная тревога, как на вокзалах, когда кто-нибудь кричит: «Поезд! Поезд!» — и все бросаются подхватывать свои узлы и чемоданы. Так и тут: где-то кто-то что-то выкрикивает, все устремляется туда, а оказывается, зря... О Древницком, о солдате, о шаре ни слуху, ни духу... Что бы с ними ни случилось, хорошее или плохое, спаслись они или разбились, узнать об этом пока невозможно: телефонов ещё не знают.

Вдруг крики:

— Подъехали! Привезли их!

И у всех тревожная мысль: как привезли? Живыми? Или нет?

Вздых облегчения проходит по толпе, когда оказывается, что они живы!

Древницкий и солдат идут не в сад, кто-то предусмотрительно проводит их черным ходом в садовый ресторан, иначе толпа зрителей бросилась бы к ним и смяла их, усталых, еле стоящих на ногах.

Появление Древницкого и солдата на веранде ресторана вызывает бурю восторга.

Сквозь толпу к папе проталкивается какой-то человек:

— Доктор, пожалуйста, посмотрите, что с Древницким.

Толпа расступается, пропуская папу к веранде ресторана. Папа крепко держит за руку меня, я иду с ним.

Древницкий говорит папе:

— Спасибо, доктор, у меня пустяки, царапины, ссадины... А вот спутник мой, солдат Путырчик, что-то нехорошо...

У Путырчика всё цело, ничего не сломано, не вывихнуто. Но он какой-то странный. Неподвижный взгляд, словно отсутствующий. Смотрит он тупо в одну точку. На вопросы отвечает не сразу, как будто не понимает того, что ему говорят. Даже на фамилию свою не откликается.

— Путырчик, друг! — тормошит его Древницкий. — На, выпей вина, чтоб душа у тебя оттаяла!

Путырчик выпивает поданное ему вино, утирает губы краем ладони, но не становится ни живее, ни веселее.

— А как я тебе кричал, когда мы летели? Помнишь?

Помолчав, Путырчик отвечает:

— Ваше благородие до меня кричали: «Держись крепчай! Не отпущай вярковку! Держись крепчай, а то пропадёшь...»

— И ты держался?

— А як же ж! Ваше благородие кричали: «Держись!» Ну, я и держався...

Тень улыбки проходит по неподвижному лицу Путырчика.

— Ваше благородие меня с могилы вынули...

Путырчика увозят.

— Плох он, доктор? — с тревогой спрашивает Древницкий.

— Не очень хорош... — подтверждает папа. — Может быть, через день — два и отойдёт. Но, пожалуй, потрясение было чрезмерно сильным!

Пока папа смазывает иодом и перевязывает Древницкого, у которого местами сорваны клочки кожи, Древницкий рассказывает, что с ними было в полё-

те. Когда он обнаружил, что на канатной петле висит человек, Древницкий испугался, как бы солдат не выпустил из рук каната: тогда бы он сразу упал на землю. Оттого он и кричал солдату всё время: «Держись крепко, а не то пропадёшь!»

— Даже голос сорвал от крика! — шутиливо жалуется Древницкий.

Постепенно, по мере вытекания воздуха из оболочки шара, он спускался всё ниже и ниже. Наконец пустая оболочка, похожая уже на выжатый лимон, стремительно стала падать на землю, как тряпка. Вот тут им повезло: оболочка шара упала на деревья пригородного леса и зацепилась за них. Только это их и спасло.

— Прямо говорю, — признаётся Древницкий, — я сегодня живым остаться не чаял!

— А почему вы не спустились с парашютом? — спрашивают его.

— Бросить солдата? — В голосе Древницкого звучит искреннее удивление. — Спуститься, бросив его, одного, на верную смерть? — И, помолчав, он добавляет: — Нет, я так поступить не мог.

Мы прощаемся. Древницкий задерживает мою руку.

— А ты боялась, когда мы были в воздухе?

Голос мой прерывается, когда я отвечаю:

— Боялась. Ужасно! — И, подумав, добавляю: — Но я знала, что всё будет хорошо... Потому что вы герой!

Древницкий смотрит на меня теми хорошими, добрыми глазами, какими взрослые смотрят на детей, когда дети им симпатичны.

— Ну, что же мне подарить тебе за доброе слово? — осматривается он по сторонам, и я с ужасом думаю: а вдруг он подарит мне, как маленькому дитёнку, плитку шоколада?

Но нет, Древницкий понимает мой восторг. Он, наверное, сам, когда был мальчиком, мечтал о героизме! Он вынимает из петлички ту белую розу, которую ему бросили перед полётом, и очень серьёзно, без улыбки, подаёт мне её. Роза совсем завяла, я несу её в обеих ладонях: боюсь, что она осыплется и я не донесу её до дому!

— Папа, — спрашиваю я, — почему ты повёл меня с собой, когда тебя позвали к Древницкому?

— Я хотел, чтобы ты увидела его близко. И запомнила его! Это надо помнить...

Папины опасения относительно солдата, невольного спутника Древницкого, оправдались. На следующий день по всему городу был расклеен приказ военного командования о том, что рядовой такого-то полка Путырчик за проявленные им смелость и присутствие духа награждается двадцатью рублями. Бедняга Путырчик уже не воспользовался этой наградой: он от всего пережитого в невольном полёте сошёл с ума.

Несколько дней спустя афиши возвещают новый полёт Древницкого. Первый полёт, где он показал себя таким великодушным, благородным человеком, он считает своей воздухоплавательской неудачей и во что бы то ни стало хочет загладить её...

Ох, этот второй полёт приносит ему новый тяжчайший удар!

Перед самым взлётом из-за чьей-то неосторожности шар воспламеняется от костра и сгорает буквально в несколько минут дотла на глазах у всех зрителей и самого Древницкого. Вот когда оказывается, что и Древницкий может погледнеть... Он смотрит на гибель своего шара, и кровь явственно отливает от его лица.

Стоимость такого шара, наверное, очень велика, а ведь доходы от полётов ничтожны: девять деся-

тых населения смотрит их бесплатно, они видны отовсюду. Плата за вход на самую взлётную площадку, вероятно, едва покрывает расходы воздухоплателя по найму этой площадки, по наполнению шара, охране его и т. д.

«Шар сгорел. Толпа стоит неподвижная, молчаливая. Сам Древницкий словно окаменел. Какой-то военный снимает с головы фуражку, кладёт в неё деньги:

— Древницкому на новый шар!

И фуражка идёт по рукам, от одного к другому. Видно, как она плывёт по толпе, словно челнок. Люди дают охотно, горячо. Иные поднимают издалеки руки с ассигнациями:

— У меня возьмите!

— И у меня!

Скромно одетые женщины, заплакав, кладут в фуражку вынутые из ушей недорогие серьги, снимают с пальцев колечки с бирюзой... Фуражка несколько раз возвращается наполненная и снова пустая идёт в плавание.

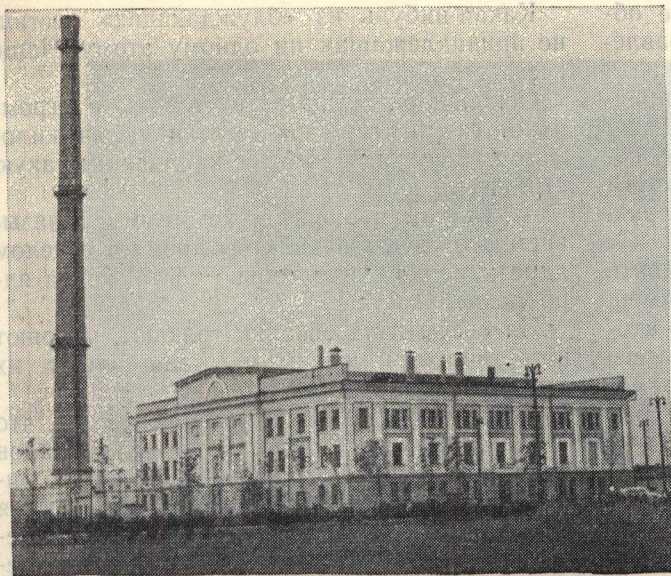
Проходит ещё некоторое время, и Древницкий совершает у нас полёт уже на новом шаре. Трудно передать волнение зрителей перед полётом и их восторг, когда полёт проходит, как говорится, без сучка, без задоринки! Тут уж мы видим то, чего ещё не видели, — как, поднявшись на большую высоту, Древницкий с парашютом отделяется от шара и спускается на землю. Зрители снова ждут, долго ждут, пока Древницкого, приземлившегося где-то далеко, привозят обратно в Ботанический сад, но это уже не то ожидание, как тогда, когда он исчез из виду вместе с солдатом и несколько часов о нём не было никаких вестей. Теперь мы ждём его хотя и с нетерпением, но без ужаса перед его возможной гибелью.

Толпа людей на руках несёт Древницкого по аллеям Ботанического сада к веранде ресторана. Древницкого буквально засыпают розами. Увидев своими зоркими глазами в толпе папу и меня, Древницкий, перегнувшись, жмёт нам руки.

— Здравствуйте, доктор! А это тебе, дочка... — И он протягивает мне охапку роз. — Живы будем, ещё увидимся! — кричит он нам, махая фуражкой.

Но больше я его никогда не видела. Имя его нередко встречалось в газетах. Часто в них рассказывалось о случаях, когда смелый воздухоплатель уцелел и спасся лишь чудом. Как-то в Риге парашют, с которым он спускался, отнесло ветром в море, Древницкий не погиб лишь благодаря надетому перед полётом пробковому поясу. Это дало ему возможность продержаться на воде до тех пор, пока подоспела спасательная лодка. В другой раз, в Петербурге, прыгнув с парашютом, Древницкий едва не погиб, опустившись на трамвайные электрические провода.

Фамилии Древницкого, к сожалению, нет ни в одной из энциклопедий, предназначенных для широкого читателя. Обойдён и забыт этот бесстрашный, героический пионер русского воздухоплавания. Это непонятная несправедливость: Древницкий заслуживает памяти потомков. Воздухоплавание и парашютизм были для Древницкого не ремеслом, не способом добывания денег — они были для него служением великой цели завоевания воздуха, творчеством и бескорыстным счастьем. Поэтому мне радостно, что я, одна из немногих оставшихся в живых очевидцев смелых его полётов, могу рассказать здесь о нём читателям. Пусть они о нём узнают, пусть запомнят, потому что правду сказал мой папа: «Это надо помнить!»

Атомная электростанция Академии наук СССР.

АТОМНАЯ СТАНЦИЯ

Г. Остроумов

Фото Н. Хорунжего.

Через поля и леса, реки и болота шагают ажурные стальные мачты, электрических передач. Они несут провода, по которым бежит электрический ток к городам и сёлам, заводам и стройкам.

У начала электрической передачи мы всегда увидим реку, перегороженную плотиной гидростанции, или огромное здание с множеством труб — теплоэлектроцентраль, ТЭЦ, как называют её коротко.

Мы сказали «всегда», но это не точно. В нашей стране есть одна такая линия передачи, которая начинается у обычного трёхэтажного здания, ничем не напоминающего промышленное сооружение. Около него нет реки, из раскрытых окон его не слышно шума машин.

И всё же здесь вырабатывается энергия, которая на заводах приводит в движение станки, освещает по вечерам дома колхозников, вращает колёса трамваев и троллейбусов. Здесь, в этом трёхэтажном доме, разместилась электростанция, но не обычная, а атомная.

Откроем красивую дубовую дверь, около которой прибита вывеска «Атомная элек-

трическая станция Академии наук СССР». Мы окажемся в вестибюле, таком же, как в обычной школе. Широкая, удобная лестница ведёт на второй этаж. Здесь кабинет начальника станции, комнаты инженеров.

Светлые стены, блестящий паркет, большие окна, чистота — всё это радует глаз. Но во всём этом нет ничего таинственного и удивительного, что мы привыкли представлять, когда слышим слова «атомная энергия».

Необычное начинается только тогда, когда мы подходим к неожиданно узкой металлической двери в конце коридора. Она ведёт в очень тесный проход, изломанный двумя коленами, как солдатский окоп. Проход оканчивается такой же узкой дверью. Открываем её и оказываемся на балконе, прилепившемся к стене огромного светлого зала, который после тесноты прохода кажется особенно просторным. Это главный зал станции.

Здесь нет окон, их заменяет ряд больших круглых, утопленных в стены иллюминаторов, за которыми горят мощные лампы.

Зал почти пуст. Высоко, под самым потолком, замерла стрела подъёмного крана. Справа вдоль стены висят длинные, сверкающие полированной сталью стержни. Неподальку от них в полу виднеются небольшие люки. Посреди зала, прямо напротив балкона, на котором мы с вами стоим, в пол врезан огромный диск, сложенный из чугунных плит. Вот и всё, что мы видим с высоты.

Спустившись по лёгкой, похожей на корабельный трап лестнице, мы обнаружим ещё стол с телефоном для дежурного инженера.

Здесь, в главном зале станции, под чугунными плитами находится её «сердце» — атомный реактор. В нём рождается энергия.

Как же это происходит?

Энергия атома

Когда пытаются представить, как устроен атом, нередко говорят, что он похож на солнечную систему: в центре атома — на месте Солнца — атомное ядро, а вокруг него, подобно планетам, вращаются частички-электроны. Такое сходство действительно есть. Но есть и отличия. Например, электроны совсем не похожи на твёрдые шары вроде

планет. Они скорее напоминают лёгкие облачка, вращающиеся по разным направлениям вокруг ядра. Не похоже на Солнце и атомное ядро. Правильнее было бы представить его похожим на гроздь более мелких частиц: ядро сложно устроено. Оно состоит из протонов и нейтронов. Протоны несут положительный электрический заряд, а нейтроны — частицы без заряда.

Атомы так малы, что трудно представить себе их размеры. Если бы мы, например, положили в один ряд сто миллионов атомов водорода, то его длина была бы всего один сантиметр. И совсем ничтожны размеры ядра атома. Оно в десять тысяч раз меньше, чем сам атом!

Протоны и нейтроны в ядре притягиваются друг к другу. И чем меньше их в ядре, другими словами, чем легче атом, тем с большей силой сцеплены между собой эти частицы. Если бы, например, волокна простого листка бумаги были бы соединены друг с другом так же крепко, как частицы в ядре лёгкого атома, то, чтобы разорвать этот листок, нужно было бы растягивать его несколькими сотнями паровозов!

У больших, тяжёлых ядер, которые состоят из 200—240 протонов и нейтронов, сцепление между частицами слабее.

Почему?

Прежде, чем ответить на этот вопрос, давайте сделаем очень простой опыт: выплеснем немного воды на сукно. Ясно, что получится лужица, окружённая капельками. Вот они-то нас и интересуют. Приглядитесь внимательнее к самым маленьким каплям. Это правильные по форме и очень прочные шарики. Подуйте слегка на маленький блестящий шарик, и он покатится по ворсинкам материи.

Капельки побольше сплюснуты и вытянуты. И прочность у них не та. Если потревожить такую каплю, она либо разделится на две — три меньших, либо растечётся по сукну.

Примерно так же, как капли, ведут себя и ядра атомов. У лёгких атомов ядра — шарики. У тяжёлых ядра вытянуты, напоминают дыню. У них прочность меньше. Они как бы «перегружены» протонами и нейтронами. Стоит потревожить такое тяжёлое ядро, и оно распадётся, развалится на две части, словно гнилая корзинка, переполненная яблоками. Части разделившегося ядра, как их называют, осколки, становятся ядрами двух новых, более лёгких атомов.

Но что же может потревожить атомное ядро?

Какая-нибудь из «блуждающих» частиц, не принадлежащая ни одному атому. Чаше всего это нейтрон.

Осколки разлетаются в стороны с огромными скоростями — в десятки тысяч километров в секунду. Что же придаёт им такую стремительность?

— Та самая энергия, которую мы называем атомной. Она как бы дремлет в целом ядре и проявляется только тогда, когда ядро разваливается.

На своём пути осколки толкают, ударяют встретившиеся им атомы, заставляют их двигаться быстрее.

Словом, происходит примерно то же, что и на бильярдном столе, когда в кучу шаров врежется с силой пущенный шар. А из физики известно, что чем быстрее двигаются атомы какого-нибудь тела, тем выше температура этого тела, тем сильнее оно нагревается.

Так распадаться могут ядра атомов урана и тория. Эти элементы есть в земной коре, их добывают, тщательно очищают от примесей и используют для получения атомной энергии.

А откуда же берутся блуждающие нейтроны?

Оказывается, в тот момент, когда распадается тяжёлое ядро, вместе с осколками оно выбрасывает и два — три нейтрона. Нейтроны и служат теми снарядами, кото-

Чтобы строить атомные реакторы, находить новые и новые способы применения атомной энергии в промышленности, сельском хозяйстве, медицине, учёные стремятся глубже проникнуть в тайны строения атомного ядра. Но как заглянуть внутрь этого бесконечно маленького тела, каким инструментом проникнуть в его сердцевину, вскрыть ядро?

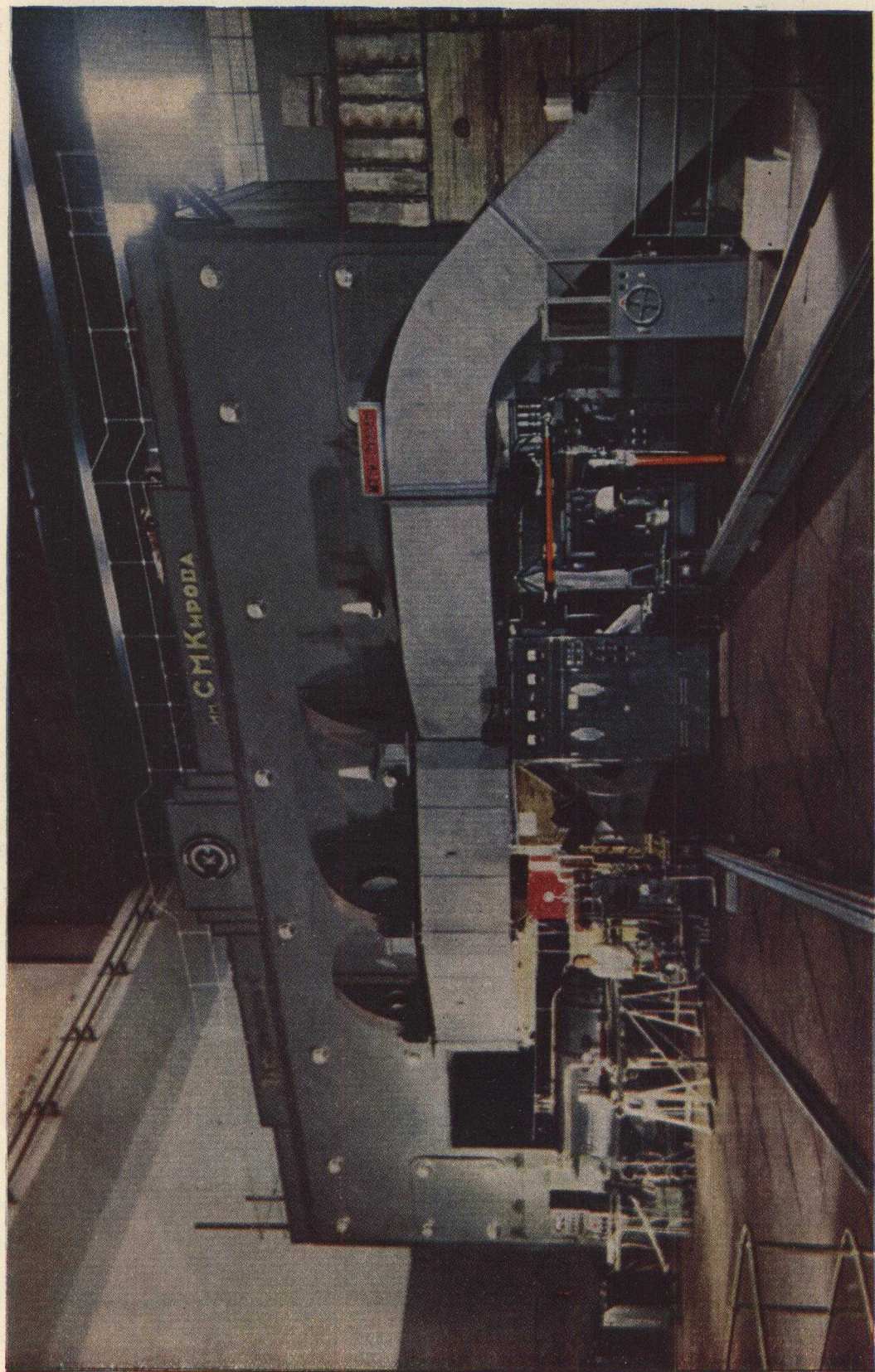
Этим инструментом служат электроны, протоны и другие мельчайшие заряженные частицы, которым придана головокружительная скорость — 200—250 тысяч километров в секунду. Подобно крохотным снарядам бомбардируют они атомные ядра и проникают внутрь их, расщепляют, раскалывают эти прочнейшие постройки из нейтронов и протонов. Чтобы разогнать частицы до таких огромных скоростей, учёные строят специальные машины — ускорители. На цветной фотографии показана одна из таких машин. Называется она синхротроном.

Мы привыкли к тому, что чем меньше снаряд, тем меньше и пушка. Здесь не так. Очень маленькими, невидимыми «снарядами» стреляет синхротрон по атомным ядрам. Но сам он больше любой самой мощной пушки. Высота у него — четыре этажа, а вес — много тысяч тонн.

ЗАГРУЗКА РЕАКТОРА НА АТОМНОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР.

Фото Н. Хорунжего.

СИНХРОЦИКЛОТРОН — УСТАНОВКА ДЛЯ УСКОРЕНИЯ ЗАРЯЖЕННЫХ ЧАСТИЦ.

Фото Н. Хорунжего.

рые попадают в ядра соседних атомов урана и заставляют их распадаться. Деление одного ядра влечёт за собой деление одного — двух соседних ядер. А они, в свою очередь, порождают ещё нейтроны. И те делят новые и новые ядра. Так, один камешек, падая с горы, увлекает за собой вниз целую лавину.

Но если не остановить эту лавину, то в очень короткое время выделится огромное количество энергии. Произойдёт взрыв. Так и действует, например, атомная бомба.

А когда надо получать энергию долгое время и понемногу, человек вмешивается в ход деления атомов. Как?

Для этого надо помешать всем нейтронам попадать в ядра. Появились, допустим, после деления одного ядра три нейтрона. Надо «разрешить» одному из них попасть в соседнее ядро, а двум другим «запретить» это сделать. И после, когда по нашему «разрешению» разделится следующее соседнее ядро, поступить таким же образом. Тогда у нас всё время будет делиться по одному атому и взрывной лавины не получится.

Конечно, в этом случае мы получим очень мало энергии. В действительности в реакторах «разрешают» делиться не одному, а многим тысячам и миллионам атомов, но строго следят за тем, чтобы их число не росло.

Но как управлять такими ничтожно маленькими частицами, как нейтроны? Их ведь и в лучший микроскоп не увидишь! Да к тому же в работающем реакторе их поистине несметное количество. Если бы, например, из нейтронного «роя» удалось зачерпнуть напёрстком, то в нём оказалось бы столько же нейтронов, сколько людей на всём земном шаре, — два с половиной миллиарда!

Однако учёные нашли способ управлять нейтронами. Есть такие вещества, которые особенно жадно «впитывают» в себя эти частицы, словно сухая губка воду. Одно из таких веществ — карбид бора. Из него делают стержни. Их помещают в реактор, и они как бы «осушают» поток нейтронов. Строгий расчёт помогает оставлять «на свободе» ровно столько нейтронов, сколько нужно для деления положенного числа атомных ядер, для получения нужного количества атомной энергии.

То, о чём мы сейчас рассказали, и происходит в атомном реакторе. Теперь посмотрим, как он устроен.

Сердце станции

Большой диск, сложенный из чугунных плит, — это верхняя крышка реактора. Если бы мы её приподняли, то увидели бы концы множества труб, уходящих вниз сквозь ещё одну крышку. Эта вторая крышка ещё толще, чем первая, и тоже сделана из чугуна.

Зачем же реактору две такие тяжёлые, массивные крышки?

А вот зачем: уран и атомы, получившиеся при его делении, излучают мощные потоки гамма-лучей и нейтронов, опасных для человека, вызывающих «лучевую» болезнь.

Поэтому и с боков реактор окружён толстой бетонной стеной, а кроме того, слоем воды. Это всё для того, чтобы ни один опасный лучик не вырвался бы из реактора наружу, не смог бы повредить людям, находящимся в главном зале станции.

Что же находится под чугунными крышками, за бетонными стенами?

Реактор заполнен кирпичами из графита — того самого вещества, из которого делают грифели карандашей, только тщательнейшим образом очищенного от всяких примесей.

В графитовой кладке сверху вниз проделаны отверстия, а в них опущены те самые длинные блестящие трубы, что висят в зале. Внутри них находится уран — «топливо» этой атомной «печки». В этих же трубах помещены другие — тоненькие — трубки, по которым протекает вода. Когда реактор работает и уран разогревается, вода отбирает у него тепло. Уходя из реактора, она уносит тепло с собой. Куда она его несёт, мы узнаем позже.

В графитовой кладке, кроме труб с ураном, мы увидим ещё какие-то длинные стержни, подвешенные сверху на тросиках. Эти стержни сделаны из карбида бора, который «ловит» нейтроны и мешает им «работать», то есть делить атомы урана. Когда стержни спущены в середину реактора, выработка атомной энергии в нём прекращается.

Ну, а как узнать, уменьшается или увеличивается деление атомов, надо ли поднять или опустить стержни? В реактор заглянуть нельзя, да если бы и можно было, глазом всё равно ничего не определишь: огня ведь никакого в реакторе нет!

За работой реактора следят особые приборы. Они определяют, как идёт деление атомов урана, и автоматически, без участия

человека, управляют передвижением стержней.

Вот как устроен реактор.

Нам остаётся только узнать, как в него подбрасывают «топливо». «Горит» оно, правда, очень медленно. Всего тридцать граммов урана расходуется на станции за сутки. Но всё же время от времени приходится то одну, то другую трубу с ураном вытаскивать из реактора и заменять другой.

Тогда приходится открывать крышку реактора. Рабочий зацепляет крюком подъёмного крана конец трубы и... уходит. В главном зале не остаётся никого, потому что труба, вынутая из реактора, излучает во все стороны потоки опасных лучей.

Представьте, что нам эти лучи не опасны и мы с вами можем остаться в зале, когда

все покинут его. Тогда мы увидим с вами удивительные вещи.

Вот кран потянул трубу вверх и медленно, осторожно вынул её из реактора. Труба повисла в воздухе. Потом кран медленно сошёл с места и понёс трубу к люкам в полу. Вот он остановился, труба оказалась как раз над открытым люком, и кран медленно опустил её в люк.

Опасности больше нет: труба покоем теперь в бассейне с водой, под полом.

Как же кран сам, без людей, управился с этой работой? Посмотрите внимательно на стены, и вы увидите три иллюминатора, которые, словно глаза великана, смотрят в зал. Это окошки камеры, в которую ушёл рабочий. Из неё он, защищённый от опасных излучений толстой чугунной стеной, управляет краном, передвигая рычажки и нажимая на кнопки.

На место старой трубы надо поставить новую. Рабочий подцепляет краном одну из висящих вдоль стены труб, и она плывёт по воздуху к пустующему отверстию в крышке реактора. Это дело не опасное: новая труба не излучает вредных для человека лучей.

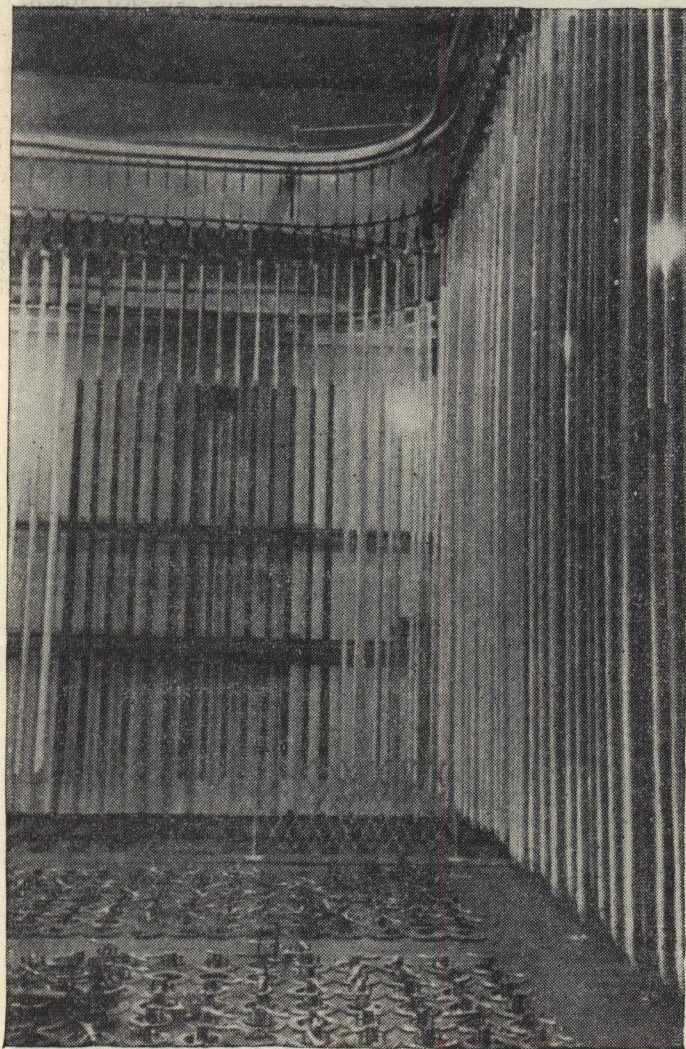
И так каждый раз, когда надо подбросить «топлива» в реактор, отработавшую трубу опускают в бассейн с водой, а новую берут с подвески, расположенной в зале. Это ведь и есть топливный склад атомной электростанции.

Удивительный это склад. В нём всего несколько десятков труб с ураном, а хватает этого запаса на полгода! Представьте себе, какой огромный склад понадобился бы для хранения полугодового запаса топлива обычной электростанции — двадцать тысяч тонн!

Вот какая большая сила заключена в блестящих трубах!

Вода, пар, электричество

Отправимся теперь вслед за водой, унесшей из реактора тепло. Из главного зала мы спустимся вниз — в подземную часть станции. Здесь по стенам тянется множество труб, толстых и тонких.

Вдоль стен зала расположены металлические трубы с ураном.

Трубы окрашены в разные цвета. Самые широкие — в красный. По ним как раз и течёт вода, побывавшая в реакторе. Эти трубы сделали самыми приметными потому, что вода, текущая по ним, излучает гамма-лучи, хотя излучений этих немного, и недолгое время около труб можно находиться, не боясь заболеть «лучевой» болезнью.

В одном из помещений мы оказываемся перед рядом дверей — низких, почти квадратных. С трудом открываем одну из них — и понятно, почему: дверь очень толстая и сделана из чугуна!

Входим в маленькую, тесную камеру. Здесь в полном одиночестве стоит большой насос. К нему сверху подходит уже знакомая нам толстая красная труба. Этот насос приводит в движение воду, протекающую через реактор.

В соседнем помещении мы видим ещё ряд таких же маленьких и тяжёлых дверей. Они ведут в камеры, где стоят огромные баки. Снизу и сверху к ним подходят красные трубы. И сами баки красные. В камерах жарко.

Что здесь происходит?

В каждый из таких баков приходит вода из реактора. Она очень сильно нагрета — до 260 градусов — и не кипит только потому, что сжата до 100 атмосфер.

В эти же баки притекает и другая, более холодная вода. Но холодная и горячая вода не смешивается, потому что горячая вода протекает по тонким трубкам. От соседства с горячей водой холодная закипает: она тоже находится под давлением, но значительно меньшим — 12,5 атмосферы. Образуется пар. Он и идёт в турбину.

Зачем же понадобилось кипятить одной водой другую? Не проще ли было бы сразу кипятить воду в реакторе и получившийся пар направить в турбину?

Действительно, так можно сделать. Но есть помеха. Мы уже знаем, что вода, побывавшая в реакторе, испускает гамма-лучи. Пар, ушедший из реактора, тоже излучал бы эти лучи, и людям опасно было бы находиться около турбины: ведь тогда от неё во все стороны распространялось бы опасное излучение. Вот потому и заставили горячую воду обмениваться теплом с другой водой, не излучающей гамма-лучи.

Дальше всё происходит точно так же, как на обычной электростанции: пар вращает турбину, она, в свою очередь, приводит в действие генератор электрического тока.

Так атомная энергия, родившаяся при делении ядер урана, претерпев различные пре-

За разгрузкой реактора наблюдают через защитные стёкла в толстой чугунной стене.

вращения, становится электрической. Провода, подвешенные к мачтам, уносят её к городам и колхозам.

Мозг станции

В подземной части станции мы почти нигде не встретили людей. Все механизмы и аппараты станции работают без помощи человека, автоматически. И все они действуют слаженно, как хороший оркестр.

А где же дирижёр этого оркестра?

Поднимаемся по лестнице вверх. Здесь в одной из больших комнат расположился центральный пульт управления атомной электростанции — её мозг.

В комнате светло и тихо. Два инженера склонились над большим столом с приборами, рычажками. Прямо перед ними полукругом выстроились щиты. На них тоже приборы. У одних указательные стрелки, у других перья, рисующие график, третьи подают сигналы вспышками лампочек. На центральном щите так называемая мнемониче-

ская схема станции. Это как бы живой её чертёж.

Что бы ни произошло на станции, дежурные инженеры тотчас об этом узнают, только бросив взгляд на эту схему.

Когда всё в порядке, схема как бы мёртва. Но вот один из механизмов заикается. Он ещё не остановился и работает правильно, но чувствительный автомат, следящий за ним, уже заметил, что может наступить заминка. Об этом он и сигнализирует инженерам: на схеме, в том месте, где изображён этот механизм, вспыхивает жёлтая лампа. Может загореться и красная. Но и она не будет означать поломки. Автомат-сторож не даст механизму сломаться. Он его выключит, остановит, как только заметит малейшие неполадки в механизме.

Есть здесь и другие автоматы, которые начинают действовать, когда человек прикажет им это.

Предположим, надо инженеру узнать, в каких трубах, идущих из реактора, вода нагрета до 255 градусов. Он даёт приказ — и на круглом щите, изображающем разрез реактора, вспыхивают номера труб, в которых вода имеет эту температуру. А захочет узнать, где вода на два градуса горячее, —

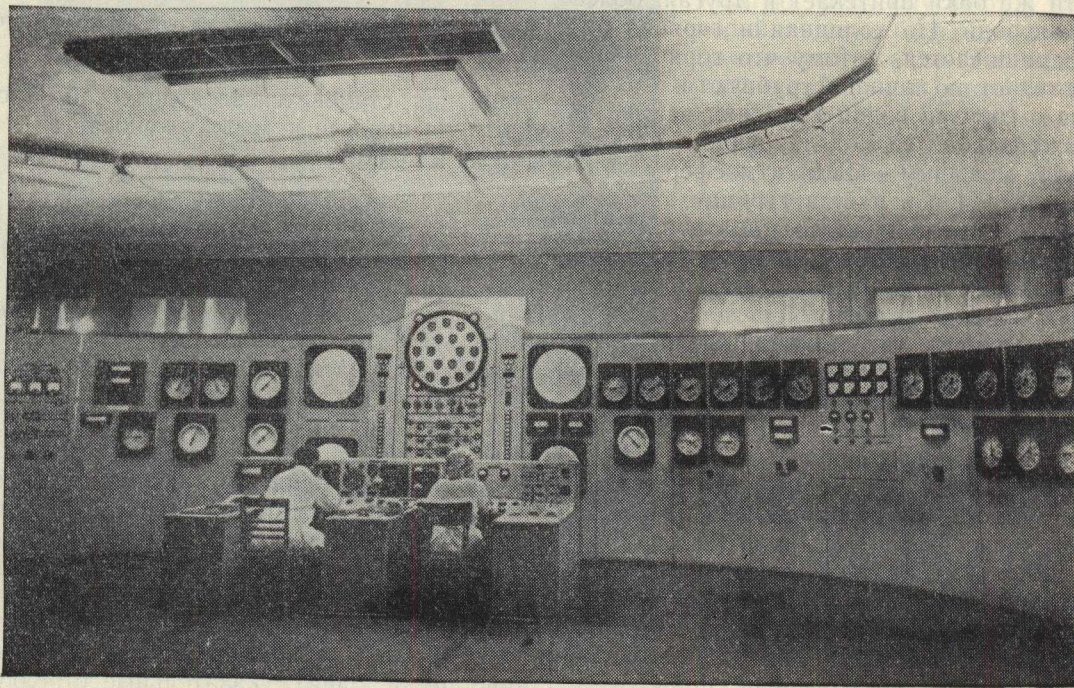
эти номера погаснут, а вспыхнут другие. Самые подробные сведения могут получить инженеры обо всём, что делается на станции.

Перед одним из операторов пульта главный рычаг — задатчик мощности реактора. Передвинул оператор его вперёд или назад — и реактор стал давать больше или меньше тепла.

Одно движение руки — больше ничего не требуется для этого от оператора. Остальное сделают послушные автоматы. Смотря по надобности, они ускорят работу одних механизмов, замедлят действие других, — словом, сделают всё, чтобы реактор работал так, как хочет этого человек.

* * *

Наша экскурсия по атомной электростанции окончена. Мы выходим на улицу, думая о чудесной силе реактора, об удивительной автоматике, управляющей движением и невидимых нейтронов и огромных насосов, а главное — об учёных, людях, которые сумели покорить могучую энергию атомного ядра и заставили её работать для блага советских людей.

Центральный пульт атомной электростанции.

Экзамен Ани Супрун

Игорь Голосовский

ПРИЗВАНИЕ

Однажды в классе вдруг погас свет. Послали за монтером, но тот куда-то ушёл.

— Расходитесь по домам, — разрешила учительница.

Тут с последней парты встала маленькая, с белыми косичками Аня Супрун и тоненьким голосом сказала:

— Можно, я починю?

Мальчишки засмеялись, кто-то крикнул:

— Она к лампочке побоится притронуться!

Но учительница сказала:

— Если умеешь, почини!

Аня отыскала в коридоре щит, взобралась на стремянку и накрутила на перегоревшую пробку проволочку, которую перед этим выпросила у уборщицы. Потом спустилась вниз и деловито сказала мальчишкам:

— Ну вот. Только надо будет после поставить новый предохранитель, а то проволокой чинить запрещается.

...По физике и химии у Ани всегда были отличные отметки. Дома она всем соседям чинила утюги и электрические плитки. Её маленькие, но крепкие руки были исцарапаны, покрыты ссадинами, как у мальчишки.

— Что из тебя только выйдет? — пожимала плечами Тамара, старшая сестра.

Аня отвечала:

— Не знаю!

На самом деле она уже решила, кем быть.

...На берегу моря раскинулся завод «Азовсталь». Это был огромный металлургический комбинат, известный всей стране. На много километров тянулись вдоль побережья каменные корпуса цехов, отражаясь в зелёной морской воде. Точно частокол, вздымались к небу чёрные дымящие трубы.

С детства анина жизнь была тесно связана с заводом. Пятиэтажный дом, где она жила у старшей сестры, был заселён работниками «Азовстали». Вечерами муж Тамары Григорий рассказывал о плавках металла, о строительстве новых цехов, о своих друзьях-металлургах. Слушая эти рассказы, Аня всегда восхищалась тяжёлой и мужественной профессией сталевара. Ей хотелось быть такой же, как эти смелые люди — повелители грозной огненной стихии... Нескольким раз Аня ходила с экскурсией

школьников на завод. Она смотрела издали на пылающие «окна» мартеновских печей, на суровых людей с закопченными лицами, мечтая, что когда-нибудь и сама встанет возле пышущего жаром ковша с кипящей сталью.

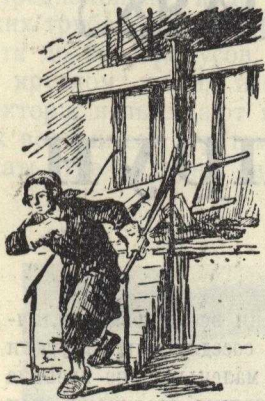
Окончив восемь классов, она решила поступить на «Азовсталь». Аня знала, что её ждёт тяжёлый труд, но это её не пугало. Жизнь без всяких препятствий казалась ей неинтересной.

Тамара сказала:

— Отговаривать тебя я не буду, но профессию ты выбрала не по силам. Управляться с расплавленным металлом и мужчина не всякий сможет... Впрочем, зачем я это говорю? Тебя всё равно не примут в мартеновский цех. Туда только мужчин берут.

— Ничего, я возьмусь за любую работу, лишь бы попасть на завод. И увидишь, будет по-моему.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Начальник отдела кадров, толстый пожилой мужчина в очках, прочитав её заявление, написанное аккуратным полудетским почерком, сказал:

— Кто вас надоумил проситься в сталевары? Вы, наверно, даже не представляете, что это за профессия!

— Вот уж нет! — быстро ответила Аня. — Очень даже представляю!

— Вы, верно, воображаете всякую романтику: море кипящего металла, пламя, клубы дыма и себя в роли поборителя стихии! — перебил начальник отдела кадров и снял очки, словно они мешали ему говорить. — А это прежде всего тяжёлый, временами даже изнурительный труд, выдержка, огромное терпение, смелость... Вы сами должны согласиться: это не для девушки. Пойщите другую работу.

— Но вы обязательно меня примите! — убеждённо сказала Аня, густо покраснев от волнения и обиды. — Я с любой работой справлюсь. Понимаете, абсолютно с любой! Если не сразу, так позже. И я не уйду отсюда так...

— Ну... Если уж у вас это так серьёзно... Прямо не знаю, что с вами делать... Вот что! Пошлю-ка я вас для начала в ремонтно-монтажный цех. Будете подручной каменщика. Предупреждаю, работа тяжёлая, ремонт мартеновских печей, но труд сталевара ещё тяжелее...

— Очень хорошо! — ответила Аня. — Профессия каменщика мне тоже нравится!

Аня Супрун.

...Бригадир Ивану Сергеевичу Гриценко было лет двадцать семь. Он понравился Ане — высокий, тонкий, как лозинка, с добрыми, слегка насмешливыми глазами. Выйдя из конторы, он изумлённо оглядел Аню и сказал:

— Эта девушка, кажется, на танцы собралась, а не на работу!

К ним подошёл коренастый чумазый светловолосый парень.

— Эге! — ехидно заметил он. — Разодета, фу ты, ну ты! Ты что, думаешь, здесь театр?

Аня смутилась так, что на её глазах выступили слёзы. Разве объяснишь им, что сегодняшний день самый праздничный в её жизни! Нынче она впервые пошла на завод, об этом она так давно мечтала... Вот и надела своё лучшее, любимое платье!

...Мартеновский цех был узкий, как коридор, и такой длинный, что не видно было конца. Только где-то далеко-далеко слабо светились крохотные квадратные ворота... Вдоль задней стены стояли в ряд мартеновские печи, от которых по цеху волнами расходился нестерпимый зной. Несмотря на вентиляторы, распахнутые окна, здесь было так жарко, что люди работали в лёгких рубашках, промокших от пота.

В цехе была проложена железная дорога, и стоящий паровоз тащил куда-то состав исполинских железных ковшей на колёсах. Аня увидела, как к одной из печей медленно подкатилась по рельсам странная машина, из неё выползла длинная толстая труба и двинулась в жерло печи; тотчас же из «окна» вырвалось и заплесало в воздухе ослепительное белое пламя, а к потолку взлетел гу-

стой сноп искр. Вспомнив рассказы Григория, Аня сообразила, что это и есть завалочная машина, которая загружает печь шихтой, то есть рудой, металлоломом и известковым камнем. Потом в мартен добавляется жидкий чугун, всё это плавится вместе, и получается сталь... А вон и сами сталевары. Они деловито расхаживают возле печей в своих защитных брезентовых костюмах и чёрных очках, бесстрашно приближаются к самым «окнам», где такой паливший зной, что мгновенно испаряется вода...

Аня так увлеклась наблюдением, что Грищенко пришлось дважды повторить, пока она услышала.

— Так ты сегодня присмотришь, походи здесь, а завтра наденешь комбинезон, тогда и к работе приступишь.

— Правильно, пусть погуляет! — снисходительно согласился светловолосый парень.

Аня сердито посмотрела на него. Она терпеть не могла, когда над нею смеялись.

— Я сюда не гулять пришла! — сухо ответила она. — Покажите мне моё рабочее место. И объясните, что я должна делать.

Грищенко ободряюще улыбнулся.

— Ну и правильно! Ты, Лямцев, не придирайся к девушке, она же тут в первый раз! Обязанности твои самые простые. Вон, видишь, каменщики ремонтируют мартен. Ты должна подавать им кирпич, раствор и другие строительные материалы. Кирпич будешь брать со штабеля и класть на транспортёр. Идём, я дам тебе рукавицы.

...Аня впервые в жизни видела такие длинные толстые кирпичи серого цвета. Бригадир объяснил, что они сделаны из специального огнеупорного состава, так как в печи очень высокая температура и обычные кирпичи в ней моментально бы расплавились. Аня положила на транспортёр два кирпича и со страхом подумала: «Ой, какие тяжёлые! Неужели не справлюсь?» Поработав с полчаса, она опустила занывшие руки и украдкой взглянула на соседа, смуглого парнишку в шароварах и майке. Он тоже складывал кирпичи на транспортёр, только делал это быстро и, казалось, без всякого труда. Аня попыталась ему подражать, она подложила под ноги доску, чтобы быть повыше, ей стало немного легче, но всё равно к обеду она так устала, что даже не пошла в столовую.

К вечеру, однако, Аня немного разошлась. Приободрившись, она решилась заговорить с соседом, но тут лента транспортёра вдруг пошла рывками и остановилась. Через минуту сверху, оттуда, где работали каменщики, послышался возглас:

— Уснули вы, что ли? Давайте материал!

— Тока нет! — с досадой сказал сосед. — Придётся носить вручную. Ничего, здесь близко. Только лапти надень, а то ноги обожжёшь.

— Какие лапти? — изумилась Аня.

— Ну, верёвочные такие башмаки. Возьми в кон-

торе. Кирпичи мы будем прямо в печь доставлять, а там температура знаешь какая!

Аня надела неуклюжие верёвочные лапти, рукавицы.

Подниматься с носилками по узкой железной лестнице было очень неловко. Аня схватилась за перила, но они оказались горячими, и она отдернула руку. Каменщики, одетые в брезентовые костюмы, закладывали кирпичами стенку газопровода, через который в печь подаётся воздух. От стенки отдавало жаром, железная арматура под ногами у каменщиков была раскалена так, что брошенный на неё лист бумаги тут же обугливался... Ане с напарником оставалось пройти ещё метров пять, но ей вдруг стало так жарко, что она испугалась: «Ой! Сейчас упаду прямо на арматуру!»

От страха она выронила носилки и, не оглядываясь, сбегала вниз по лестнице. Возле конторы она пришла в себя. Ей стало стыдно, что она так поступила, но уже было поздно. К ней подошёл Грищенко, нахмуренный, сердитый.

— Разве можно бросать носилки? Твой товарищ из-за тебя ушиб руку! Ты...

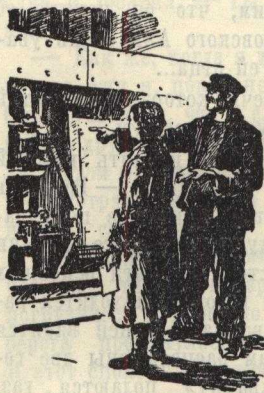
Взглянув на Аню, он осёкся. Потом мягко сказал:

— Тяжело? Конечно, работа не женская... Только ты ж сама сюда попросилась. Завтра, наверно, уже больше не придёшь?

Аня не успела ответить. Раздался гудок, возвестивший конец смены.

Возвращалась домой Аня в заводском автобусе. Неподальку сидели трое молодых рабочих, которые всю дорогу громко смеялись, перебрасываясь шутками. Аня с грустью смотрела на них, думая: «Вот все работают, и ничего... А я не могу... Видно, и правда, эта профессия не для девушки...»

УЧЕНИЕ

...Аня быстро записывала в блокнот всё, что говорил Иван Сергеевич Грищенко, стараясь не пропустить ни одного слова. Она никогда не думала, что это так интересно! Оказывается, те одиннадцать мартеновских печей, которые стоят в их цехе, уникальные, единственные в своём роде. Железная «ванна»,

где чугун, расплавившись, соединяется с рудой, у этих печей, если это нужно, наклоняется в любую сторону, точно на шарнирах. Печи так и называются — «качающиеся». Устроены они так не случайно. Завод «Азовсталь» работает на керчен-

ской железной руде, которая содержит вредные примеси, как, например, мышьяк и фосфор. И вот, чтобы избавиться от этих примесей, портящих металл, и придумали качающиеся печи. При наклоне рабочего пространства мышьяк и фосфор удаляются прочь из мартена.

...Аня уже третий раз приходила на занятия по техническому минимуму. Это было очень тяжело: после работы вместо отдыха запоминать объяснения Ивана Сергеевича, чертить в тетрадке планы мартенов. Но на этом не заканчивался её трудовой день. Она ещё записалась недавно в школу рабочей молодёжи, в девятый класс, и, приходя с завода домой, учила уроки...

— Не много ли ты на себя взяла? — спросила недавно Тамара. — Ты же переутомляешься.

— Ничего! — бодро сказала Аня. — Зато потом будет легко!

Характер у неё был упорный. Если какое-нибудь дело казалось ей чересчур трудным и хотелось его бросить, Аня нарочно загружала себя ещё больше. Так она поступила и на этот раз...

Несколько дней назад она сказала бригадиру, Ивану Сергеевичу Грищенко, что работа подручного её уже мало удовлетворяет: она перевыполняет норму, этот труд ей по силам. Теперь она решила стать каменщиком.

— К высокой температуре я уже привыкла! Могу пробыть в мартене столько времени, сколько нужно!

— Привычка — это ещё не всё! — ответил Грищенко. — Необходимо хорошо изучить производство. А ты ведь и так очень устаёшь, я же вижу.

— Как-нибудь справлюсь! — храбро ответила Аня.

...Занятия закончились. Грищенко, а за ним и все члены бригады ушли домой. Аня осталась в цехе. Она ещё вчера договорилась с пожилым, опытным каменщиком Маковским, что он поучит её немного после работы. Маковского Аня очень уважала, он чем-то напоминал ей отца...

Они подошли к седьмой печи, которая уже третий день стояла на ремонте и успела остыть.

— Каменщик должен хорошо изучить каждый закоулок печи, — сказал Маковский. — Работать ему приходится очень быстро, притом в полумраке, почти на ощупь, поэтому прежде всего запомни устройство мартена. Он состоит из пяти основных частей. Наверху, над твоей головой, находится рабочее пространство, или «ванна». В ней варится сталь. По обеим её сторонам расположены две головки, через которые в «ванну» подаются газ, воздух и удаляются продукты горения. Головки сложены из огнеупорного кирпича. Их мы часто ремонтируем потому, что кирпич прогорает.

Рассказывая, Маковский чертил в блокноте схему мартена. Аня очень устала, но ей было так инте-

ресно, что она была готова пробыть здесь хоть до утра.

— Ладно, хватит, пожалуй, на сегодня! — вдруг сказал Маковский, внимательно посмотрев на свою ученицу. — Завтра сама ещё раз всё осмотришь.

У выхода из цеха им повстречался Сергей Лямцев, работавший в этот день в ночную смену. Увидев их, он удивился.

— Вы что тут делаете в такое время?

— Вот показывал ей, что к чему, — ответил Маковский. — Задумала наша Аня каменщиком стать.

— Теорию она, может, ещё и осилит, — сказал Лямцев, пренебрежительно взглянув на Аню. — А на практике куда ей! В нашем деле требуются отвага и смелость, а она что? Девчонка!

— Посмотрим! — вспыхнув, сказала Аня и, прощавшись с Маковским, пошла домой. На улице она прибавила шагу. Было уже поздно, а ей ведь ещё предстояло учить уроки...

ЭКЗАМЕН

...Аня проснулась рано утром. Солнце расстелило по полу широкую золотистую дорожку. За ночь на деревьях, что росли под окном, раскрылись крохотные липкие листочки. Их терпкий запах наполнил комнату. Настроение у Ани было безотчётно радостное, ей хотелось петь.

Она позавтракала и стала собираться на работу: положила в сумку комбинезон, бутерброд, завернутый в бумагу, подумав, втиснула туда же учебник: во время обеденного перерыва она ещё немного позанимается. Нынче вечером в школе экзамен по литературе. Аня подготовилась хорошо, но всё равно волновалась. Как много значил для неё этот экзамен! Ведь некоторые, в том числе и Тамара и Григорий, пророчили, что Аня не выдержит трудностей, бросит школу в середине года, а вот нет! Всё вышло так, как она задумала! И в каменщики её скоро переведут, уже есть решение квалификационной комиссии!

Увидев Аню, Грищенко сказал:

— Ты можешь сегодня после обеда идти домой. Я уже договорился с начальником цеха.

Раздался гудок.

В полдень Аня собралась идти домой. Она сняла куртку, достала зеркальце... В этот момент раздался грохот. Вспыхнул ослепительный багрово-красный

свет. Из свода третьей мартеновской печи фонтаном било пламя. Надев куртку, Аня побежала в конторку. Она сразу поняла, что произошло. Маковский рассказывал ей о таких случаях. Над рабочим пространством печи, где варится сталь, есть полукруглый свод из огнеупорного кирпича. Эти кирпичи от высокой температуры расплавились, и в своде образовалось сквозное отверстие, через которое теперь выбивается пламя. Это пламя причиняет печи большие разрушения. Горят металлические конструкции, всё сильнее плавится свод. Аварию необходимо быстро ликвидировать, иначе может случиться беда. По правилам, чтобы произвести ремонт, нужно остановить печь, погасить пламя, вылить сталь и подождать, пока кирпич остынет. Но опытные каменщики, если нужно, могут заделать отверстие и не гася печи. Этот способ очень опасен, к нему прибегают редко.

...Из конторки доносился возбуждённый голос Лямцева:

— Мы не можем допустить, чтобы печь вышла из строя! Пошлите нас с Маковским! Мы за полчаса ликвидируем аварию!

— Хорошо, хорошо! — торопливо ответил Гриценко. — Берите костюмы, инструмент... Я на вас надеюсь!

Заметив Аню, он прибавил:

— И ты здесь? Будешь подавать материал! Если хочешь, конечно... Это — дело добровольное!

Лямцев и Маковский надели жароупорные костюмы, завязали на ногах верёвочные лапти. Они взяли клещи с длинными ручками, ломы и взобрались по лестнице на свод. Возле печи собралась толпа рабочих. Аня брала со штабеля кирпичи, поднималась на две—три ступени и передавала Сергею. Отблески пламени плясали на анином лице. Дышать ей было трудно, горячий воздух обжигал лёгкие. А как им приходится там, на своде?! Вдруг сверху послышался слабый крик. Аня метнулась к лестнице. На краю свода показалось красное, распаренное лицо Маковского.

— Сергею плохо! Давайте смену! — закричал он и спустил вниз обмякшего, потерявшего сознание Лямцева. Аня с трудом оттащила его в сторону. Рабочие подхватили Сергея, стали приводить его в чувство. У Ани вдруг мелькнула мысль: «А как же там дядя Петя один?» Не раздумывая, она бросилась к лестнице, но вернулась, вспомнив, что на ней нет жароупорной одежды. «Обоюсь водой, и всё!» — решила Аня. Но возле крана её остановил какой-то инженер.

— Нельзя! Вода закипит! Хуже будет! Обваритесь!

Тогда Аня схватила чью-то куртку, рукавицы, обмотала шарфом голову и побежала к лестнице. Когда она взялась за перила, рукавицы её задыми-

лись... Поднявшись на несколько ступеней, она очутилась на вершине печи. Сразу её охватило страшным, невыносимым жаром. Ей показалось, что ещё секунда — и на ней вспыхнет платье. В центре свода из отверстия било пламя. Встав на колени, Маковский пытался щипцами уложить на отверстие кирпич, но у него ничего не получалось. Нужно было поддержать кирпич с другой стороны. Аня поползла ближе к огню. У неё закружилась голова, потемнело в глазах, но она, стиснув зубы, наложила на кирпич свои щипцы. Увидев её, Маковский испуганно крикнул:

— С ума сошла! Уйди!

У неё же хватило сил ответить, она лишь покачала головой и взяла ещё один кирпич, который кто-то подал снизу. Отверстие уменьшилось, пламя спряталось. Аня почувствовала, что сейчас потеряет сознание, но всё-таки снова взялась за щипцы. Ещё один кирпич... Ещё один, последний... Вот и всё! В эту секунду свод закачался под её ногами. Вскрикнув, Аня упала...

...Очнувшись она в конторке. Она лежала на скамье. Кто-то брызгал на неё водой. Она узнала Сергея Лямцева и улыбнулась. У него сейчас было такое расстроенное, виноватое лицо... Через пять минут Аня уже сидела за столом и с жадностью пила воду, которую подал Иван Сергеевич.

— Вот так Аня! — хрипло произнёс Сергей, избегая встречаться с ней взглядом. — Ну и девчонка! Ты знаешь... Ты, пожалуйста, прости меня за то, что... Словом, за всё, понимаешь?

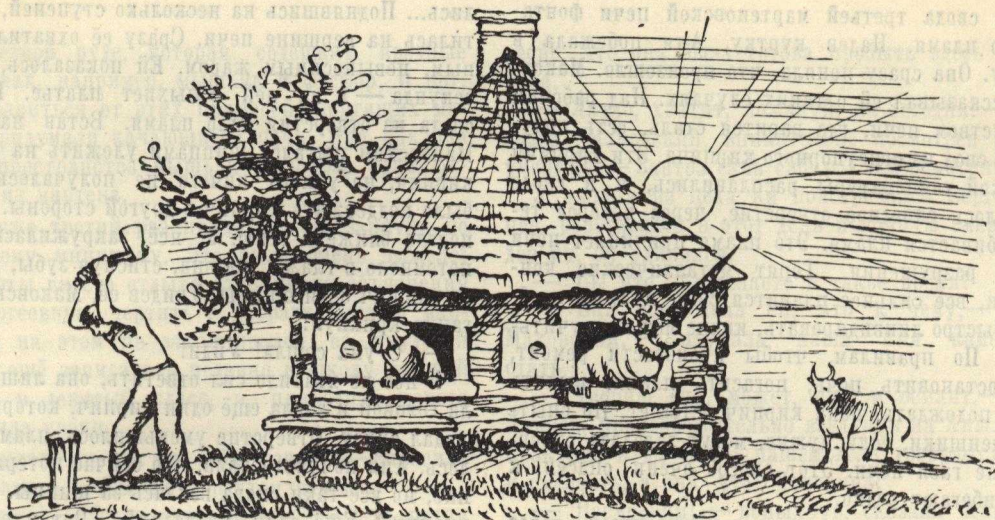
— Ну вот, нашёл время объясняться! — перебил Гриценко. — Как ты себя чувствуешь, Анечка?

— Да ничего, хорошо... — смущённо ответила она и, взглянув на часы, вдруг испугалась: — Ой! У меня же нынче экзамен! Непременно провалюсь!

— Да... экзамен... — задумчиво проговорил Гриценко, глядя на Аню с уважением. — Такие, как ты, не проваливаются. Ты выдержишь. Обязательно... — Подумав, он улыбнулся каким-то своим мыслям и добавил: — Ты его уже выдержала, свой экзамен.

— Как же, когда я даже в школе не была! — ответила Аня и, покраснев, стала поправлять волосы. Она догадалась, что в словах бригадира заложен какой-то другой, глубокий смысл, но нарочно не хотела в этом разбираться. Ей было стыдно, что все на неё смотрят. Она была уверена, что ничего особенного не совершила.

...В школу её провожали шумной компанией. Вечер был тихий, прозрачный. Солнце наполовину погрузилось в море, по воде от горизонта до самого берега протянулась искрящаяся золотая полоса. И этот спокойный, отражённый от воды свет совсем не был похож на то страшное багровое пламя, которое только что бушевало у Ани под ногами.

АСТРОЛОГ И ЛЕКАРЬ НА КАШУБАХ

ПОЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

С давних пор жили-были в Гданьске лекарь и астролог, который по звёздам предсказывал погоду. Оба они скучали без дела, потому что жители Гданьска были здоровы, а погода их мало интересовала.

Как-то раз лекарь сказал астрологу:

— Дорогой друг, пойдём в деревню на Кашубы¹, может, там удастся нам заработать немного денег. Жители деревень должны интересоваться погодой, да и болеют они время от времени: ведь им приходится тяжело работать.

Астролог одобрил предложение лекаря, и они покинули город.

Целый день брели они под горячими лучами летнего солнца и, наконец, уставшие и голодные, зашли к кашубскому помору, изба которого стояла на опушке леса. Хозяин предложил им переночевать и поужинать.

Когда хозяйка подала ужин, лекарь нарочно спросил астролога:

— Скажите, какая завтра будет погода?

— Будет сильный дождь, — ответил тот.

— Ну нет, — вмешался хозяин, — завтра будет великолепная погода.

— Мои сведения точнее твоих, я ведь не первый год предсказываю погоду, — промолвил астролог.

¹ Кашубы — местность в низовьях Вислы, на побережье Балтийского моря, где живут кашубы, одна из народностей Польши.

Но хозяин настойчиво твердил:

— Завтра будет прекрасный день!

— Откуда ты знаешь? — удивился астролог.

— Поглядите в окно, — сказал хозяин. — Если мой бык весело скачет, на другой день всегда бывает чудесная погода.

Астролог замолчал, ему не хотелось пререкаться с неучёным крестьянином.

Когда все досыта поели и собрались прилечь отдохнуть, хозяин спросил:

— А нет ли у тебя ещё чего-нибудь, хозяйка?

— Миска гороха от обеда осталась.

К изумлению гостей, помор уписал огромную миску холодного гороха.

Когда гданьские гости улеглись спать, лекарь сказал астрологу:

— Завтра у меня будет работа! После такого ужина не то что человек, конь — и тот захворает.

И они крепко уснули. А на заре их разбудил громкий стук.

Астролог выглянул в окно и увидел, что хозяин колет дрова.

— Что это ты так рано взялся за работу? — спросил он.

— Дорогой гость, — отвечал хозяин, — вчера за ужином я съел лишнее, и сейчас мне нездоровится. Вот поколю дрова, и всё пройдёт. Работа — самое лучшее лекарство.

— Вернёмся в город! — взмо-

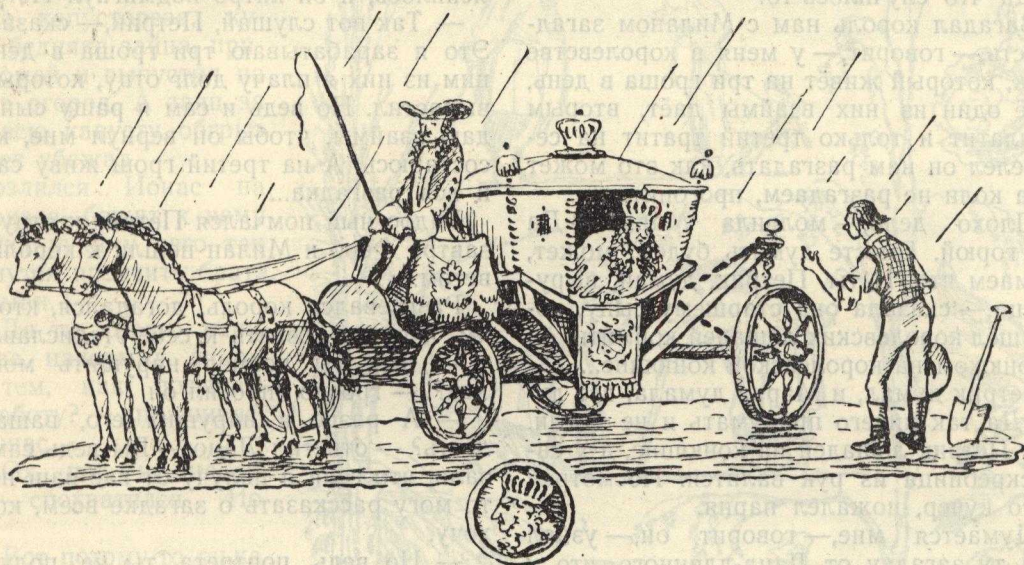
лился астролог.— Здесь, на Кашубах, где бык предсказывает погоду, а топор лечит людей, мы умрём голодной смертью!

Они поблагодарили хозяина за гостепри-

имство и не солоно хлебавши побрели обратно в Гданьск.

Литературная обработка Э. Лемперт.

Рисунки Ю. Кискачи.

ТРИ ГРОША

СЛОВАЦКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

Копал как-то у дороги бедняк канаву для стока воды. В ту пору ехал мимо король, и уж не знаем, почему, но велел он остановить коней и спросил бедняка:

— Скажи, дорогой, сколько ты получаешь в день за такой тяжкий труд?

— Три гроша, ваша светлость.

Подивился король: как же можно прожить на три гроша?

— Это бы ещё ничего, ваша светлость,— говорит бедняк.— Да я ведь не только сам живу на них. Одним из трёх грошей я плачу долг, второй даю взаймы, а уж третий трачу на себя.

Ещё пуще удивился король и спрашивает:

— Как же это может быть?

— О, ваша светлость! Кормлю я отца своего, старого и беспомощного,— отдаю ему долг. Но я ращу и сына — ему даю взаймы, чтобы он вернул мне, когда я состарюсь. А на третий грош живу сам.

— А вот у меня двое пруд в саду копают,— говорит король.— Прямо-таки надоели. Всё им мало: «Прибавь, батюшка, прибавь, семья большая». Загадаю-ка я им эту загадку! А тебе молчать велю, никому её не разгадывать. И лишь тогда, когда получишь от меня мой портрет, говори о своей загадке

кому хочешь. Мой портрет будет для тебя королевским разрешением...

С этими словами король вынул пригоршню дукатов, подал их бедняку и отправился дальше.

Наутро король приказал:

— Позвать ко мне Феро и Милана!

Не прошло и минуты, как оба уже были перед ним.

— Так вот, бездельники,— молвил король.— Вы всё жалуетесь, что плачу вам мало. А знаете ли, что есть у меня в королевстве человек, который тихо и мирно живёт на три гроша в день, да ещё один из них даёт взаймы, вторым платит долг и только третий тратит на себя. Подумайте, как это может быть. Даю вам три дня срока. Отгадаете — пожалуй по дукату. Не отгадаете — прогоню.

Поплелись Феро и Милан домой, головы повесили.

— Как быть, Ферко? — говорит Милан.

— Прямо и не знаю, Миланко, не разгадать нам такую загадку!

С тем и разошлись. Приходит Феро домой. На детишек не глядит, жену не замечает. Мрачнее тучи сидит.

— Что с тобой, Ферко? Ты на себя не похож,— спрашивает жена.

— Ох, горе нам, Марка! Прогонит меня король. Что тогда делать?

— Да что случилось-то?

— Загадал король нам с Миланом загадку. «Есть,— говорит,— у меня в королевстве человек, который живёт на три гроша в день, да ещё один из них взаймы даёт, вторым долг платит и только третий тратит на себя». Велел он нам разгадать, как это может быть, а коли не разгадаем, прогонит.

— Плохо дело,— молвила Марка.— Да ты не горюй. Вместе думать будем, может, придумаем что. И ты, Петрик, думай, выручай отца,— сказала она старшему сыну, который шёл королевских лошадей кормить: он был конюхом на королевской конюшне...

И Петрик думал, и Марка думала, все думали. Да так ничего придумать и не могли. Чистит Петрик лошадей на конюшне, а у самого скребница из рук валится. Посмотрел на него кучер, пожалел парня.

— Думается мне,— говорит он,— узнал король ту загадку от Лаца-длинного, что у большой дороги землю копает. Говорил с ним на днях король о чём-то, когда мы ехали мимо.

Поблагодарил Петрик и отправился разыскивать Лаца. Нашёл его и ну просить:

— Помоги нам, бедным людям!

Крепко задумался Ладислав. Жаль ему было бедняков. А что делать? Нарушить приказ короля? Навлечь на себя его гнев? Он ведь шутить не любит. У короля даже на портретах такой вид, будто

он вот-вот велит наказать кого-нибудь. Где же он видел его таким сердитым, с нахмуренными бровями? Думал, думал Лац, никак вспомнить не мог. Вдруг лицо его прояснилось, и он хитро подмигнул Петрику.

— Так вот слушай, Петрик,— сказал он.— Это я зарабатываю три гроша в день. Одним из них я плачу долг отцу, который меня вырастил. Но ведь и сам я ращу сына—ему даю взаймы, чтобы он вернул мне, когда я состарюсь. А на третий грош живу сам. Вот и вся разгадка...

Радостный помчался Петрик к отцу. А на завтра Феро и Милан пошли к королю с ответом.

Разгневался король, догадался, кто помог им, и велел позвать к себе Ладислава.

— Как ты посмел нарушить мой приказ?! — грозно спросил он.

— А разве я нарушил его, ваша светлость? — ответил Лац.— Вы ведь сами сказали, что если я получу от вас ваш портрет, то могу рассказать о загадке всем, кому захочу.

— Но ведь портрета ты не получал! — вскипел король.

— Как не получал, ваша светлость! — усмехнулся Лац.— Вот он, ведь вы сами мне его дали... — И он достал из кармана блестящий дукат с портретом короля.

Король только головой покачал.

— Счастье твоё, что нашёл ответ, а то не сносить бы тебе головы...

Так Лац, Феро и Милан перехитрили короля. Вот видишь, как оно бывает на свете.

Перевод и обработка
Н. Соловьёвой.

Рисунки Ю. Кискачи.

БОГАЧ И БЕДНЯК

ЛИТОВСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

После смерти отца стали два брата делить между собой наследство. Старший брат, Ионас, был очень жадный: и дом, и огород, и птичник, и пасеку — всё забрал себе. А младшему, Петронасу, только и досталось, что чёрная баня на опушке леса. Поселился младший брат в этой бане и стал на всякого зверя лесного капканы ставить.

Вот и стали с той поры Ионаса умником звать, а Петронаса — дураком.

Подпоясавшись как-то Петронас и пошёл в местечко на базар. По дороге он увидел, что в его капкан попал заяц, вынул его, привязал за верёвку и ведёт. Встречается ему Ионас и спрашивает:

— Кого это ты ведёшь?

— Капустореза,— отвечает Петронас.— А у меня, как на грех, и огорода своего нет... Купи, если хочешь, недорого возьму... А уж работник он — лучшего и не надо! Пустишь

его в капусту — все кочаны начисто тебе обрабатывает.

Позарился Ионас на дешёвого капустореза, купил у бедняка зайца, привёл домой и выпустил на ночь в огород. А заяц за ночь всю капусту обгрыз и в лес убежал.

Обозлился Ионас на Петронаса, бежит к нему в баню, руки у него так и чешутся проучить брата за обман.

— Да ты своего капустореза накормил ли перед тем, как посылать на работу? — спрашивает Петронас.

— Ох, нет, не накормил! — спохватился Ионас.

— Вот потому-то он капусту и погрыз, — объяснил Петронас. — Разве можно работника не накормить перед работой?

— Правда, сам я, значит, и виноват, — признался Ионас и пошёл домой.

В другой раз Петронас поймал лису и ведёт её по дороге. И надо же было, чтобы опять с Ионасом встретиться! Тот и спрашивает:

— А теперь кого ты это ведёшь?

— А это пастушка, гусей она хорошо пасёт, — говорит Петронас. — Да вот беда, у меня гусей своих нет. Дорого за неё не возьму, купи, если хочешь.

А Ионас только этого и ждал. Купил он лису по дешёвке, привёл домой и скорей на луг выпустил, гусей пасти.

Лиса всех гусей у Ионаса передушила, двух самых жирных съела и в лес убежала. Не на шутку обозлился Ионас, выломал в лесу толстую дубину и пошёл в баню.

— Послушай, а ты пастушке своей поесть дал чего-нибудь или голодную на работу послал? — спрашивает Петронас.

— Да нет, забыл я покормить её...

— Вот потому-то она и передушила гусей, — объяснил Петронас. — Разве можно работника не накормить перед работой?

Много ли, мало ли времени прошло, а попался как-то в капкан бедного брата медведь. Привязал он медведя на верёвку, ведёт по дороге, и снова ему богатый брат встречается.

— А это кого ты ведёшь?

— Пасечника, — отвечает бедняк. — Да вот беда, у меня и ульев своих нет. Купи, если хочешь, недорого возьму. Наведёт он у тебя порядок на пасеке.

Купил богач медведя, привёл его домой — да поскорей на пасеку.

А мишка и в самом деле, словно пасечник, улы вычистил: съел все соты вместе с мёдом и даже с пчёлами!..

Вот с той поры и поняли люди, кто из братьев дурак, а кто умный.

Перевод А. Горского.

Рисунок А. Ерея.

ПОЧЕМУ и ОТЧЕГО

Можно ли огонь залить водой

Дорогая редакция!

Прошу вас объяснить мне, почему во время вспыхек керосинки или керогэзов нельзя огонь заливать водой. От воды огонь разгорается больше и больше. А во время дождя пожар тухнет. Почему так происходит?

Нелли Кашаева,

с. Пушкино, Пушкинский район, АзССР.

Ещё в древности византийцы, обороняя вход в Босфор, опрокидывали в воду бочки с нефтью и поджигали её на воде. Пламя охватывало пролив, и попутный ветер гнал его навстречу вражеским судам.

В наше время при аварии нефтеналивных судов тоже бывает так: всё море пылает вокруг них.

Почему же это происходит?

Объяснить это совсем нетрудно. Керосин, нефть и бензин легче воды, и, по закону Архимеда, они плавают на её поверхности. Дерево тоже плавает в воде, но, намокнув, оно уже не может гореть. А керосин водой не пропитывается, он остаётся на её поверхности.

Когда гасят пылающие деревянные строения, то опытные пожарники направляют струи воды, бьющие из шлангов, не на пламя, а под него — на горящие брёвна и доски. Струи воды смачивают дерево, всё здание обволакивается облаками пара, и пожар прекращается.

Если же направить струи воды на пылающий керосин, то они разбрызгивают его, увеличивается площадь соприкосновения керосина с воздухом, и пожар от этого только усилится.

Погасить керосин водой можно, но только с по-

мощью особых приспособлений, распыливающих воду над пламенем на множество тонких струек. Обычно же вспыхнувший керосин тушат при помощи пены. Даже сильное пламя, бушующее над резервуаром с нефтью, можно погасить, покрыв его слоем пены толщиной в 15 сантиметров. Для гашения больших пожаров есть огнетушители, выбрасывающие мощную струю пены. Но есть и совсем небольшие, переносные огнетушители. Ты, Нелли, наверное, видела красные цилиндры на стенах предприятий и даже на грузовых автомобилях. Это и есть ручные огнетушители.

В огнетушитель налита вода. От удара кнопкой о землю в нём разбивается стеклянная ампула с серной кислотой. В футляре огнетушителя находится ещё порошок лакрицы. При соединении в воде лакрицы с кислотой весь раствор превращается в пену, которая сильной струей вырывается из отверстия огнетушителя.

Огнетушители очень удобны. Но если их нет, то легче всего погасить вспыхнувший керосин, забросав пламя песком.

Ю. Моралевич

Самая маленькая рыбка

Дорогая редакция!

Тебе пишет ученица 6-го класса золотоношской средней школы № 1 Кузнецова Оля.

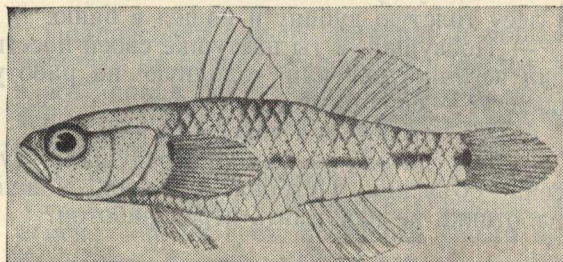
Мне хочется узнать, какая самая маленькая рыба в мире.

Самая маленькая рыбка в мире — бычок пандак, живущий в озёрах Филиппинских островов. Длина этой рыбки — всего 7,5 миллиметра.

В этих же озёрах живёт и другая рыбка, чуть-чуть побольше бычка пандак — длиною 12,5 миллиметра. Называется она бычок мистихтис.

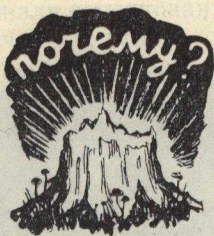
Несмотря на то, что эти бычки такие крохотные, они являются промысловыми рыбами. Из них делают вкусные вяленые лепёшки.

Профессор Б. С. Ильин

Вот, Оля, как выглядит бычок пандак. Только он здесь сильно увеличен.

Холодный свет

Прошу объяснить мне: почему светится сгнившее дерево? Мы, воспитанники детского дома, этим летом отдыхали в пионерском лагере. Однажды поздним вечером мы отправились в лес, чтобы насобирать там светящихся жучков. Вдруг нам встретился светящийся пенёк. Мы подошли к нему, осмотрели, пощупали, горячий он или нет.

Пень не горел и не тлел, а светился белым светом. Мы принесли кусок дерева в свою палатку. Дерево светилось так ярко, что его свет был виден за несколько десятков метров, даже когда мы накрывали его простынёй. Мы заинтересовались этим явлением и решили обратиться с вопросом к дорогой редакции.

Прошу ответить нам на этот вопрос.

Воспитанница детского дома *Маруся Рахматулина*,
ученица 5-го класса Дубровинской школы.

Дорогие ребята!

В старину, когда люди не могли понять, отчего светится гнилое дерево, они объясняли это явление действием сверхъестественных сил. Такой светящийся пенёк, какой вы видели в лесу, вызывал у них суеверный ужас и самые невероятные предположения.

В настоящее время установлено, что свечение сгнившего дерева вызывается грибницами опёнок, трутеевиков и других грибов. Когда вы собирали грибы, вы, наверно, видели тонкие белые переплетающиеся нити на месте только что снятого гриба. Это и есть грибница.

У некоторых грибов нити грибницы бывают настолько тонкие, что их нельзя увидеть невооружённым глазом. Заметить их можно только тогда, когда их вырастает очень много и они образуют белый клубок.

Нити грибниц обладают способностью светиться, и так как тонкие нити грибниц не видны, то кажется, что светится сама гнилушка.

Свечение гнилушек было известно очень давно. Знаменитый английский учёный Бойль, живший в конце XVII века, исследовал грибницы и выяснил, что для их свечения нужны воздух и влага.

Светящуюся гнилушку он поместил в банку, из которой выкачивал насосом воздух. После того как воздух был выкачан, свечение прекращалось. Гнилушка переставала светиться и при высушивании.

Наиболее сильное свечение в природных условиях наблюдается после дождя, когда гнилушка с проросшей грибницей влажная, но очень сильное смачивание вредно действует на свечение.

При благоприятных условиях свечение гнилушек можно наблюдать месяцами.

Вы можете вырастить светящуюся грибницу у себя дома. На дно чистой стеклянной банки, хорошо промытой кипячёной водой, положите несколько кусков хлеба, смоченных в остуженной кипячёной воде. В хлеб воткните кусочек светящейся гнилушки. Завяжите банку марлей и поставьте в тёплое место. Следите, чтобы кусочки хлеба были влажные.

Хлеб в этом опыте является пищей для светящейся грибницы. Через несколько дней в тёмной комнате вы увидите, что хлеб в банке светится.

А отчего же, спросите вы, светятся мелкие животные — черви, рыбы, насекомые, жучки и комары? Неужели и на них есть грибница?!

Нет, эти животные светятся потому, что на них развиваются светящиеся бактерии. Это мельчайшие живые организмы, имеющие форму палочки или шарика. Они не видны простым глазом, но в большом количестве заметны в темноте, так как светятся зеленовато-белым светом.

Нам удавалось найти светящиеся бактерии в воде Чёрного моря, и мы сохраняли их в нашей лаборатории более двадцати пяти лет. Они росли у нас в рыбном отваре.

Сила света светящихся бактерий невелика, но всё-таки при их освещении можно увидеть в темноте стрелки карманных часов.

Поэтому возникла мысль воспользоваться светящимися бактериями для освещения в тех случаях, когда применение огня опасно. Учёный Дюбуа даже устроил для этой цели «живую лампу». Но вряд ли подобные «лампы» будут применяться в технике: стоят они дорого, а свет дают слабый.

Грибы, выросшие в колбе на хлебном мякише. Грибница даёт свечение.

А. А. Егорова,

старший научный сотрудник
Института микробиологии
Академии наук СССР.

Владимир Кузин на лыжне.

КОРОЛЬ ЛЫЖ

Генеральная репетиция

Прошлой зимой к нам приезжали сильнейшие лыжники Финляндии. Среди них был и олимпийский чемпион в беге на 50 километров Вейко Хакулинен. Финские и советские гонщики встретились на Уктусских горах, под Свердловском. Эти соревнования были проверкой сил наших лыжников перед розыгрышем первенства мира, который должен был состояться вскоре после этого в Швеции. Советским спортсменам впервые предстояло принять участие в борьбе за звание чемпиона мира.

Золотые медали до сих пор всегда завоёвывали лыжники скандинавских стран. Первый мировой чемпионат в 1929 году принёс большой успех спортсменам Финляндии. Чемпионами мира тогда стали финские лыжники Вели Сааринен и Ансельм Кнууттила. В последующих девяти розыгрышах первенства финнам удалось завоевать ещё семь золотых медалей, шведские лыжники получили шесть медалей, а норвежцы — пять.

Мне довелось быть свидетелем интересной борьбы, которая развернулась между советскими и финскими лыжниками на Уктусских горах в гонке на 30 километров.

По правилам этих соревнований лыжники уходили со старта парами с интервалом в минуту.

В первой паре по жребию шли финн Анти Сивонен и молодой советский лыжник Василий Ерошин, за ними — Вейко Хакулинен и Вейко Сало. Изумительно красивы и легки были движения лыжников. Легко взлетали палки, и стремительно скользили лыжи. Со стороны, издали казалось, что спортсмены идут, не прилагая никаких усилий.

Первые пять километров лучше всех прошёл Сивонен. Но после десятого километра лидером гонки стал Владимир Кузин. Невысокий крепыш легко преодолевал трудные подъёмы, смело мчался с крутых спусков.

После пятнадцати километров лучшее время показывал Вейко Сало. Он выигрывал у Владимира Кузина 9 секунд, и было ясно, что борьба за первенство разгорится между этими двумя гонщиками. К двадцатому километру Вейко Сало уже выигрывал у Кузина 16 секунд, но Владимир Кузин попрежнему быстро и легко двигался вперёд.

Кузин подошёл к финишу в тот момент, когда по радио объявлялся результат Вейко Сало. Он выиграл у Сало 29 секунд. Олим-

пийский чемпион Хакулинен оказался на третьем месте.

На следующий день после этой гонки финские, шведские, норвежские газеты подробно описывали соревнования на Уктусских горах. Они считали, что молодой гонщик СССР будет грозным соперником Вейко Хакулинену в борьбе за первенство мира.

Через два дня Вейко Хакулинен показал, что его поражение в беге на 30 километров ещё не говорит о его слабости. В гонке на 50 километров, проведённой на Уктусских горах, он завоевал первое место. Правда, Владимир Кузин не участвовал в этом беге. Дистанция в 50 километров предназначена для зрелых спортсменов, достигших полного расцвета сил, а Кузин только четыре года назад начал выступать в соревнованиях.

Сын рыбака из архангельской деревни Лампожни, Володя Кузин, с детства привык к тяжёлому, полному опасностей труду рыбака. Он не боялся физического напряжения.

Когда в 1946 году Вейко Хакулинен уже был надеждой Финляндии, учеником известного тренера, первого чемпиона мира Вели Сааринена, Володя Кузин только изучал основы лыжной техники под руководством своего школьного учителя Александра Фёдоровича Гаева.

Окончив школу, Кузин стал работать у себя в деревне начальником радиоузла. В это время он по-настоящему увлёкся лыжами и в 1950 году впервые участвовал в областных соревнованиях сельских спортсменов. Каково же было удивление Кузина, когда он оказался победителем в гонке на 30 километров!..

...Когда в 1952 году Вейко Хакулинен стал олимпийским чемпионом, Владимир Кузин впервые выступил в соревнованиях на первенство страны и оказался сорок шестым на дистанции в 18 километров. Но молодой спортсмен удивительно быстро осваивал сложную технику лыжного бега. И уже через год неожиданно для всех Владимир Кузин на этой же дистанции выиграл первенство СССР в гонке и попал в состав сборной команды СССР.

Чемпион мира

Победа на Уктусских горах была для Кузина только генеральной репетицией. Впереди были главные испытания. Приближался день отъезда в Швецию, где он снова встретится с Вейко Хакулинену и другими сильнейшими лыжниками скандинавских стран.

Когда Кузин приехал в маленький шведский городок Фалун, его встретили как старого знакомого. Ведь во время свердловских

соревнований портреты Кузина печатались почти во всех шведских газетах.

И всё же спортивные обозреватели предсказывали победу Вейко Хакулинену. Они считали знаменитого финского спортсмена «королём лыж» и обладателем «Большого королевского кубка» — приза за победу в гонке на 50 километров.

Расчёты спортивных обозревателей были очень просты; они считали, что если Кузину и удастся выиграть гонку на 30 километров, то в гонке на 50 километров он всё равно не будет участвовать, а Хакулинен ещё в Свердловске показал, что он попрежнему силен на этой самой трудной и почётной дистанции.

Маленький шведский городок был наводнён спортсменами и любителями лыжного спорта, приехавшими из других стран.

13 февраля лыжники вышли на старт 30-километровой гонки.

Гонки проходили при двадцатиградусном морозе. Спортсмены преодолевали такие подъёмы, на которых перехватывало дыхание; со скоростью 60 километров в час мчались они с крутых спусков.

Вейко Хакулинен показывал очень высокую скорость. Когда он пересёк линию фини-

Этот диплом Владимир Кузин получил в Швеции на международных соревнованиях по лыжам.

ша, пройдя 30-километровую дистанцию всего за 1 час 50 минут 51 секунду, спортивные журналисты тут же сообщили в свои редакции имя первого чемпиона мира.

Но вот вдалеке мелькнула коренастая фигура гонщика в синей шапочке и с молниеносной быстротой стала приближаться. Это был Кузин. Он прошёл дистанцию за 1 час 50 минут 25 секунд.

В одно мгновение толпа, окружавшая Вейко Хакулинену, оставила его и бросилась к Кузину, а он стоял, ослеплённый вспышками импульсных ламп фотокорреспондентов, не зная, кому раньше пожимать руки, и вдруг взлетел над толпой возбуждённых, радостно смеющихся людей. Это товарищи по команде подхватили на руки победителя.

Так закончилась первая гонка мирового чемпионата, а через восемь дней Владимир Кузин снова вышел на старт. Он решил принять участие и в гонке на 50 километров. Это было смелое решение. Кузин снова вёл борьбу с Хакулинею, и когда прерывающийся от волнения голос диктора сообщил, что первые десять километров Кузин прошёл за 33 минуты 1 секунду, возбуждённый гул пронёсся по всей трассе, окружённой зрителями. Почти все шведы — хорошие знатоки лыжного спорта. Каждый понимал, что на такой скорости можно бежать десять, пятнадцать километров, но не пятьдесят.

«Что же это такое? На что рассчитывает русский лыжник? — недоумевали зрители. — Неужели он выдержит такой темп?»

Кузин выдержал.

Вейко Хакулинен пробежал 50 километров за 3 часа 3 минуты 6 секунд, а Кузин выиграл у Вейко Хакулинену 8 секунд.

Вечером на городской площади, заполненной народом, Владимир Кузин получил «Большой королевский кубок», обладатель которого считается в Скандинавии «королём лыж».

В Итальянских Альпах

11 февраля 1955 года в Итальянских Альпах, близ маленького курортного городка Кортина д'Ампеццо, сильнейшие советские лыжники встретились с лыжниками Финляндии, Швеции, Норвегии и других стран.

За международными соревнованиями в Италии внимательно следили во всём мире, потому что соревнования в Кортина д'Ампеццо были генеральной репетицией перед зимней олимпиадой. В 1956 году здесь будут происходить зимние олимпийские игры.

Как же выдержал новый экзамен Владимир Кузин? В гонке на 30 километров он разделил первое и второе места с сильнейшим шведским лыжником Е. Еренбергом. Это была вторая победа В. Кузина в международных состязаниях. В январе он встретился в Москве с олимпийским чемпионом на 18 километров Х. Бренденом и другими сильными гонщиками Швеции и Норвегии и занял первое место в гонке на 15 километров.

Началась новая спортивная зима. Сейчас, когда вы читаете этот рассказ о Владимире Кузине, советские лыжники снова готовятся к отъезду в Италию на олимпийские игры.

На крутых склонах Итальянских Альп скоро снова встретится Кузин с Хакулинею и другими сильнейшими лыжниками скандинавских стран, а чем закончится эта встреча, мы с вами скоро узнаем.

В. Виктор

БАЛЛАДА О ЗАКРЫТИИ ПИОНЕРСКОГО ЛАГЕРЯ

Юрий Ряшенцев

Солнце на поднятом горне блестит,
Дробью готов барабан взорваться,
И вот оно громкое: «Флаг спустить!»
И флаг...

Но флаг не хотел спускаться!

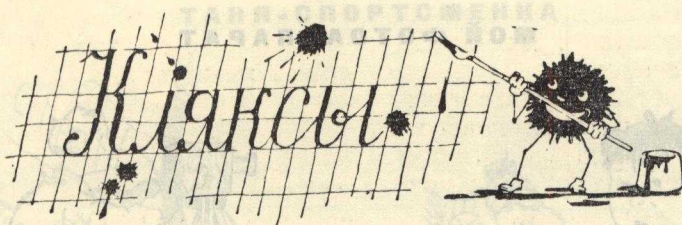
Честно работавший целое лето
Блок отказал. Испортился блок.
И тщетно теперь председатель совета
Тянул за тугой, перевитый шнурок...

Минута прошла и сменилась второй...
Упрямо стараясь выдержать строй,
Шестому звену изо всех своих сил
Старший вожатый глазами грозил.

Но левый фланг, как и правый фланг,
Молча хранил порядок.
И молча смотрели на выцветший флаг
Замершие отряды.

И солнце второму слепило глаза,
Спускаясь за тихой Пахрою,
И в пятом вдруг кто-то с надеждой сказал:
«Может... совсем не закроют?»

А он на ветру и гремел и стучал —
Упрямый, весёлый флаг.
И только завхоз за трибуной ворчал:
«Всегда у нас всё не так...»

КАК ЮРА СОБИРАЛ МЕТАЛЛОЛОМ

Если день — обычный день,
Нагибаться Юре лень.
— Пропадай, негодный хлам!
Дай, ногой его поддам!

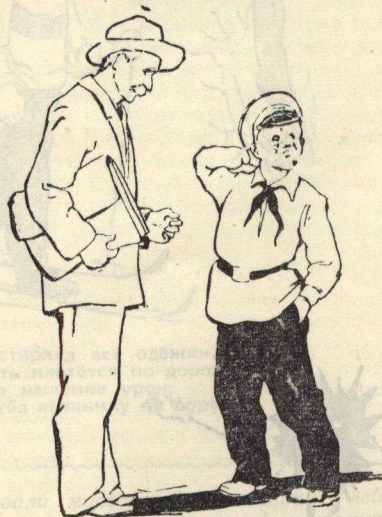
Все сдают металлолом.
Юра из дому — бегом...
Тащит он отряду в дар
Медный бабкин самовар.

СТРАЖ ПОРЯДКА

Завидел Жора малыша,
Взыграла жорина душа.
Дежурный Жора входит в раж...
Рука у Жоры твёрдая.
...У Гоголя подобный страж.
Зовётся «Держимордою».

ТАК ПИОНЕР НЕВЕЖИН ЛЕОНИД СО ВЗРОСЛЫМИ ОБЫЧНО ГОВОРИТ

Весь развинчен и небрежен,
Взгляд сонливый и шальной...
Встал бы ты ещё, Невежин,
К собеседнику спиной.

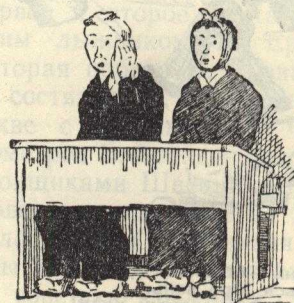
МОЙ ФОТОАППАРАТ

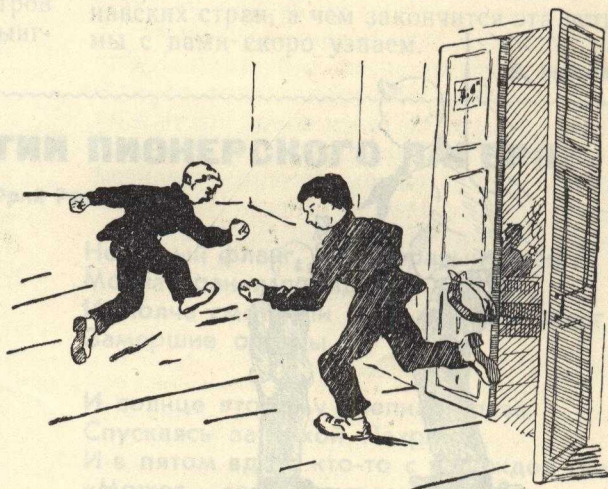
Увидев лентя, я говорю:
— Спокойно, снимаю... Благодарю!

Снимок первый. Вася не плачет,
Но у Васи невеселый вид.
Конечно, он мог бы решить задачу,
Но, сами видите, зуб болит.

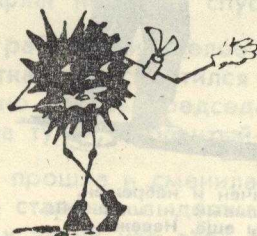

Очень и очень я озабочен:
Уже и у Коли начались боли.
Или мой аппарат неточен?
Или у нас эпидемия в школе?

Заснял на перемене я
Момент выздоровления.

Мои фотографии им не понравились.
Но посмотрите: они... поправились!

ТАНЯ-СПОРТСМЕНКА

Это кто же там, похожий
На огромный тюк одёжи?
Это Неженкина Таня
Вышла на соревнованье.

Кофта у неё на байке,
Майки две и три фуфайки,
Шуба, шарфик, два платка...
Таня толще тюфяка.

Поболлась Таня стужи.
А на деле вышло хуже.
Трудно Тане, тяжело Тане,
Тане жарко, будто в бане.

Растеряла все одёжки.
Чуть плетётся по дорожке...
Это неженке урок:
Шуба лыжнику не впрок.

Карикатуры для этого выпуска «Клякс» рисовали московские школьники Глеб Бедарев, Толя Ермолычев, Сергей Мухин, Лера Ямковская и ленинградский школьник Юра Малышев.

КНИГИ О ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Автор этой книги — Семён Дмитриевич Фомин — прошёл долгий и трудный жизненный путь. О своём горьком детстве и суровой юности С. Д. Фомин рассказал в автобиографической повести.

«Перед рассветом» — так назвал автор свою книгу. Перед рассветом ночь бывает особенно тёмной. И автор в своей повести рассказывает про глухое, мрачное время, предшествовавшее рево-

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Камера смертников. Арестанты недолго в ней задерживаются: день, два — и их уводят. Уводят на казнь.

По-разному ведут себя приговорённые к смерти. Кто молчит, уставясь в одну точку, кто буйнит. Иные сходят с ума. И только один, совсем ещё молодой, расхаживая по камере, учит английские слова.

Ночью его вызывают. Его ведут к помосту, к столбу с перекладиной. Минута — и петля сдавит ему горло. Но начальник объявляет: «Отставить». Заключённого снова возвращают в камеру смертников, и утром он снова ходит из угла в угол, заучивая:

— «Лайф» — это значит «жизнь», «фридем» — «свобода»...

Чудовищную пытку придумали палачи для заключённого «Арсения» — пытку смертным страхом. Но и она не может сломить его железной воли и веры в победу пролетариата, победу большевиков.

«Арсений» — партийная кличка Михаила Васильевича Фрунзе. О замечательных эпизодах его героической молодости вы сможете прочитать в книге Арк. Васильева «Товарищ Арсений».

книге. В ней повествуется о дружбе рабочих завода, о том, как в годы первой революции чувство слабости и одиночества сменилось у них горделивым сознанием: «Нас много. Мы — сила!»

СУРОВЫЕ ДНИ

Судьба рабочего-подростка, четырнадцатилетнего Сергея Мохова, героя одноименной повести Г. Пушкарёва, тесно связана с борьбой революционных рабочих

люции 1905 года. Но уже вспыхивают зарницы первой русской революции, и люди верят: скоро конец гнетущему мраку чёрной ночи самодержавия.

МЫ — СИЛА!

Книга Н. Бирюкова-Раменского «На тропе жизни» написана с большой теплотой и искренностью. Писатель рассказывает о том, что сам видел, сам пережил и перечувствовал. Он прошёл тяжёлую жизненную школу. Баррикадные бои 1905 года, описанные в повести, автор видел своими глазами.

Прочитайте эту книгу, и мы уверены, что вы полюбите её героев — трёх друзей: Ваню Куракина, Костю Аборина и Толю Завьялова. Но не только о дружбе трёх ребят рассказывается в

Красноярска против царского самодержавия в грозные дни революции 1905 года.

Работая в Красноярских железнодорожных мастерских, Сергей становится свидетелем и участни-

ком вооружённого восстания рабочих этих мастерских. К ним вскоре присоединяются солдаты железнодорожного батальона.

В эти суровые дни крепнет и закаляется характер Сергея и навсегда определяется его жизненный путь — славный боевой путь профессионального революционера.

БУРЕВЕСТНИКИ РЕВОЛЮЦИИ

Ребята-москвичи, ездившие летом в пионерские лагеря по Московско-Ленинской (бывшей Казанской) железной дороге, наверно, знают небольшую дачную станцию Ухтомскую. Но не все знают, что эта станция названа так в память рабочего-революционера, машиниста Алексея Владимировича Ухтомского, одного из руководителей вооружённого восстания московских железнодорожников в грозные дни декабря 1905 года.

В книге Л. Островера «Буревестники» вы прочтёте рассказ о подвиге Ухтомского, познакомитесь с судьбами других буревестников революции, рабочих-революционеров: Петра Алексея, Степана Халтурина, Виктора Обнорского, Петра Мойсеевко и Ивана Бабушкина.

ВЕСЕННИЙ ВЕТЕР

«...— Десятого января началась стачка в Москве. Одиннадцатого стачки охватили Ярославль, Ковно и Вильно. В России началась революция, товарищи...

— А мы молчим? И мы должны подать свой голос!..

— Верно! Должны!»

Этот разговор происходит на поляне, высоко в Крымских горах. С волнением прислушивается к нему молодой печатник Витя Стишов, герой повести М. Писарева «В приморском городе»...

Автор живо рисует внутренний мир юноши, который впервые правильно оценивает окружающее и начинает верить в свои силы. Читая повесть, мы переносимся в далёкие дни 1905 года, когда миллионы рабочих, юношей и девушек были разбужены весенним ветром первой революции.

СУДЬБА СТЕПАНА ВАЖЕВАТОВА

В повести Арк. Васильева «Смело, товарищи, в ногу!» рассказывается о необычной судьбе Степана Важеватова, в прошлом бедного крестьянского парня из глухого села Алексина, затем рядового блестящего кавалергардского полка в Петербурге. О жизни и приключениях Важеватова, о том, как он стал революционером, о стачке иваново-вознесенских ткачей в 1905 году вы узнаете, прочитав эту книгу.

Как я познакомилась с писателем

Читать я научилась задолго до поступления в школу. Когда в первом классе учительница показывала буквы, я, выдвинув край книжки из-под парты, уже читала русские сказки.

Чтение было моим любимым занятием. Я читала утром, когда мне заплетали косы, старалась читать во время завтрака. Укладывая тетради и книги в школьную сумку, я невольно заглядывала в раскрывшуюся страницу и надолго застывала над ней. Даже заточивая ножом карандаш, я невольно косила глазами в книжку.

К третьему классу это моё увлечение настолько усилилось, что учительница стала зорко следить, не занята ли я посторонней книгой. Дома тоже чтение мне строго ограничили. Чтобы продлить удовольствие, приходилось пускаться на хитрости.

Всё, о чём я читала, я считала действительными происшествием. В существовании детей капитана Гранта я совершенно не сомневалась, так же как вполне была уверена, что при желании можно отыскать живых и здоровых, хотя и несколько подросших Чука и Гека.

Конечно, я знала, что эти книги написаны кем-то. Я сама на уроках говорила:

— «Зима» — стихотворение Пушкина... «Детство» — произведение Некрасова.

Но никаких заслуг за людьми, написавшими мои самые любимые книги, я не находила. Просто какой-то Жюль Верн был хорошо знаком с капитаном Грантом и его детьми, поэтому написал всё, как было. Стихами, конечно, рассказывать труднее, но я сама написала бабушке:

С днём рождения поздравляю!

Чашку с блюдечком прилагаю.

Значит, писать рифмованными строчками могут все. Словом, ничего особенного!

Однажды летом я нашла на улице три рубля. Сжав эту смятую бумажку в кулаке, я через несколько минут оказалась в книжном магазине. Толстые томики, о которых я мечтала, стоили дорого, и мне за мои деньги продавец дал для выбора несколько тоненьких книжек. Я открыла одну из них и начала читать.

Описывалась история лошади, которую всю жизнь все обижали. Лошадь звали Холстомер. Я отошла, чтобы не мешать другим покупателям, и тут же забыла о существовании магазина, улицы и родных, которые ждали меня дома.

Вместе с пегим жеребёнком я любовалась зелёными лугами, страдала от разлуки с матерью, мчалась, обгоняя всех, на бегах. Машинально я переступала с ноги на ногу, если меня толкали, и переворачивала страницу за страницей.

Когда старого и больного Холстомера убивали, я почувствовала, что умираю вместе с ним. Мне показалось, что на меня тоже с любопытством смотрят собаки и ждут моей смерти. Сердце сжалось. Я закрыла книгу и пошатнулась. Мне казалось непонятным и неестественным, что я ещё живу, когда Холстомера уже нет на свете.

Когда продавец хотел взять из моих рук книгу, я вцепилась в неё, растолкав людей, выбежала из магазина. Я продолжала держать книгу двумя руками и тогда, когда, запыхавшись, села на скамейку в пустынном сквере. Я смотрела на книгу с удивлением.

«Холстомер, Холстомер...»

Я понимала всё точно так же, как и он, словно смотрела его глазами.

«Но как же это могло получиться? — спрашивала я себя. — Кто мог рассказать эту историю? Ведь лошади не говорят.»

Я повернула книгу. «Лев Толстой» было написано на обложке. Лев Толстой рассказал мне о Холстомере. Откуда же он узнал? Как понял?

— Мне нужно увидеть Льва Толстого! — крикнула я с порога, входя домой. — Мне нужно его спросить...

— Он умер, — сказала, подходя ко мне, бабушка. — Давно. Задолго до твоего рождения. Что с тобой случилось? Успокойся!

Я села тут же, на пороге.

— Ах, мне надо знать... Как, как же он сумел узнать всё, что думал Холстомер?..

— Он сам это придумал, — улыбнулась бабушка. — Тебе же говорили в школе, что книги сочиняются писателями. Ты, я вижу, сегодня познакомилась ещё с одним из них. Лев Толстой знал, как живут лошади, любил их, а всё остальное придумал.

Я пробормотала:

— Сам придумал?..

Неужели можно так придумать? Ведь Холстомер стал мне ближе моего соседа по парте, с которым я сидела рядом три года и не могла понять, почему он весь урок вертится, толкается, дёргает меня за косы. Пожалуй, сегодня Холстомер, рассказав о своих мучениях, помог и мне понять мальчика-соседа.

Однако было ясно, что сам о себе Холстомер рассказать не мог, и я вернулась к бабушке.

— Значит, я познакомилась не с Холстомером, а с писателем? Значит, это совсем не просто быть писателем?

Бабушка посмотрела на меня строго. Потом её глаза стали ласковыми. Она улыбнулась.

— Я до сих пор не меньше тебя удивляюсь писательской силе Льва Толстого... Но даже ему больших трудов стоили его сочинения. Он много учился, много работал... Иногда, чтобы написать несколько строк, ему приходилось читать груды книг, спрашивать десятки людей, много дней думать...

— Значит, трудно, — сказала я.

Долго ещё не оставляла меня беспокойная мысль: оказывается, пережить всё то, о чём я прочитала, меня заставил не Холстомер, а писатель Лев Толстой, с которым я сегодня познакомилась.

С. Полоцкая

Реки бегут в море

Сборник, лежащий перед нами, очень разнообразен: здесь и стихи, и рассказы, и отрывки из романов и повестей. Вы встретите здесь много новых для вас имён: в книге собраны произведения многих писателей — старых и молодых. Все они живут в Башкирии, на реке Белой, по-башкирски — «Ак-Идель». «На берегах Ак-Идели» — так называется сборник.

Вы можете выбрать в этой книге рассказ или стихотворение по своему вкусу и желанию. Если хотите узнать о прошлом Башкирии, прочитайте грустные, правдивые и задумчивые рассказы родоначальника башкирской литературы Мажита Гафури или же отрывки из повести Сайфи Кудаша. О жизни ребят и молодёжи современной Башкирии, жизни, насыщенной замечательными событиями, вы узнаете из произведений Чагита Агиша, Гайнама Амири, Кирэя Мэргена... Если интересуетесь поэзией, познакомьтесь со стихами Мустая Карима, Рашита Нигматина, Кадыра Даяна, Назара Наджми и других башкирских поэтов; многие из них придутся вам по душе.

Но лучше всего прочитайте весь сборник подряд, от начала до конца. Тогда вам покажется, что вы прочитали одну интересную повесть. Герой этой повести в прошлом жил в тёмном и тесном углу, не видя ничего, кроме своих несчастий. Теперь у него широкие горизонты, светлый творческий ум и сердце, которое вмещает «...трель жаворонка, шелест тополиный и времени неудержимый бег...» (М. Карим «Думы»).

Эта книга создана народом, который революция вывела на широкий путь. Путь его похож на путь реки Ак-Идель: слабым ручейком начинаясь в горах, разливается она всё шире и шире и, соединившись с Камой и могучей Волгой, несёт свои воды в безбрежное море.

Ю. Новикова

Петя Самохвалов, о котором мы рассказывали в прошлом номере, или Могусам, как его прозвали ребята, конечно, преувеличивал, говоря о своих товарищах, что они ничего не умеют делать. Кое-что умеют и другие ребята из 6-го «А».

Есть тут конструкторы — строители планёров и самокатов. Есть фотограф, есть баянист. Новичок Боря Громов вышивает гладью и может булавку забить в доску и не согнуть. Шура Козлова рисует хорошо, Валя Сеницына научила ребят гнуть фанеру, Тоня Галкина устроила микроскоп из капли воды...

Но кое в чём Могусам всё-таки прав. Стесняются, что ли, ребята применить свои таланты или решимости не хватает у них, только не раз случалось, что за общее дело никто не хочет браться. Кроме Могусамы, конечно. Этот за всё берётся.

Вот недавно у Тони Галкиной дома почему-то подошли все рыбки, и родители решили совсем выбросить аквариум. Ребята узнали об этом, пошли к Маврикию Корнеевичу, и он разрешил поставить аквариум в классе.

В субботу принесли аквариум. В воскресенье чуть не всем отрядом пошли в зоомагазин, купили макроподов, чёрных вьюнов и ещё каких-то рыбок, в понедельник заселили аквариум, а в среду решили сменить воду.

Как за это взялся, никто не знал. Стали было кружечкой черпать, да где там! Кружечка маленькая, аквариум большой... Хотели уже просить нянечку, но тут вызвался Могусам:

— Стойте, ребята, я сам, минуточку!

Он притащил кусок резиновой трубки, сунул её в воду. На стол рядом с аквариумом поставил ведро, потянул из трубочки ртом, хлебнул воды, сплюнул и конец трубки сунул в ведро.

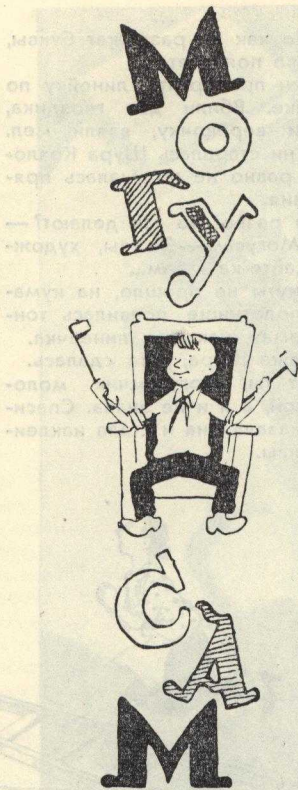
— Сейчас пойдёт, — сказал он. — Как бензин у шофёров. Не выдал ли? Очень удобно...

Но вода почему-то не пошла. Могусам опять потянул, глотнул даже мутной воды, а вода не бежит. Он утёрся ладонью, в третий раз потянул — та же картина. Тут Шура Козлова не выдержала.

— Слушай, Могусам, — сказала она, — ты, что же, так всю воду один и выпьешь?

— И не собираюсь пить, — огрызнулся Могусам, — она сама побежит!..

— Не побежит, — раздалось сзади. Это Маврикий Корнеевич во-

Н. Андреев

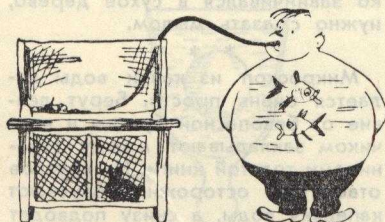
шёл незаметно в класс и смотрел, что тут происходит.

— А у шофёров-то бежит? Факт! — сказал Могусам и снова взялся за трубку.

— А у тебя не бежит. Тоже факт! — засмеялся Маврикий Корнеевич. — Придумал ты хорошо, но кое-чего недодумал, недоглядел. Приглядишься, это полезно.

...А наутро в отрядной газете появилась карикатура: «Могусам — человек-аквариум».

Но Могусам не сдался. На другой день он, как ни в чём не бывало, поставил ведро на табуретку, сунул трубку в аквариум, потянул... Его было подняли на

«Могусам — человек-аквариум».

смех, но вода побежала. Да ещё как, прямо будто из крана!

А два дня спустя я сидел вечером, читал. Слышу, стучит Могусам. Я его по стуку узнаю. У него и стук такой же, как он сам, — решительный, уверенный, настойчивый.

— Ну, что тебе? — спрашиваю.

— Лестницу на минутку.

А у меня в комнате книги до самого потолка, и, чтобы достать их, сделана лесенка, самая простая.

— Ну, что же, — говорю, — возьми. Тебе куда лезть-то?

— Да в кухне лампочка перегорела. Хотели дядю Сашу звать, а я решил сам...

— Стой, — говорю я, — сам-то сам, а к чему ты её приставишь? Лампа посередине висит.

— А я у Гусевых взял ещё лестницу. Ну и приставлю лестницу к лестнице, вот так, как у монтеров. Очень удобно, — сказал Могусам и сложил ладони шалашиком.

— Ну, давай, действуй. Только осторожно. Не свались! Может, помочь тебе, подержать?

— Не свалюсь, — сказал Могусам и ушёл с лестницей.

Прошло минут десять. Слышу, грохот. Бросился в кухню, а там уже со всей квартиры собрался народ. Зажгли свечу, смотрим: две лестницы лежат на полу, связанные верёвкой, а Могусамы нет. Посмотрели вверх: он там висит под самым потолком, за крючок зацепился какой-то верёвкой и, главное, молчит.

Общими силами подняли лестницы, подставили под него. Могусам быстро вывинтил лампочку, сунул её в карман, достал новую, ввинтил и тогда уж только спустился к нам.

Не хотелось мне его ругать, но не выдержал.

— Ну как, — говорю, — так можно?! Я же предупреждал: не свались!

— А я и не свалился, — отвечает он. — У меня на этот случай защитное приспособление, как у верхолазов. Это лестница свалилась, а не я.

— Так-то оно так, но лучше бы ты всё-таки таких вещей не делал. Почему? — удивился Могусам. — Не связал бы я лестницу, как бы вы меня достали? Пошли бы к дяде Саше за стремянкой, а я бы всё и висел? Спасибо!

А за стремянкой кто-то действительно уже побежал, и пока мы обсуждали это дело, явился дворник дядя Саша. Он осмотрел могусамово сооружение, потрогал и говорит:

— Это ты ловко сочинил. Низы бы только ещё верёвкой связать — никуда бы она не разъехалась. А так, конечно, полный конфуз получился. Ты, парень, в другой раз будь приметливей.

А ещё через день решил я приделать к подоконнику доску — кормушку для голубей. И доски подходящие нашлись: по длине как раз, только широки немного. Я взял топор, прикинул, нацелился. Бац!

Доска разлетелась, да только не так, как мне хотелось. Слой косым оказался, по слою и пошло. Я другую взял. Бац! И другая так же. Только я наладился третью колоть, Могусам тут как тут.

— Опять на лучину пустите. Дайте я сам...

Взял ножовку, прочертил на доске, сколько нужно снять, и поперёк доски раз, раз, раз ножовкой. Сделал надрезы от края до черты, а потом топором сколот все кусочки.

Тут уж все признали Могусам мастером и приколачивать доску доверили ему.

И в школе тоже заслужил Могусам «молодца», да ещё от кого! Взялись шестиклассники сделать лозунг для пионерской комнаты. Вырезали буквы из бумаги, расстелили материю на полу в коридоре.

Но как ни разложат буквы, всё криво получается.

Решили прочертить линейку по верёвочке. Вбили два гвоздика, натянули верёвочку, взяли мел. Но как ни старалась Шура Козлова, всё равно не получалась прямая линия.

— Да разве это так делают? — сказал Могусам. — Эх вы, художники! Дайте-ка я сам...

И минуты не прошло, на кумачовом полотнище появилась тонкая, прямая, как луч, линейка.

Тут даже Шура, и та сдалась.

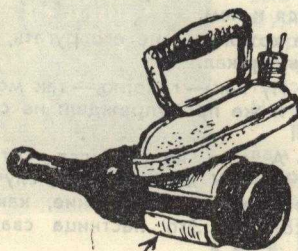
— Вот ты, Могусамчик, молодец какой, а я и не знала. Спасибо! — сказала она и стала наклеивать буквы.

С О В Е Т Ы М О Г У С А М А

Фанеру можно согнуть так.

Её смачивают с обеих сторон, а потом каждую сторону проглаживают горячим утюгом (лучше электрическим). Потом сгибают фанеру по шаблону (по бутылке,

ФАНЕРА

например) и ещё раз проглаживают утюгом по внешней поверхности.

* * *

Чтобы прочно забить гвоздь в каменную стену, сначала нужно сделать шлямбур — стальную трубочку, на одном конце которой трёхгранным напильником пропилены зубчики. Ударяя по шлямбур молотком, пробивают в сте-

ДЕРЕВО

не дырку глубиной в 6—7 сантиметров. В дыру плотно забивают деревянную пробочку подходящей длины и толщины, а в пробочку вколачивают гвоздь.

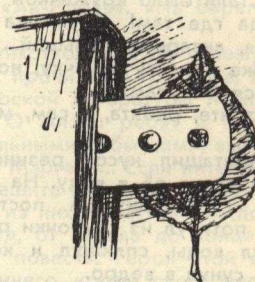
* * *

Чтобы забить булавку в доску, нужно обрезать у неё кончик — вот и всё. А шуруп, чтобы он легко заворачивался в сухое дерево, нужно смазать мылом.

* * *

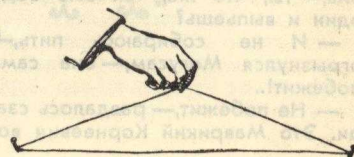
Микроскоп из капли воды делается очень просто. Берут лезвие от безопасной бритвы и кончиком закладывают между страницами толстой книги. На круглое отверстие осторожно опускают капелюшку воды, а снизу подводят под каплю предмет, который нужно рассмотреть. Нужно только так расположить микроскоп, чтобы

свет падал на предмет, который рассматривают.

* * *

Материю Могусам расчертил так: натянул верёвочку на гвоздики, натёр её мелом. Взялся за середину верёвки, оттянул её пальцем кверху и отпустил. Верёвка ударились о материю, стряхнула мел и оставила совершенно прямую линию.

ЖИДКИЙ ШАР

Трудно представить, что вода, выплеснутая из стакана, может в виде шара летать по комнате. Такое явление смогут наблюдать только будущие межпланетные путешественники в каюте ракеты, где не будет земного притяжения. Вода, освобождённая от силы тяжести, сможет принять свою естественную форму — форму шара.

Но и на земле вам всем, конечно, приходилось видеть капли росы и шаровидные капли воды на шерстяной материи или на какой-нибудь жирной поверхности. Капли эти бывают не совсем круглыми — от собственной тяжести они слегка сплюснуты. Чем капля меньше, тем больше она похожа на шар.

Но когда жидкости много, она под влиянием своего веса растекается и принимает форму сосуда, в который она налита. Только в небольших сосудах, например, в переполненной рюмке, чашке или стакане, можно увидеть, как вода образует над краями немного выпуклую поверхность. Это всё, что осталось от её шарообразной формы.

Конечно, мы с вами не можем избавиться от земного притяжения, но мы можем создать условия, при которых жидкость станет как бы невесомой.

Накапайте в рюмку несколько капель растительного масла, затем налейте в неё до половины денатурированного спирта или тройного одеколона. Масло тяжелее спирта, и поэтому оно соберётся на дне рюмки.

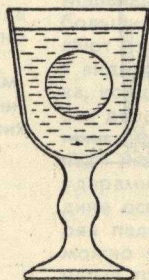
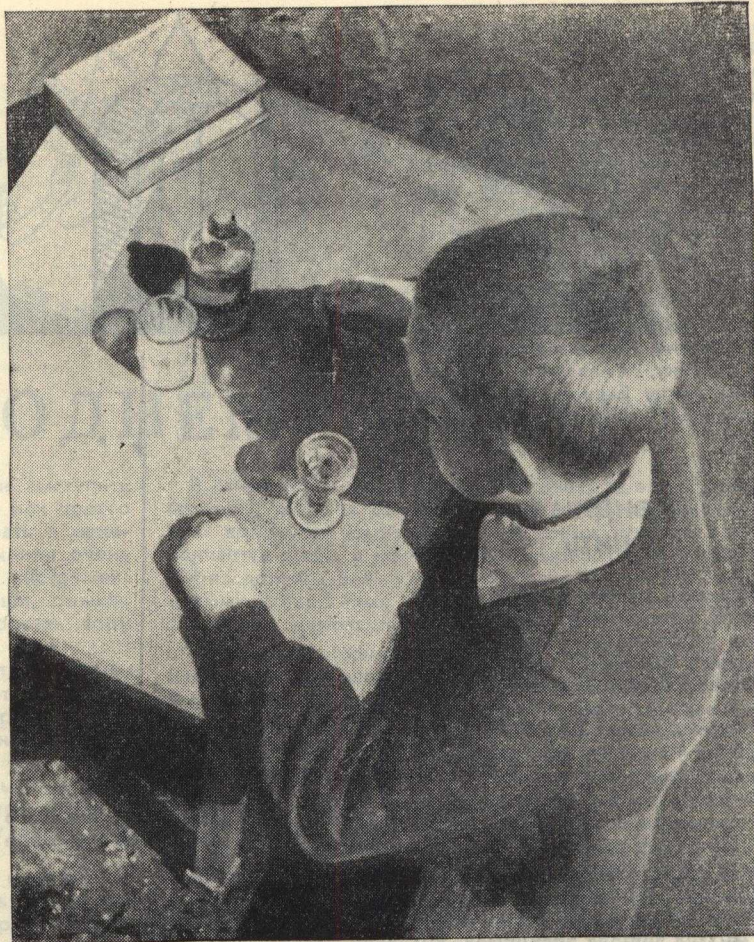
Теперь понемногу подливайте в рюмку воду, осторожно помешивая спирт палочкой, чтобы он равномерно смешался с водой. И скоро вы увидите, как шарик масла, оторвавшись от дна, станет мед-

ленно подниматься. Теперь прекратите подливать воду и добавьте в рюмку немного спирта или тройного одеколона. Нужно добиться, чтобы капелька масла, принявшая форму шарика, немного опустилась, «повисла» в рюмке на некоторой глубине. Это произойдёт тогда, когда удельный вес масла и смеси спирта с водой станет одинаковым.

Наберите в пипетку растительного масла и выпустите его в масляный шарик. Повторите это несколько раз. Шарик будет делаться всё больше и больше. Наблюдать его лучше всего сверху, а не через изогнутое стекло рюмки.

Если вы попытаетесь палочкой изменить форму масла в рюмке, оно через несколько мгновений снова примет форму шара.

Почему же это происходит? Потому, что на масло действует сила поверхностного натяжения. Благодаря взаимному притяжению мельчайших частиц — молекул —

жидкость как бы окружена упругой плёнкой. Плёнка эта стремится сократиться; она стягивается до тех пор, пока не образуется самая небольшая поверхность. А такой поверхностью может быть только поверхность шара. Когда жидкости мало, образуется круглая капля, а когда жидкости много, плёнка не в силах её удержать, и под действием силы тяжести жидкость растекается.

Поверхностная плёнка воды может удержать на себе такой груз, как лезвие безопасной бритвы или иголку, смазанные тонким слоем жира. Если вы осторожно положите их на воду, они не потонут.

НЕВИДИМАЯ НИТЬ

Возьмите тонкую иголку и проденьте в неё нитку. Один конец нитки укрепите на столе, а другой завяжите узелком.

Подвесьте магнит над столом на такой высоте, чтобы иголка, натянув вертикально нитку, не доходила до магнита на несколько миллиметров.

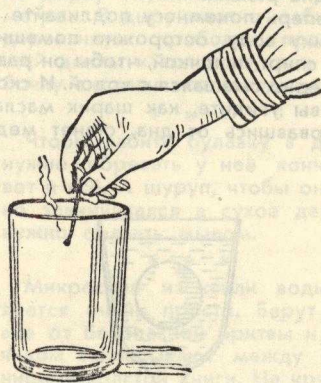
Иголка в таком положении как бы привязана двумя нитками. Одна нитка настоящая, она держит иголку на привязи, не пуская её вверх. Если её перерезать, иголка подпрыгнет и прилипнет к магниту. Другая «нитка» невидимая: это магнитные силовые линии стремятся притянуть иголку к магниту. Их можно «перерезать» только таким предметом, который сам способен притягиваться к магниту, например, стальным ножом или кусочком жести. Магнитные силовые линии не дойдут до иголки через сталь или железо, и иголка упадёт.

Если провести между иголкой и магнитом картоном, стеклом или пластмассовой пла-

стинкой, они не окажут никакого влияния на магнитные силовые линии.

ОПЫТЫ С СУХИМ ЛЬДОМ

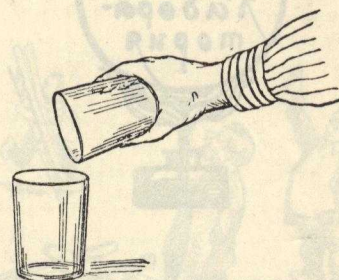
Сухой лёд можно достать у продавцов мороженого. Это углекислый газ в твёрдом виде. У него очень низкая температура — 79 градусов ниже нуля. На воздухе при обычной температуре он не тает, не становится жидким,

а сразу превращается в газ. Поэтому и называют его сухим льдом.

Если положить кусочек сухого льда в пустой стакан, то он очень медленно, «дымая», превратится в невидимый углекислый газ, который заполнит весь стакан. Он тяжелее воздуха и никуда из стакана не уйдёт. Опустите в стакан горящую спичку — она потухнет, потому что углекислый газ не горит и горения не поддерживает.

Углекислый газ можно перелить из одного стакана в другой.

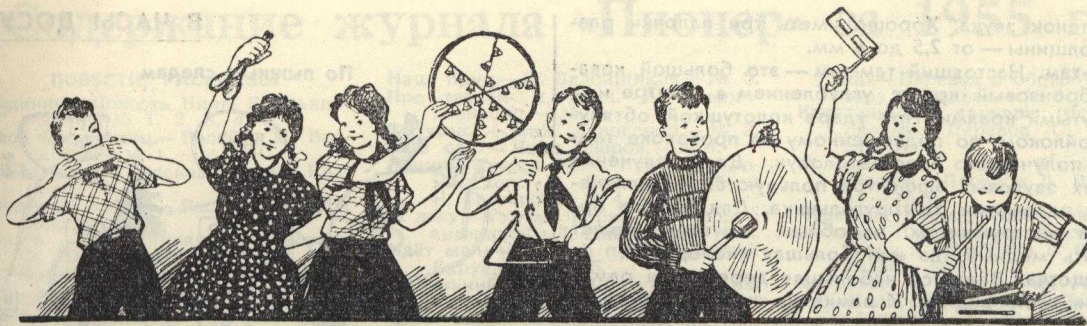

Со стороны будет казаться, что вы переливаете из пустого в порожнее, и только горящая спичка поможет обнаружить, в каком стакане углекислый газ.

В пустом стакане сухой лёд испаряется очень медленно, потому что воздух — плохой проводник тепла и сухой лёд нагревается медленно. Но стоит налить в стакан с сухим льдом воду, как начнётся бурное выделение углекислого газа. Вода бурлит, и над стаканом висит облачко тумана.

Если под рукой не окажется сухого льда, можно самим добыть углекислый газ, насыпав в стакан две — три чайные ложки толчёного мела и полив его соляной кислотой, которая продаётся в любой аптеке.

Ф. Рабиза

К НОВОГОДНЕМУ ВЕЧЕРУ

Хорошо организовать свой оркестр и выступить с ним на новогоднем вечере около ёлки или просто на сборе отряда. Ребят, желающих играть в оркестре, всегда найдётся много. А инструменты очень просто сделать самим. На самодельных инструментах можно великолепно исполнять марши, польки, вальсы, различные песенки, аккомпанировать хору или певцу.

Многое здесь, конечно, будет зависеть от музыкальности и изобретательности руководителя вашего оркестра. Неплохо, если в оркестре, кроме самодельных, будут и настоящие музыкальные инструменты: гитары, балалайки, скрипки...

В каждом оркестре есть инструменты, которые ведут мелодию. В симфоническом оркестре — скрипки, в нашем мелодию прекрасно могут вести гребёнки.

Гребёнка. Пригодна любая расчёска, и с густыми и с редкими зубцами. Нужно только взять листик папиросной бумаги, который по размеру немного больше гребёнки, плотно прижать бумагу к ней, а потом со стороны бумаги выдувать любой мотив без слов. Получится музыкальный инструмент с громким звенящим звуком. Таких «скрипок» в оркестре может быть штук шесть — восемь.

Соломенная дудочка. Берётся одно прямое коленце толстого стебля ржаной соломы или камыша. У узла соломы делают надрез в виде тоненького язычка. Если взять этот конец соломинки с язычком в рот и слегка подуть, получится своеобразный высокий звук. Сделав на трубке два — три отверстия, можно получить звуки разной высоты и тона.

Деревянная труба. Кусок дерева — осины, берёзы или липы — длиной 500 мм раскалывают пополам по длине. В обеих половинках выдалбливают или выжигают желобок, диаметр которого постепенно расширяется от 10—12 до 100 мм. Затем половинки складывают и подгоняют друг к другу, плотно обёртывают берестой и аккуратно заклеивают. Играют на такой трубе, складывая губы в узкую щель.

Свирель. Её можно сделать из пустотелого ствола дягиля, из камыша или просто из куса осторожно снятой липовой коры.

Длина свирели — 500—600 мм, диаметр — 10—15 мм. Бывают свирели и меньшего размера. На одной линии по длине свирели делают три — пять небольших пальцевых отверстий.

В свирель можно вставить свисточек, то есть с той стороны, которая берётся в рот, вставить деревянную пробку с узкой щелью. В конце пробки, где кончается щель, в коре сделать вырез. Щель и этот вырез должны разместиться на одной линии с пальцевыми отверстиями. Другой конец свирели наглухо затыкается деревянной пробкой.

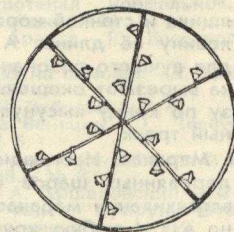
На свирели можно играть и без свистка. Но тогда надо уметь по-особому прижимать кончик языка к свистковому отверстию.

В настоящих оркестрах всегда есть инструменты, которые отбивают ритм. В самодельном оркестре таких инструментов может быть несколько.

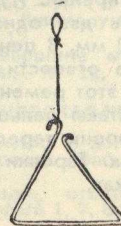
Барабан. Здесь можно ничего не придумывать и использовать обыкновенный пионерский барабан. Но дробь можно отбивать и на стуле и на табуретке.

Кастанеты. Вместо них можно взять две деревянные ложки. Обе ложки держат в одной руке выпуклой частью друг к другу, а между черенками пропускают палец, чтобы разъединить ложки. Удары ложки о ложку дают резкий стрекочущий звук.

Бубен. Его очень просто сделать самим. На деревянный обруч натягивают крест-накрест три проволоочки, унизанные маленькими бубенчиками или другими звенящими побрякушками. С одной стороны бубен можно затянуть плотной пергаментной бумагой, сложенной вдвое. Бубен держат в правой руке. При малейших встряхиваниях или самых лёгких ударах пальцами левой руки по обручу бубенцы вздрагивают и позвякивают.

Треугольник. Для оркестра надо сделать несколько треугольников различной толщины и размеров. Маленькие треугольники дают звук высокого тона, большие — более низкого. Такие инструменты делают из стального прута, его сгибают в виде равнобедренного треугольника, концы не соединяют, углы на сгибах делают закруглёнными. Треугольники подвешивают на жильных струнах или на проволочках. Лёгкими ударами стальной палочки по середине основания извлекают звук. Ударяя палочкой в угол треугольника, можно получить красивые, переличатые трели. Толщина палочки влияет

на оттенок звука. Хорошо иметь три палочки разной толщины — от 2,5 до 6 мм.

Там-там. Настоящий там-там — это большой кованый бронзовый круг с углублением в центре и с отогнутыми краями. При ударе колотушкой, обтянутой войлоком, по подвешенному на проволоке там-таму получается красивый звук. Для получения особых звуковых эффектов пользуются металлическими палочками от треугольника. Для нашего оркестра инструментом, подобным там-таму, может служить медный таз или большая сковорода.

Трещотка. Делается небольшая деревянная рамка с планкой посредине. К рамке на железных петельках приделывается зубчатое колёсико на рукоятке.

Прикрепить его надо так, чтобы вся рамка могла свободно вращаться вокруг рукоятки. В рамочку под планку продевается тонкая фанерная пластинка, которая одним концом лежит на зубце колёсика. При вращении конец пластинки, соскакивая с зубца на зубец, производит сухой треск. Сила звука трещотки зависит от размеров рамки и пластинки, частота звуков — от величины зубцов и от того, как туго пластинка прилегает к зубцам. Трещотку

держат за рукоятку в правой руке и резким взмахом руки заставляют рамку сделать нужное количество оборотов. Звучит трещотка очень сильно и резко.

Деревянные коробочки. Этот музыкальный инструмент имеет форму кирпичиков разного размера с длинной сквозной щелью. Делают коробочки из различных сортов хорошо высушенного дерева. От ударов деревянными палочками по верху коробочки получают характерные щёлкающие звуки.

Для негромкого сильного исполнения можно приспособить пустой спичечный коробок. Для этого между дном и стенкой коробочки вставляют спичку на половину её длины. А с противоположной стороны для лучшего резонанса в крышке спичечного коробочка вырезают окошечко. Лёгкие удары палочкой снизу по концу высунувшейся спички дают своеобразный треск.

Маракас. Настоящий маракас — это пара пустых деревянных шаров с сухим горохом внутри. При встряхивании маракас издаёт глуховатый шум. Можно взять любую круглую или квадратную деревянную коробку, насыпать в неё сухих горошин. И музыкальный инструмент готов.

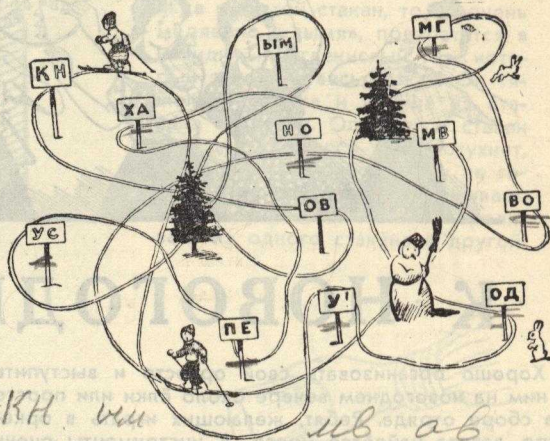
Металлическая метёлочка. Такой метёлочкой играют на барабанах или на подвешенных тарелках. Сделают метёлку просто. Надо взять двадцать кусочков проволоки диаметром примерно 0,5 мм и длиной 200 мм, связать их в пучок, приделать к ручке, а свободные концы провололочек распустить.

Тарелки. Из любого тонкого листа металла вырезать два одинаковых круга диаметром по 300—450 мм. В центре круга сделать углубление, а в нём два отверстия, через которые продевают ремень. За этот ремень держат тарелку. Чтобы предохранить суставы пальцев от ударов о тарелку, с наружной стороны тарелки на ремень надевают суконный кружок. Тарелки держат одинаково в правой и левой руках.

Т. Харьковская

В ЧАСЫ ДОСУГА

По лыжным следам

Ребята расставили в детском парке дощечки с буквами и предложили лыжникам все их объехать в таком порядке, чтобы по буквам можно было прочитать слова новогоднего приветствия. Двое лыжников, которых вы видите на картинке, справились с этой задачей, совершив кольцевой маршрут.

Не скажете ли вы, ребята, приглядевшись к лыжным следам, что прочитали лыжники?

Ответы на задачи, помещенные в №№ 9, 10, 11

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

1. Пришил кафтан к пуговице.
2. В чужом глазу соринку видит, а в своём бревна не замечает.
3. Променил кукушку на ястреба.
4. Не гони коня кнутом — гони овсом.
5. После драки кулаками не машут.
6. Тех же шей, да пожизне влей.
7. Много слов, да дела мало.
8. Иголкой дорогу не меряют.
9. Шила в мешке не утаишь.
10. Волков бояться — в лес не ходить.
11. Как волка ни корми — всё в лес смотрит.
12. Ложкой моря не вычерпать.

ВЕСЕЛЫЕ УРАВНЕНИЯ

Чтобы уравновесить мальчика, надо шесть уток.

ДВА СТАКАНА ЧАЮ

Скорее остынет чай в стакане с ложечкой: металл лучше стекла проводит тепло, кроме того, ложка увеличивает площадь охлаждения.

НАЗОВИТЕ ФАМИЛИИ МАЛЬЧИКОВ

Витя Смирнов, Петя Королёв, Коля Вавилов, Саша Волков.

КРОССВОРД «ЗАГАДКИ»

По вертикали: 1. Санки. 2. Сноп. 3. Замок. 4. Комар. 5. Невод. 6. Самолёт. 7. Ромашки. 8. Скоба. 9. Топор. 10. Буквы. 11. Крот. 12. Седло.

По горизонтали: 4. Кошка. 13. Самовар. 14. Кочан. 15. Сахар. 16. Мороз. 17. Плот. 18. Паук. 19. Лейка. 20. Лодка. 21. Арбуз. 22. Ветер. 23. Свириль.

Содержание журнала «Пионер» за 1955 год

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

- Родники.— Повесть Нины Емельяновой.— №№ 1, 2, 3, 4, 5.
Свой баснописец.— Рассказ М. Бремерера.— № 1.
Закон моря.— Рассказ Андрея Иванова.— № 2.
Лодочный мотор.— Рассказ Иосифа Дика.— № 2.
Шпага д'Артаньяна.— Повесть А. Перфильевой.— № 3.
Кастанеты.— Рассказ И. Дика.— № 4.
Там, где зимуют птицы.— Рассказ Г. Скребицкого.— № 4.
Секрет «семёрки».— Научно-фантастический рассказ В. Сапарина.— № 4.
Новые друзья.— Повесть М. Бремерера.— № 5.
На разливе.— Рассказ М. Зверева.— № 5.
На озере Светлом.— Повесть Вл. Гравишника.— №№ 6, 7.
Таинственный остров.— Рассказ Н. Богданова.— № 6.
Ночью.— Рассказ Г. Кубанского.— № 6.
Безымянной тропой.— Рассказы Н. Сладкова.— № 6.
Охотники за лисцом.— Рассказ М. Зверева.— № 7.
Северные мореходцы.— Рассказы Б. Шергина.— № 7.
Дети шкипера Горячкина.— Енисейская быль. И. Назаров.— № 8.
Команчи на тропе мира.— Рассказ В. Поллачека. Перевод с немецкого П. Печалиной и Е. Рубцовой.— № 8.
Его глаза.— Рассказ Юзефа Хена. Перевод с польского З. Штаталовой.— № 8.
Тихое утро.— Рассказ Юрия Казакова.— № 8.
Рассказ о двух реполовах.— Е. Судаклова.— № 9.
На заоблачной высоте.— Рассказы В. Корзуна.— № 9.
Амангельды.— Рассказ Ивана Багмута. Перевод с украинского Вл. Россельса.— № 9.
Практикантка.— Рассказ Е. Каралиной.— № 9.
Добро и зло.— Рассказ Б. Емельянова.— № 9.
Саша и Шура.— Повесть А. Алексина.— № 10.
Тень земли.— Главы из повести С. Григорьева.— № 10.
Рифмы.— В. Шергин.— № 10.
Мерген.— Рассказ М. Зайцева.— № 10.
Я стал большим парнем.— Повесть Никуцэ Тэнасе. Перевод с румынского Л. Каменской и В. Файнберга.— №№ 11, 12.
Солнечные тропы.— Рассказ С. Воскресенского.— № 11.
Выводок.— Рассказ Г. Фаста. Перевод с английского Н. Галь.— № 11.
Матвеева радость.— Рассказ В. Шергина.— № 11.
«Марь Иванна».— Рассказ Ю. Сотника.— № 12.
На неуправляемом воздушном шаре.— А. Бруштейн.— № 12.

СТИХИ

- Вышиватель.— В. Лифшиц.— № 1.
Почему телёнок стал бодливым.— Кудзус Мухаммади. Перевод с узбекского Н. Гребнева.— № 1.
Петя — лыжник-теоретик.— Мих. Львовский.— № 1.
Митины каникулы.— Я. Аким.— № 1.
Три значка.— Е. Трутнева.— № 2.
Скрипач.— В. Заходер.— № 2.
Обнова.— Геннадий Мамлин.— № 2.
С добрым утром!— Зинаида Александрова.— № 3.

- Наш пруд.— Г. Ладонщиков.— № 3.
Про зверей и птиц.— А. Оленич-Гуененко.— № 3.
Фигурист.— Мих. Львовский.— № 3.
Наш сад.— Иван Озеров.— № 4.
Ленин.— Геворг Эмин. Перевод с армянского Е. Николаевской и И. Снеговой.— № 4.
В лесу.— Гурген Борян. Перевод с армянского Л. Гинзбурга.— № 4.
Идёт мальчишка на парад.— Сергей Баруздин.— № 5.
Маленький связной.— Тунг Тхань. Перевод В. Тушновой.— № 6.
Утро.— Иван Осмухин.— № 7.
Ручей.— Юрий Коринец.— № 7.
Кто нарисовал эту картину.— Муса Джангазиев. Перевод с киргизского Т. Стрешневой.— № 8.
Клад.— Геннадий Мамлин.— № 8.
Шире круг.— Песня С. Каца. На слова Я. Хелемского.— № 8.
О грамотее и больной ноге (По мотивам индийской сказки).— Виктор Гончаров.— № 9.
Охотник и соловей.— Мкртич Корюн. Перевод с армянского Бориса Тимофеева.— № 9.
Паутики.— Мих. Лапыгин.— № 9.
Бакием и Тукием.— Екатерина Шевелева.— № 9.
Художник.— Джанин Родари. Перевод с итальянского П. Грушко.— № 10.
Песнь о собаке и другие стихи.— Сергей Есенин.— № 10.
Медведь.— Фазиль Искандер.— № 10.
В подмосковном лесу.— Юрий Коринец.— № 11.
Смерть пионерки.— Э. Вагрицкий.— № 11.
Первые рисунки. Улыбка.— В. Берестов.— № 12.
Баллада о закрытии пионерского лагеря.— Ю. Ряшенцев.— № 12.

СКАЗКИ

- Туфельки для канарейки (Польская сказка).— Перевод и обработка Я. Немчинского и В. Арцимовича.— № 1.
Скрипка Гонзика (Чешская сказка).— Перевод Л. Большинцовой.— № 1.
Патила, Богач и бедняк (Болгарские сказки).— Перевод и обработка Н. Шерешевской.— № 1.
Монах и школьник (Китайская сказка).— Пересказ Н. Ходзы.— № 2.
Почему птичка улитцы осталась без перьев (Китайская сказка).— Перевод и обработка А. Гиттельсона.— № 2.
Три глупца (Бирманская сказка).— Перевод И. Архангельской.— № 2.
Мотылёк (Вьетнамская сказка).— Запись польского писателя Войцеха Жукровского. Перевод А. Былинского.— № 2.
Три сказки о Гонзе (Чешская сказка).— Перевод и обработка Л. Большинцовой.— № 3.
Понимайка и лось.— Херта Элина. Перевод с финского Л. Гоголя. Литературная редакция Л. Воронковой.— № 4.
Не догадался. Умный табиб. Заячий суп. «Я вспомнил козла».— Абдусалом Дехоти. Перевод с таджикского Н. Алембековой и Э. Лемперт.— № 6.
Лань и черепаха (Сказка индейцев Британской Гвианы); Приключения куницы (Сказка индейцев Бразилии).— Перевод и обработка Е. Штейнберг.— № 8.
Черепаха-победитель (Южноафриканская сказка).— Перевод и обработка Е. Померанцевой.— № 8.
Пятеро Петеро (Немецкая сказ-

- ка).— Перевод и обработка Виктора Вайдаева.— № 9.
Крестьянин и сеноры (Испанская сказка).— Перевод С. Гилянова.— № 9.
Польдино и судья (Итальянская сказка).— Перевод Л. Вершинина.— № 9.
Чудесная бурка. Находчивый бедняк (Грузинские сказки).— Перевод и обработка В. Орджоникидзе.— № 11.
Астролог и лекарь на Кашубах (Польская сказка).— Перевод и обработка Э. Лемперт.— № 12.
Три гроша (Словацкая сказка).— Перевод и обработка Н. Соловьёвой.— № 12.
Богач и бедняк (Литовская сказка).— Перевод А. Горского.— № 12.

СТАТЬИ И ОЧЕРКИ О РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРОШЛОМ, О ЖИЗНИ У НАС И ЗА РУБЕЖОМ

- Имя Ленина.— В. Емельянов.— № 1.
Первая ленинская листовка.— М. Мельникова.— № 1.
За правое дело.— Л. Кассиль.— № 2.
Дорога дружбы.— Г. Боровик.— № 3.
Воспоминания о В. И. Ленине.— В. Вонч-Бруевич.— № 4.
Десятая весна.— № 5.
Броненосец революции.— И. Лычев.— № 6.
Люди Чёрной долины.— Очерк Юрия Жукова.— № 7.
Варшава ждёт гостей.— Эдвард Карлович. Перевод с польского Я. Немчинского.— № 7.
На фестиваль в Варшаву!— № 7.
Моряки.— № 7.
Участники фестиваля.— № 8.
В октябре 1905 года (Воспоминания участника русской революции).— А. Горчилин.— № 10.
Как это было...— И. Голосовский, Е. Рубцова.— № 11.
Бак Зап.— Н. Загородный.— № 11.
Героический 1905 год.— № 12.

РАССКАЗЫ О СМЕЛЫХ ЛЮДЯХ

- «Полёт протекал нормально».— М. Черненко.— № 1.
На берегу Аракса.— Ю. Бессонов.— № 2.
«Тарту» идёт на помощь.— А. Хршановский.— № 3.
Граната.— Е. Рубцова.— № 4.
Это было в Венеции.— О. Чечёткина.— № 5.
В степях Казахстана.— Очерк Е. Каралиной.— № 8.
Лес идёт.— А. Хршановский.— № 9.
Экзамен Ани Супрун.— Очерк И. Голосовского.— № 12.

ИЗ ЗАПИСКО ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

- Через «Пустыню отчаяния».— Ф. Ф. Талызин.— № 1.
Битва морских гигантов.— И. Акимов.— № 2.
В долине гейзеров.— В. Давыдов.— № 3.
Поездка в Лондон.— С. Образцов.— № 6.
Приключения в лесах Бразилии.— Аркадий Фидлер.— № 10.
Как была покорена Джомолунгма.— Я. Аркин.— № 12.
На высочайшей вершине мира.— Тенсинг Норки.— № 12.

ШКОЛЬНАЯ И ПИОНЕРСКАЯ ЖИЗНЬ

- У нас в отряде (Письма о хорошем опыте пионерской работы).— №№ 1, 3, 11.
Наша почта (Письма, стихи, заметки ребят).— №№ 1, 7, 8, 9, 10.

В одной дружке (Письма и заметки ребят 358-й школы).— № 2.
 На кофейной гуще.— Фельетон Льва Успенского.— № 2.
 Смелая мысль, умелые руки.— Н. Митрофанов.— № 2.
 «Кляксы».— Юмористические рисунки ребят.— №№ 2, 12.
 А у вас?— Н. Александрова.— № 4.
 Кутузовские юннаты.— № 4.
 О мальчишке «Хочу—не хочу».— М. Лесков, капитан теплохода «Академик Крылов».— № 4.
 Твои друзья.— Рассказы о пионерах разных стран.— № 5.
 Воспитание характера.— Герой Советского Союза Алексей Маресьев.— № 5.
 Про наши летные дела.— Рассказы ребят.— № 6.
 Радость труда.— Очерк Л. Воронковой.— № 6.
 В одном походе.— Очерк Ю. Новиковой.— № 7.
 Колумбы Мещёрского края.— Очерк М. Поступальской.— № 8.
 В горах Ала-Тау.— № 8.
 Дорогие читатели «Пионера».— Приветствия и пожелания к началу учебного года.— № 9.
 Всё уметь.— Очерк Глеба Голубева.— № 9.
 Юные авиамodelисты Сталинграда.— Л. Почивалов.— № 10.
 ДЖД.— В. Соколовский.— № 11.
 О людях уверенных и самоуверенных.— Ю. Новикова.— № 11.
 По следам истории.— Письма пионеров о 1905 годе на Красной Пресне.— № 12.
 «Могусам».— Н. Андреев.— № 11, 12.

СПОРТ
 Храбрый капитан.— Рассказ Н. Александровой.— № 1.
 Как сделать хоккейную клюшку.— А. Новокрещенов.— № 1.
 Разговор с будущим чемпионом.— Н. Озолин.— № 5.
 Вратарь на месте.— В. Никаноров.— № 6.
 Стюардов кубок.— Вс. Дайреджиев.— № 6.
 Ссора.— Вс. Дайреджиев.— № 8.
 Золотой кубок гимнастов.— В. Кречетова.— № 8.
 Предела нет.— Очерк Д. Авериной, К. Александрова.— № 9.
 Продолжаем разговор.— А. Зинин.— № 11.
 Король лыж.— В. Викторов.— № 12.

НАУКА И ТЕХНИКА
 Властитель жизни.— Очерк Е. Рубцовой.— № 1.
 Летящая лаборатория.— А. Масенкис.— № 1.
 Секреты Арктики.— Рассказы учёных об исследованиях, ведущихся в Арктике.— № 3.
 Как Пушкина изменила привычки.— Очерк А. Дорохова.— № 3.
 Два столетия (К 200-летию МГУ).— Е. Рубцова.— № 5.
 Тайны яблони.— Садовод Н. М. Смирнов.— № 5.
 Загадки вокруг нас.— Советы и задания пионерам на лето.— № 6.
 «Инкубатор» в кустарнике.— Е. Линник.— № 6.
 Новые машины.— Н. Высоцкая.— № 6.
 История зонтика.— № 7.
 Потомки стегоцефалов.— Очерк И. Акимовской.— № 8.

Кузница на заводе.— № 8.
 Убийца деревьев.— Е. Линник.— № 8.
 Новорожденный.— № 8.
 Повелитель растений (О Мичурине).— Очерк Е. Рубцовой.— № 9.
 Глазами кино.— Очерк К. Домбровского, кинорежиссёра.— № 9.
 Город с двойным дном.— Очерк К. Шнейдер.— № 10.
 На широком экране.— Ю. Моралевич.— № 10.
 Стальные руки.— А. Некрасов.— № 11.
 Быстрее звука.— Очерк Антона Захарова.— № 11.
 Атомная станция.— Очерк Г. Остроумова.— № 12.

ПОЧЕМУ И ОТЧЕГО

(Ответы на вопросы читателей)

Два капитана.— М. Влизванков; Зашита и нападение.— Е. Минина; Семь дней.— М. Рябова.— № 2.
 Странный колос.— Д. В. Горюнов; Деа хрустала.— М. Рябова; Белые следы.— В. Вендеров; Из огня да в полымя.— Профессор П. А. Мантейфель.— № 5.
 Шесть названий.— В. Беклешов; Про сон и сновидения.— Э. Вербатков, врач; Ночные певцы.— П. А. Мантейфель.— № 7.
 Золотой цехин.— С. Янина; Чатуранга.— В. Люблинский; На Луну.— Е. Владимиров.— № 8.
 Про стекло.— К. Я. Сайкин, стеклодув; Странники Вселенной.— И. Т. Зоткин; Первая пушка.— Э. Г. Аствацатурян.— № 9.
 Источник жизни.— Е. Владимиров; Удивительный лимон.— Д. Горюнов; Загадка меловых гор.— В. Трофимов.— № 11.
 Холодный свет.— А. А. Егорова; Можно ли огонь залить водой.— Ю. Моралевич; Самая маленькая рыба.— Профессор В. С. Ильин.— № 12.

МАСТЕРСКАЯ «ЗОЛОТЫЕ РУКИ»

Огород без земли.— А. Новосёлов.— № 1.
 Ветродвижитель.— Н. Митрофанов.— № 5.
 Зоосад в пионерском лагере.— Н. Митрофанов.— № 6.
 Железная дорога.— Н. Митрофанов.— № 7.
 Учитесь вязать.— М. Гай-Гулина.— № 11.
 К новогоднему вечеру.— Т. Харьковская.— № 12.
 Занимательная лаборатория.— Ф. Рабиза.— №№ 9, 12.

ИСКУССТВО

В цирке.— Маленькие рассказы артистов цирка.— № 1.
 Подвиг художника (О А. Г. Венецианове).— И. Халтурин.— № 2.
 То, чего мы не видим.— Ю. Новикова.— № 3.
 Чуан хуа.— Н. Николаева.— № 4.
 Полярная быль.— В. Гвайта.— № 6.
 Сокровища Дрезденской галереи.— А. Замятин.— № 7.
 Рисовать могут все.— В. Константинов.— № 8.
 Правда жизни (К 25-летию со дня смерти И. Е. Репина).— М. В. Кожин.— № 9.
 Игрушки китайских ребят.— В. Старики.— № 11.

В МИРЕ КНИГ

Тайна «Зелёного дола» (О повести С. Антонова).— Н. Макарова.— № 1.
 Две книжки про автомобили (О книгах В. Иерусалимского «Рядом с водителем» и «Наши автомобили»).— А. Дорохов.— № 1.
 Письмо к читателям.— Л. Воронкова.— № 2.
 О друзьях—товарищах (О книге А. Милаяского «Артек»).— № 2.
 Книги о Китае.— № 2.
 Зелёные путешественники (О книге Н. Верзилина «Путешествие с домашними растениями»).— В. Константинов.— № 2.
 «Дон Кихот».— № 2.
 Зоины герои.— Ф. Вигдорова.— № 3.
 Повесть о большой мечте (О книге Г. Фаста «Тони и волшебная дверь»).— С. Баруздин.— № 3.
 Книга будет продолжена.— Г. Скребицкий.— № 3.
 Великий сказочник (Об Андерсене).— Е. Русакова.— № 4.
 Книги о В. И. Ленине.— № 4.
 О тех, кто нравится поэту (О книге Р. Рашидова «Дети такие мне нравятся очень»).— С. Баруздин.— № 4.
 Всегда с нами (Очерк о В. Маяковском).— Евг. Евтушенко.— № 4.
 Великий поэт Германии (О Ф. Шиллере).— К. Паустовский.— № 5.
 Повесть о мальчишке Реми и его друзьях (О книге Г. Мало «Без семьи»).— Ю. Новикова.— № 5.
 «Граница в огне».— В. Беляев.— № 5.
 С киноаппаратом через пустыню (О книге Р. Кармена «Автомобиль пересекает пустыню»).— А. Дорохов.— № 6.
 Для тех, кто отправляется в поход.— И. Орловская.— № 6.
 Волшебная лупа.— №№ 6, 9, 10.
 Читатели о писателе (К 50-летию Л. Кассиля).— № 7.
 По следам слова.— Л. Успенский.— № 8.
 Спутник пятнадцатилетнего капитана (Об одноимённой книге А. Антушина и Л. Успенского).— А. Некрасов.— № 8.
 Юная армия (О книге Г. Миросниченко «Юнармия»).— И. Орловская.— № 8.
 Книги по фотографии.— № 8.
 Полярная звезда.— Л. Чуковская.— № 9.
 Дело мастера боится (О сборнике «Умелые руки»).— № 9.
 Роман о венгерских витезях (О книге Геза Гордони «Звёзды Эгера»).— И. Рахтанов.— № 10.
 Судьба сказки (О сказке П. Ершова «Конёк-Горбунок»).— Ю. Новикова.— № 10.
 Эдуард Багрицкий.— В. Сарнов.— № 11.
 Великий поэт польского народа (О Мицкевиче).— А. Дирингерова.— № 11.
 Обыкновенное чудо (О книге В. Каверина «Юность Тани»).— Ю. Савицкая.— № 11.
 Книги по радиотехнике.— № 11.
 Книги о первой русской революции.— № 12.
 Как я познакомилась с писателем.— С. Полоцкая.— № 12.
 Реки бегут в море (О сборнике «На берегах Ак-Идели»).— Ю. Новикова.— № 12.

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орджоникидзе В. Н. (заместитель редактора), Орлов В. И., Поддубная В. А. (ответственный секретарь), Прилежаева М. П., Сотник Ю. В., Шаринов Д. А.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

Технический редактор А. Ефимова.

Рукописи не возвращаются.

А 05957.

Подписано к печати 28/XI 1955 года

Тираж 300 000 экз.

Изд. № 954.

Заказ № 2904.

Форм. бум. 84 × 108/16. Бум. листов 2,62. Печ. л. 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ

из серии «Научно-художественная литература» Детгиза

ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

БЕЛАХОВА М.— Как хлеб на стол пришел.
ДОРОХОВ А.— Сто послушных рук. Рассказы о новейших машинах, помогающих в труде советским людям.
ИЛЬИН М. и СЕГАЛ Е.— Рассказы о том, что тебя окружает. Выпуск «В нашем городе». Книга о жизни большого города.
ЧУМАЧЕНКО А.— Человек с Луны. Рассказы о путешественнике Миклухо-Маклае.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

БРОННЕР Б. и КОКОСОВ Л.— Путь телеграммы. Рассказы о работе телеграфа.
ГЛАДКОВ К.— Телевидение. Рассказы об истории изобретения, современном состоянии телевидения и его будущем.
ЛЯПУНОВ Б.— О большом и малом. Рассказы об атомной энергии, высоких и низких давлениях, высоких и низких температурах в природе и технике. Книга рассказывает о ряде достижений советской физической науки.

ВЫЙДУТ ИЗ ПЕЧАТИ

В ПОМОЩЬ ЮНЫМ ТЕХНИКАМ

БУНИМОВИЧ Д.— Книга юного фотолюбителя.
ВОРОТНИКОВ И.— Занимательное черчение.
ЛЕОНТЬЕВ В.— Работы по дереву и металлу.
ПАВЛОВИЧ С.— Действующие модели сельскохозяйственных машин.
СМИРНОВ В.— Опыты по физике на самодельных приборах.

ЮНЫМ НАТУРАЛИСТАМ

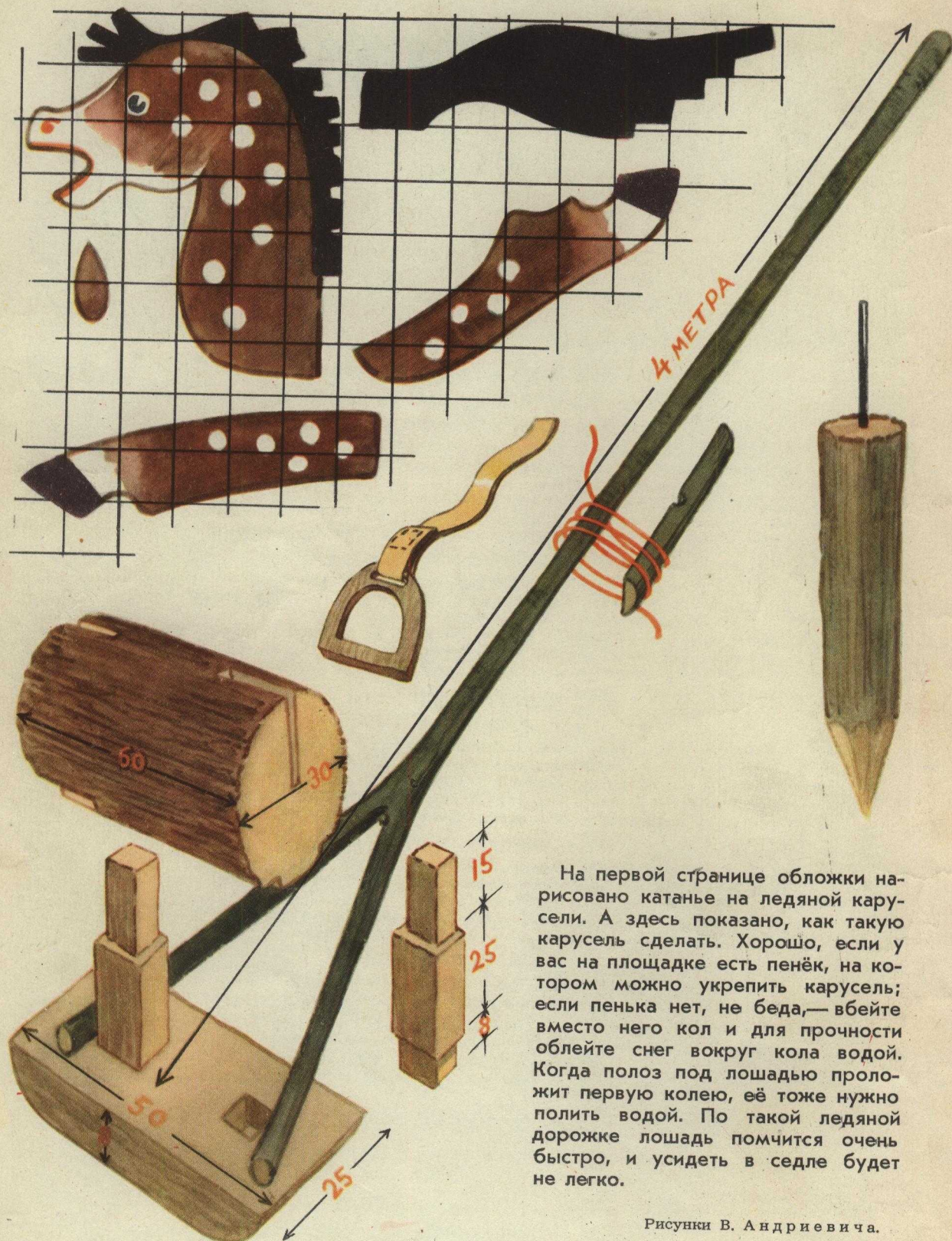
ГЕРД С.— Живой уголок природы в школе.
ГУСЕЛЬНИКОВА Е.— Сердобские юные мичуринцы. Рассказы о работах Сердобской станции юных натуралистов.
МАШКОВ Б., доктор сельскохозяйственных наук.— Свет и растение. Опыты для юннатов, показывающие значение света для развития растений.

ЮНЫМ ФИЗКУЛЬТУРНИКАМ

ВАСЮТИН Н. и ЧЕРЕВКОВ М.— Побеждают дружные. Физкультурные игры.
ХРШАНОВСКИЙ А.— У походного костра. О туризме и организации похода.

Посещайте книжные магазины! Следите за выходом новых книг. При отсутствии книг в магазинах Книготорга обращайтесь в свою школьную библиотеку.

Главкниготорг. Министерство культуры СССР.

На первой странице обложки нарисовано катанье на ледяной карусели. А здесь показано, как такую карусель сделать. Хорошо, если у вас на площадке есть пенёк, на котором можно укрепить карусель; если пенька нет, не беда,— вбейте вместо него кол и для прочности облейте снег вокруг кола водой. Когда полоз под лошадью проложит первую колею, её тоже нужно полить водой. По такой ледяной дорожке лошадь помчится очень быстро, и усидеть в седле будет не легко.

Рисунки В. Андриевича.